Следственный комитет Российской Федерации

Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета

ЭВОЛЮЦИЯ СЛЕДСТВИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

14 декабря 2017 года

Под редакцией
Председателя Следственного комитета Российской Федерации,
заслуженного юриста Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора,
генерала юстиции Российской Федерации
Александра Ивановича Бастрыкина

Санкт-Петербург
2018

УДК 343.1
ББК 67.7

Эволюция следствия в России: история и современность : материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 14 декабря 2017 года) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – СПб. : Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. – 160 с.

Сборник сформирован по материалам, представленным на Международную научно-практическую конференцию в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации 14 декабря 2017 года. Сборник представляет интерес для как для ученых (юристов, социологов, историков), так и сотрудников правоохранительных органов (практиков).

Редакционная коллегия:

Боруленков Юрий Петрович,
кандидат юридических наук, доцент;
Розовская Татьяна Игоревна,
кандидат юридических наук, доцент;
Фролов Владислав Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент;
Никольская А.С.

УДК 343.1
ББК 67.7

© Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета, 2018

Международная научно-практическая конференция «Эволюция следствия в России: история и современность» в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации 14 декабря 2017 г.

В соответствии с Планом научной деятельности Санкт-Петербургской академии Следственного комитета на 2017 год 14 декабря 2017 года в Академии состоялась Международная научно-практическая конференция на тему: «Эволюция следствия в России: история и современность».

Мероприятие было посвящено 300-летию со дня создания системы следственных органов Российского государства.

В нем приняли участие заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе по вопросам правоохранительной деятельности, обороны и безопасности Олег Логунов; руководитель второго следственного управления (с дислокацией в г. Санкт-Петербург) ГСУ СК России генерал-лейтенант юстиции Владимир Лоскутов;

руководство следственных управлений Следственного комитета, дислоцирующихся в городе Санкт-Петербурге; ветераны следственных органов – председатели Советов ветеранов следственных управлений Игорь Долгов, Александр Никольский, Василий Сидельников; известные ученые и деятели науки Петровской академии наук и искусств, Академии МВД Республики Таджикистан, Восточно-украинского национального университета им. Владимира Даля, Санкт-Петербургского государственного университета, Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Уральского государственного университета, Московской академии Следственного комитета, Академии управления МВД России, Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Казанского юридического института МВД России, Нижегородской академии МВД России, Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, Санкт-Петербургского университета МВД России, Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербургского института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России, Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики и другие.

следователей верно служить российскому государству и российскому народу, процитировав генерала Антона Ивановича Деникина: «Берегите офицера. Ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности».

Перед началом пленарного заседания участники конференции почтили минутой молчания память сотрудников Следственного комитета России, погибших при исполнении служебных обязанностей.

В пленарном заседании прозвучали доклады заведующего кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» **Дмитрия Серова** на тему «Зарождение органов предварительного следствия России: взгляд через 300 лет»; руководителя ГСУ СК России по городу Санкт-Петербургу **Александра Клауса** – «История развития следственных органов Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга в период с 1917 г по настоящее время»; профессора кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, заслуженного юриста РФ **Бориса Гаврилова** – «Формирование современной доктрины досудебного производства, регламентирующего процессуальную деятельность следователя»; проректора Санкт-Петербургской академии СК России **Юрия Боруленкова** – «В современных российских реалиях альтернативы предварительному следствию нет» руководителя Северо-Западного СУ на транспорте СК России **Сергея Сазина** – «Анализ исторического и современного опыта взаимодействия следственных органов на транспорте с иными правоохранительными и государственными органами»; заведующего кафедрой управления следственными органами и организации правоохранительной деятельности Московской академии СК РФ **Юрия Цветкова** – «Следственная власть: quo vadis?».

Для участников конференции и обучающихся в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ академией, совместно с коллегами из ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ГСУ СК России по городу Санкт-Петербургу и Санкт-Петербургским институтом (филиалом) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, была организована выставочная экспозиция, посвященная истории развития следственных органов России и Северной столицы.

В ходе секционных заседаний «Историко-правовые особенности развития следствия» и «Современные проблемы в сфере правовой регламентации организации и функционирования следствия» состоялось обсуждение вопросов судебного следствия Российской империи; развития следствия в советском и постсовестком периодах; исторические модели развития следственных органов в зарубежных государствах; история становления Следственного комитета Российской Федерации; вопросы взаимодействия следственных органов с иными правоохранительными и государственными органами; правовой регламентации статуса следователя; а также возможных путей совершенствования российского законодательства, регламентирующего организацию и функционирование следственных органов.

Клаус Александр Владимирович
руководитель Главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации
по г. Санкт-Петербургу,
генерал-лейтенант юстиции

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПЕТРОГРАДА – ЛЕНИНГРАДА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ПЕРИОД С 1917 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Во все времена борьба с преступностью была одной из главных функцией российского государства. Ее формы и методы менялись в зависимости от исторической обстановки и общественного развития, а успехи достигались упорной профессиональной работой специальных органов, занятых расследованием преступлений. Без сомнения – история органов следствия является неотъемлемой частью истории государства и права России.

Санкт-Петербург – удивительный город. За три с небольшим столетия существования он не один раз менял свое имя. Сегодня, обращаясь к истории становления следственных органов нашего города, нельзя не выделить столетний период – от Октябрьской революции 1917 года – до настоящего времени, вспомнив историю органов следствия одного города в трех ипостасях: Петроград-Ленинград-Петербург.

Каждый раз, обращаясь к знаменательным вехам, мы понимаем, что история – это, прежде всего, воспоминания очевидцев и участников событий минувших лет.

А история следственных органов – это воспоминания ветеранов, наших коллег, работавших на ниве законности столетие назад, в военные, блокадные и послевоенные годы. О следственной работе рассказывают и наши современники. И приводимые далее примеры – это часть жизни наших ветеранов, изложенная на бумаге, история «из первых уст».

Возвращаясь к началу прошлого века, необходимо сказать, что Октябрьская революция 1917 г. вместе с государственной машиной Российской империи в первую очередь ликвидировала судебную систему, следственный аппарат и органы дознания. Вместе с тем необходимость в реализации государственной функции расследования преступлений имелась, и весьма существенная.

Первым органом нового государства по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступностью стал Военно-революционный комитет (ВРК), образованный при Петроградском Совете рабочих и солдатских

депутатов еще до Октябрьской революции. Именно в его составе была создана и начала действовать следственная комиссия.

Первые годы советской власти были сопряжены с большими трудностями: это борьба с голодом, разруха, разгул преступности.

Как вспоминал **Бродский Давид Ильич**:[1] «*Петроград долго не мог избавиться от наводнивших город воров, бандитов и спекулянтов. Налеты совершались не только в ночное время: грабили и средь бела дня. Убивали. Запугивали население. На город наводили ужас такие банды, как «Мертвецы на пружинах» и «Черный ворон». И в эти сложные годы народный следователь был центральной фигурой в борьбе с преступностью, мимо него не проходило ни одно дело. Следователи расследовали дела об убийствах, половых преступлениях, грабежах, спекуляции и т.п. К следственной работе допускались только люди с высшим юридическим образованием и только после прохождения 6-месячной практики – при наличии положительных отзывов. И то назначались они только на должности «добавочных» следователей*».

В те годы, боровшиеся с преступниками всех мастей районные и Центральная уголовно-следственная комиссия, угро, комендатура революционной охраны Петрограда работали круглосуточно.

Не было еще в то время кодексов, не было и руководящих инструкций. Дела направлялись в суды, трибуналы, а в отдельных случаях – в ЧК. Суды выносили приговоры – 10 лет лишения свободы, 15 лет, 20 лет, иногда – бессрочно. Резолютивная часть приговора содержала фразу «Руководствуясь революционным правосознанием…», после чего суд оглашал меру наказания.

В 1923 г. в помощь следователям был принят первый уголовно-процессуальный кодекс нового советского государства. И в последующем на протяжении 37 лет положениями УПК 1923 года руководствовались тысячи советских следователей – и в нелегкие предвоенные годы, и в суровые годы Великой Отечественной войны, и в период послевоенного восстановления.

Война круто изменила судьбу всей страны. По военным рельсам пошла жизнь и следственного аппарата, входящего в те годы в состав прокуратуры. 5 декабря 1941 года Ленинградская городская и все районные прокуратуры были преобразованы в органы военной прокуратуры.

1 Бродский Давид Ильич – старейший представитель следственной системы (работавший в следственных органах Петрограда с марта 1919 года, а в военные годы занимавший должности: заместителя военного прокурора, а затем начальника следственного отдела Ленинградской областной прокуратуры).

Работники Ленинградской военной прокуратуры в условиях тяжелой блокады показали себя более, чем достойно. Более половины численного состава прокурорско-следственных работников, в том числе 2/3 мужчин, в первые же дни войны добровольно ушли в ряды Советской Армии, в народное ополчение и в партизанские отряды.

О тех днях написано много. Воспоминания о годах блокады пишут и наши ветераны: «Неоднократно рвались снаряды на перекрестке Литейного проспекта и улицы Белинского, где располагалось здание прокуратуры, и осколки залетали в кабинеты прокуроров, разрывались бомбы на Моховой улице, набережной Фонтанки. И в этом здании, где в кабинетах замерзали чернила, трудились и жили работники прокуратуры, следователи».

Следователям прокуратуры приходилось работать в исключительно сложных условиях. Большинство уголовных дел, которые расследовались в то время, были подсудны военным трибуналам. Следствие по ним требовалось закончить в 5-ти дневный срок. Ставились немалые задачи: обеспечение борьбы с расхитителями социалистической собственности и спекуляции, обеспечение сохранности имущества граждан, эвакуированных из города и призванных в Советскую Армию, поддержание строжайшего порядка в городе; борьба со злостными нарушителями светомаскировки, лицами, распространяющими ложные слухи, паникерами. Кроме того, в первой половине 1942 года значительное распространение получили такие преступления, как убийства и покушения на убийства с целью овладения продовольственными карточками и продуктами питания.

Как вспоминает **Иван Яковлевич Гаевский**[2]: «*Рабочий день у следователя был ненормированный, выходные дни и отпуска не существовали. Обещали предоставить отпуска по окончании войны. Я не имел жилья, жил в канцелярии прокуратуры, где была сложена печка-времянка, которую топили дровами. За ними мы ездили в*

2 Иван Яковлевич Гаевский – ныне здравствующий участник Великой Отечественной войны (в 1942 году был назначен на должность военного следователя военной прокуратуры Смольнинского района г. Ленинграда).

Невский район Ленинграда, где разбирали на дрова деревянные дома. В прокуратуре выдавали продовольственную карточку, по которой полагалось 500 грамм хлеба на день и другие продукты, но, кроме хлеба, в магазинах ничего не было…

Оканчивал я в месяц 8 – 10 дел. Некоторые остались в памяти. Например, уголовное дело в отношении начальника Московско-товарной станции, который в своем служебном кабинете убил женщину-инженера, подчиненного ему…

После предъявления доказательств обвиняемый признался в убийстве и показал, что, когда по окончании работы в его кабинете женщина наклонилась к печке-времянке прикурить, он нанес ей удар по голове канцелярским прессом. Совершив убийство, он охотничьим ножом расчленил труп на части, сложил в сейф, а при уходе с работы сложил в рюкзак и по дороге разбрасывал во дворах. А совершил он убийство женщины, чтобы завладеть продовольственными карточками – ее и мужа…»

После работы сотрудники прокуратуры блокадного Ленинграда были заняты и другими важными поручениями: поочередно несли дежурство во время воздушных налетов, работали на разборке старых деревянных сооружений, чтобы обеспечить прокуратуру топливом, принимали участие со всем населением города в уборке улиц и дворов от залежей снега и мусора, накопившихся за блокадную зиму. Кроме того, не забывая о том, что враг находится у ворот города, и все должны быть в боевой готовности, сотрудники прокуратуры регулярно занимались в стрелковом тире.

В таких условиях жили и на пределе человеческих возможностей работали наши коллеги, следователи прокуратуры 40-х годов ушедшего века.

После окончания войны, в послевоенный период следственный аппарат оставался в органах прокуратуры. «Милицейское» следствие было ликвидировано. В результате вся нагрузка по предварительному расследованию преступлений легла на следователей прокуратуры, в производстве которых скопилось огромное количество уголовных дел.

Как вспоминает **Иван Иванович Белов:**[3] *«В 50-70-е годы 20 века в СССР шла активная борьба с так называемыми хозяйственными*

3 Иван Иванович Белов – участник Великой Отечественной войны, с 1955 года работал в должности следователя Ленинского района г. Ленинграда.

преступлениями: выпуском неучтенной продукции, хищениями денежных средств, злоупотреблениями служебным положением…

Расследование таких уголовных дел было особо трудоемким. Практиковалось создание бригад из числа следователей прокуратуры, МВД и КГБ, а также оперативных сотрудников…».

Вспоминая особенности следственной работы **И.И. Белов** говорит: «*Вспоминая различные уголовные дела, я понимаю, что нужно уметь психологически переиграть именно тех обвиняемых, которые пытаются уйти от ответственности. Только владение материалами дела, знание жизни обвиняемого, положительных и отрицательных сторон его личности, установление нормальных отношении при проведении с ним следственных действий может убедить обвиняемого прислушаться к мнению следователя…*

Так, в отделе рабочего снабжения Ленинград-Финляндского отделения Октябрьской железной дороги в должности заместителя начальника по торговле работал некто Гусев А.Е. Характеризовался он сложно: замкнут, друзей не имеет. При этом у него была привычка заниматься поборами с магазинов перед праздничными датами. В ходе следствия Гусев, неожиданно для многих, дал развернутые показания о преступной деятельности за многие годы. В городском суде адвокаты других обвиняемых пытались выяснить, какими методами следователь смог добиться от Гусева показаний. Гусев же пояснил, что все просто. Следователь в общении с ним никогда не был груб, не нажимал на него, не допускал оскорблений; с ним было просто приятно общаться, а он воспитан так, что при таком общении лгать просто не может…»

Далее говоря о периодах становления следственных органов, необходимо отметить, что с начала периода «оттепели» в 1960 годах стала очевидной необходимость реформирования действующей административной модели следствия. Вместе с тем, попытки, предпринимавшиеся на протяжении почти сорока лет, так и не привели к реорганизации сложившейся модели следственного аппарата, неизменно мешала нестабильная политическая ситуация в стране.

Не смотря на объективные сложности, с которыми сталкивались следователи прошлых лет, многие работали они самоотверженно и в своих воспоминаниях говорят следующее:

Екатерина Ивановна Глебова[4]: *«Следствие – это самое лучшее, что может быть. Это творческая работа. При этом следователь должен быть осторожным и внимательным. Сейчас техническое оснащение следствия не в пример лучше, чем когда работали мы. Есть все возможности, чтобы раскрыть преступления. Нужно только добросовестно относиться к своему делу».*

Вспоминая **Екатерину Ивановну** нельзя не сказать о «прощальном», по сути предсмертном письме, адресованном ею руководителю Главного следственного управления по Санкт-Петербурге, в котором заслуженный ветеран благодарит за внимание и заботу и пишет такие строки: «*Следствие было для меня самым главным и любимым делом в профессии юриста-прокурора…желаю руководимому Вами коллективу Следственного управления удачи и существенных успехов в борьбе с негативными явлениями и злом…*»

В своих воспоминаниях **Олег Васильевич Прокофьев**[5]—рассказывает об «особенном» преступнике, с которым он столкнулся в своей следственной практике: «*Преступник орудовал топором. На трупе женщины эксперты-медики насчитали семнадцать ран. Голова её была изуродована. Завершив кровавое дело, бандит сложил на полу комнаты различные вещи, в том числе матрацы, и поджег, а на кухне открыл газовые краны. Он рассчитывал, что произойдет взрыв,*

4 **Екатерина Ивановна Глебова** - житель блокадного Ленинграда, в 50-60-е годы прошлого века работала в прокуратуре Ленинградской области, курируя работу следствия ряда районных прокуратур. с 1968–1994 гг. работала в следственном управлении прокуратуры Ленинграда).

5 **Олег Васильевич Прокофьев:** в 1957 году поступил на должность стажера прокуратуры Ленинского района г. Ленинграда, затем работал в следствии. Три конституционных срока возглавлял коллектив прокуратуры Дзержинского района Ленинграда.

и таким образам все следы преступления будут похоронены под обломками. Но он просчитался. Пожар был своевременно замечен и ликвидирован, взрыв предотвращен.

Почти трое суток (семьдесят часов) производили осмотр квартиры. Десятки людей участвовали в операции, которую условно можно было бы назвать «Квартира № 9». В эти дни городская прокуратура, управление милиции представляли собой оперативные штабы. Сюда непрерывно поступали донесения о ходе следствия, отсюда давались указания о дальнейших действиях.

В результате преступление было раскрыто, несовершеннолетний Аркадий Нейланд был изобличен и задержан. На вопрос следователя: зачем полез в квартиру – Нейланд отвечал: «Чтобы обворовать. Нужны были деньги». Почему вы так бесчеловечно расправились с беззащитной женщиной и совсем маленьким ребенком? - «Она сопротивлялась, вступила со мной в борьбу, мешала. Ну, а ребенок плакал. Поэтому я и «приглушил» его - спокойно ответил преступник.

Резонансным стал тот факт, что Нейланд, которому на момент вынесения приговора исполнилось полных 15 лет, был приговорен к смертной казни и приговор был приведен в исполнение.

Последовавшие на исходе 1991 года распад Союз ССР, ликвидация союзных органов власти открыли новую страницу в истории органов следствия России.

А вместе с тем годы-то были «лихие». Тяжелое время для России в целом, и непростые для города – вернувшего себе историческое имя - Санкт-Петербург.

Сейчас уже трудно представить, что в конце 1990 годов в Санкт-Петербурге отмечался разгул бандитизма. Город называли не иначе, как «Бандитский Петербург». Каких только преступных группировок не было в городе: «Тамбовские», «Казанские», «Малышевские», «Колесниковские» и другие. Бандиты терроризировали предпринимателей, занимались вымогательством, захватывали предприятия, похищали и убивали людей.

Банды были отлично вооружены, привлекали в свои ряды бывших спортсменов, военнослужащих, прошедших специальную подготовку, обладали широкими коррупционными связями в органах власти и правоохранительных органах, действовали крайне дерзко и были уверены в своей безнаказанности.

Из воспоминаний современников:

Капитонов Сергей Алексеевич (с 1994 по 2001 год – старший следователь, а затем – следователь по особо важным делам отдела по расследованию особо важных дел прокуратуры Санкт-Петербурга): «*Много было изобличено бандитов, однако, об одном уголовном деле, ставшем беспрецедентным в следственной практике, хочется рассказать особо.*

В конце 90-х была получена оперативная информация о том, что в течение длительного времени в городе действует банда, которой руководит депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Шутов Ю.Т., известный в криминальном мире по кличкам «Титыч», «Папа» и «Тренер».

Специализация группы была крайне редкая – совершение убийств по найму. Очевидно, что деятельность банды представляла чрезвычайную опасность.

Пожалуй, впервые правоохранительные органы города столкнулись с такой мобильной, имеющей жесткую внутригрупповую структуру и организацию, бандой, члены которой специально готовились для совершения «заказных» убийств. Позднее, даже очутившись за решеткой бандиты совершенно не собирались сдаваться. Для противодействия следствию использовались самые различные методы: от саботажа следственных действий со стороны защитников обвиняемых, до откровенных угроз членам следственной группы.

Однако, несмотря на все уловки, благодаря высокому профессионализму членов следственной группы, были собраны доказательства, позволившие инкриминировать членам банды 26 эпизодов преступной деятельности. Судом был вынесен приговор участникам банды. Они были признаны виновными в бандитизме, убийствах, разбойных нападениях, похищениях людей и других преступлениях. Шутов Ю.Т. и приближенные к нему лица осуждены к пожизненному лишению свободы, остальные участники преступной группы — к длительным срокам лишения свободы (от 18 до 7 лет лишения свободы)».

За успешное расследование преступной деятельности банды Шутова Указом Президента Российской Федерации сотрудники управления по расследованию особо важных дел прокуратуры Санкт-

Петербурга были награждены Орденом Почета. Государственными наградами отмечены также сотрудники милиции, осуществлявшие оперативное сопровождение расследования, а также сотрудники прокуратуры, поддерживавшие государственное обвинение.

Остались в прошлом «лихие» девяностые, минуло столетие и сегодня Следственный комитет Российской Федерации в Северной столице представляет Главное следственное управление по городу Санкт-Петербургу, аппарат которого располагается в историческом центре Санкт-Петербурга, а 18 районных следственных отделов работают на ниве законности на всей территории города.

Уходящий год ознаменован значимой юбилейной датой – десятилетие с момента создания Следственного комитета Российской Федерации. За минувшие 10 лет Главному следственному управлению по Санкт-Петербургу удалось раскрыть не малое количество сложнейших многоэпизодных дел, пресечь деятельность значительного ряда организованных преступных формирований, привлечь к установленной законом ответственности не одну тысячу злоумышленников, в том числе – серийных убийц, педофилов и насильников, мошенников и коррумпированных чиновников.

И сегодня, помня ежедневный подвиг наших коллег-ветеранов в сложнейшие периоды истории России, сотрудники Главного следственного управления видят цель своей служебной деятельности в том, чтобы нарушенные права граждан были восстановлены, причиненный преступлением ущерб возмещен, а виновные лица понесли установленную законом ответственность.

И конечно, нельзя не сказать о том, что помимо уважения к прошлому представители современных следственных органов Следственного комитета России не забывают о будущем. В этой связи особые надежды мы возлагает на молодых специалистов – следователей, которые только начинают свою службу; -подрастающее поколение следователей: студентов Академии Следственного комитета Российской Федерации и совсем еще юных ребят – учащихся кадетских классов под патронатом Следственного комитета России, которые сейчас еще учатся, но в ближайшее время станут продолжателями нашего профессионального пути.

© Клаус А.В., 2018

Боруленков Юрий Петрович
проректор Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета России
кандидат юридических наук, доцент

В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ АЛЬТЕРНАТИВЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СЛЕДСТВИЮ НЕТ

«Реформаторский зуд
продолжает будоражить
лучшие умы отечественной процессуалистики…»

Десять лет Следственному комитету России. И на протяжении всего этого времени звучат призывы к реорганизации как следственного аппарата, так и уголовного судопроизводства в целом.

Нужно достаточно четко представлять, что предлагаемые изменения (и отказ от стадии возбуждения уголовного дела[6], и

6 Боруленков Ю. П. Доследственная проверка: за и против // Российский следователь. 2013. № 19. С. 48.

введение в досудебное производство следственного судьи[7]) – это путь к последующей ликвидации предварительного следствия под различными благовидными предлогами, такими как деформализация следствия, сокращение сроков расследования, обеспечение прав как обвиняемых, так и потерпевших, и пр.

Видимо, у некоторых ученых, да и части практических работников, создалось мнение, что именно институт предварительного следствия влечет все беды современного российского уголовного судопроизводства.

В чем миссия следственного сообщества?

По моему глубокому убеждению – это обеспечение неотвратимости наказания.

Современная жизнь, культивируемые сейчас социальные ценности породили стадийность и цикличность уголовного процесса. Существующие ограничения, многоступенчатая конструкция, когда вышестоящий субъект ревизует (верифицирует) правильность выводов нижестоящего, призваны минимизировать вероятность ошибки[8].

По сути, закрепление процедуры юридического познания есть средство самоограничения государства, которое исходит из приоритета социальных ценностей, актуальных на момент установления правил[9], в связи с чем для *уголовного процесса гносеологические цели и задачи далеко не всегда являются системообразующими*. На современной стадии развития общества эффективность процесса определяется его нацеленностью на *обеспечение гарантированности правовых стандартов*[10].

В тоже время для существующей системы иерархии публичных субъектов познания важное значение имеет *закономерность искажения смысла информации*, действующая объективно и тем сильнее, чем большее число субъектов использует определенный

7 Смирнов А. В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс // Уголовный процесс. 2014. № 9. С. 82.

8 Боруленков Ю. П. Теоретические основы процессуального познания : монография. Владимир, 2006. С. 29.

9 Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: Концепция самоограничения государства : дис. ... д-ра юрид. наук : 19.00.06 / Мизулина Елена Борисовна. Ярославль, 1991. 269 с.; Баранов А. М. Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2007. № 8. С. 62-66.

10 Alexandrov A. S., Lapatnikov M. V., Terehin V. V. Dal piano della concorrenza - per completare l'Inquisizione: l'evoluzione del diritto processuale penale russo // Italian Science Review. 5, MAY 2014. PP. 147, 149.

массив информации на входе и на выходе любого познавательного процесса.

Чем занимается современный следователь? Он добывает *знания* – и здесь проблема их найти, запаковать и передать другому субъекту (прокурору и соответственно в суд).

По мнению процессуалистов нижегородской школы, «процессуальное право, и прежде всего «доказательственное право», представляет собой *когнитивную программу*. *Процессуальное доказательство* не просто информация, а *процедурное знание*, которым обмениваются субъекты юридического познания и доказывания. Значение процессуальной процедуры – *обеспечить эстафетное знание*[11].

Укрепление следственных органов – настоятельная необходимость сегодняшнего дня, и этот курс взят законодателем. Однако часть юридического сообщества, одни – исключительно исходя из личных амбиций, другие – на популистской волне, замечать этого пока не желает, и более того, стремится отвоевать ранее занимаемые позиции доминирующего органа. И способ показать собственную важность и необходимость здесь один – попытаться продемонстрировать, что другие работать не умеют, не могут, не хотят.

Сложность оценки деятельности правоохранительных органов с помощью количественных показателей определяется отсутствием их целевого, «идеального» значения. Более того, введение количественного значения показателя, к которому надо стремиться, приносит вред, по крайней мере, в виде искажения отчетности. Следует иметь в виду, что последняя обладает свойством адаптации к выдвигаемым требованиям[12].

К сожалению, обосновывая необходимость тех или иных реформ законодательства, достаточно часто в качестве аргумента приводят различные количественные показатели, в том числе и результатов работы некоторых правоохранительных органов, которые при внимательном рассмотрении демонстрируют совершенно иную

11 Александров А.С., Босов А.Е., Терехин В.В. Доказывание в суде присяжных: de dicto vs. de re // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5. С. 97, 101.

12 Михайловская И. Б. Оценка деятельности следственных органов как центральный вопрос управления // Актуальные проблемы расследования преступлений : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 23 мая 2013 года). Институт повышения квалификации СК РФ. В 2-х частях. Часть 1. М., 2013. С. 412–415.

картину состояния законности и правопорядка, чем утверждалось ранее. Зачастую критические оценки даются прокурорами, и не только, без глубокого анализа результатов деятельности следственного аппарата на основании фактов отдельных нарушений закона и, как правило, основаны на субъективном мнении. Такая тактика используется и в дискуссии о расширении полномочий прокурора.

Архитектура системы органов уголовного преследования в существенной степени зависит от места и роли, отведенной органам *прокуратуры* в конкретной стране на том или ином историческом этапе. С изменением парадигмы уголовного процесса, упрочением состязательности, передачей суду практически всех полномочий по контролю за действиями и решениями следователя, предпринята попытка ограничить сферу деятельности прокурора на досудебной стадии чисто надзорными полномочиями.

И это на фоне постоянного сетования прокуроров на нехватку полномочий по руководству предварительным расследованием, что свидетельствует о перманентной в зависимости от обстоятельств изменяющейся самоидентификации прокуратуры: то как надзорного органа, то – контрольного.

У нас защищены сотни докторских и кандидатских диссертаций по прокурорскому надзору, но, с учетом пятнадцатилетней службы в прокуратуре, я абсолютно уверен, ни один практический работник внятно не ответит, контрольные или надзорные функции выполняет прокуратура в современной России.

И это не потому, что они не знают, что надзор от контроля отличается: во-первых, отсутствием административных и управленческих полномочий по непосредственному участию в технологическом процессе; во-вторых, отсутствием оценки целесообразности того или иного процесса; и в-третьих, отсутствием бремени ответственности за конечный результат.

На сегодняшний момент можно констатировать, что прокуратура в силу определенных обстоятельств практически во всех сферах прокурорской деятельности выполняет контрольные функции, подменяя контролирующие органы.

Конечно, нельзя закрывать глаза и на имеющиеся проблемы в работе следственных органов, но настораживает системность в негативной оценке нашей деятельности. Негативная оценка

качества предварительного следствия дается даже посредством таких критериев, как малое количество дошедших до суда дел или небольшого процента оправдательных приговоров. В современных условиях террористической опасности не совсем уместно, вернее, совсем неуместно вспоминать постановленный присяжными оправдательный вердикт по делу Веры Засулич как эталон правосудия[13].

Можно вообще удивляюсь оправдательным приговорам при нынешней системе процессуального контроля и надзора.

Следует отметить, что, декларируя необходимость усиления прокурорского надзора и судебного контроля, при обосновании своей позиции реформаторы ссылаются на многомилионную прокурорскую статистику (никакого отношения не имеющую ни к законности, ни к правопорядку, поскольку является либо следствием гипперзаформализованности процедуры расследования, либо оценочных категорий).[14] Прокуроры в погоне за количественными показателями своей работы (что одновременно рассматривается как негативные показатели работы следствия) со ссылкой на нарушение закона манипулируют оценочными категориями (неполнота, недостаточность и др.). 95 % возвращенных прокурором для дополнительного расследования уголовных дел в суде вообще не вызвали бы никаких вопросов.

В тоже время глубокие научные исследования в этом направлении не проводятся. Совершенно непонятно, на каком основании делается вывод об ухудшении качества отечественного следствия, и ущербности нашей борьбы с преступностью, по сравнению с иными государствами. Элементарный анализ открытых источников свидетельствует как раз об обратном.

На столько ли ухудшилось состояние следственных органов с момента выделения из органов прокуратуры? Впрочем, достаточно полистать уголовные дела о нераскрытых преступлениях прошлых лет, приостановленные следователями прокуратуры. Миллионы выявленных так называемых «нарушений» и единицы реально поставленных на учет преступлений. А сколько из них дошли до суда? Выявление таких «нарушений» никакого отношения не имеет

13 Смирнов А. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета (02/12/2014) [Электронный ресурс]. URL : http://www.iuaj.net/node/1668 (Дата обращения 28.01.2017).

14 Боруленков Ю. П. Место прокуратуры в системе органов уголовного преследования // Уголовное судопроизводство. 2013. № 2. С. 20–23.

к состоянию законности в этой сфере. Кому нужна такая «дутая» статистика?

О чем могут свидетельствовать факты, когда прокурор, не усмотрев достаточных оснований, отменяет постановление о возбуждении уголовного дела по факту самоубийства путем повешения тринадцатилетней девочки, или считает отсутствие справки о судимости основанием отмены постановления о возбуждении уголовного дела по факту уклонения от военной службы? А когда его решения обжалуются, очень обижается, со всеми вытекающими отсюда последствиями…

И самое страшное, что *молодое подрастающее поколение прокуроров* начинает наивно полагать, что формирование вот такой «многомилионной негативной» статистики и есть *их миссия в укреплении законности и правопорядка в стране*.

Хотелось бы отметить, что если российская прокуратура настаивает на возложении на себя бремени организатора уголовного преследования, как это сделали в Украине, то из этого следует, чтобы быть последовательными, как минимум два безусловно необходимых логических вывода: а) прокуратура не является надзорным органом, что противоречит Конституции РФ; б) о необходимости возложения на прокуратуру ответственности за результаты этой деятельности. Ответственности не в части рассмотрения уголовных дел судами, а в целом правопорядка на конкретной территории. А поскольку в нашей стране количественные показатели работы правоохранительных органов не отражают реального положения дел, рано или поздно мы придем к необходимости получения оценки населения, и самый объективный способ – прямые выборы, хотя бы до уровня прокурора субъекта[15].

Вы спросите почему? Потому, что тогда прокурор будет думать не о собственной безопасности и соответственно о статистических показателях, а об оценки работы населением. Мы прекрасно знаем уголовные дела, которые не дают ни в суд направить, ни прекратить. Конечно, количество оправдательных приговоров возрастет, но и поток уголовных дел в суд увеличится.

Любые предложения о реорганизации, ликвидации каких-либо правоохранительных органов, изменении архитектуры их

15 Боруленков Ю. П. О полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 33–41.

системы должны быть взвешенными и базироваться на глубочайшем мониторинге, расчете соотношения ожидаемых позитивных и неизбежных негативных последствий.

При обосновании своей позиции сторонники реорганизации и ликвидации предварительного расследования в одних случаях ссылаются на дореволюционное российское уголовное судопроизводство, в других – на опыт правоохранительных органов США, а в-третьих – на процессуальные институты западноевропейских стран. Мы – ни то, ни другое и не третье. Мы – современная многонациональная Россия, со свойственным нам менталитетом, и необъятными просторами.

К любому изменению процессуального законодательства следует подходить системно, обеспечивая достаточно глубокий мониторинг социальной среды, в которую помещается тот или иной правовой институт, учитывая каждый из элементов системы и их связи. Не случайно не столь же эффективными являются перенесенные на российскую почву иностранные правовые, в том числе и процессуальные, институты. Как отмечает Жан Карбонье, перенос института из одной «социальной среды в другую всегда рискован, и за него приходится расплачиваться по меньшей мере определенной деформацией трансплантированного элемента».[16] Аргументы типа «как у них» у нас просто не работают.

Государственная уголовная политика должна базироваться на четком понимании того, каких изменений в преступности можно ожидать, если предпринять меры по реорганизации тех или иных правоохранительных и судебных институтов. В то же время нельзя также исключать вероятность принятия законодателем таких решений, которые существенным образом могут осложнить криминальную обстановку в стране, негативно сказаться и на состоянии прав и свобод.[17] Достаточно сказать, что в ряде случаев радикальные изменения уголовного судопроизводства были предвестниками последующих социальных потрясений (Россия 1917 г.; Украина 2014 г.).

Вопрос относительно реформирования досудебного производства продолжает оставаться предметом обсуждения на самых разных уровнях власти[18]. Поступают диаметрально противоположные предложения по реорганизации предварительного следствия – от полной ликвидации и замены на так называемое административное

16 Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 203.
17 Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. 144 с.
18 Засадный полк Юрия Чайки // Независимая газета. 2013. 27 февраля.

(полицейское) расследование, до восстановления института судебных следователей[19] или введения следственных судей[20].

Нужно четко осознавать, что отказ от предварительного следствия – это прямой путь к так называемому *полицейскому (административному) расследованию*, которое предполагает кроме прочего готовность полицейской, прокурорской и судебной систем работать в новых условиях. И под этой готовностью подразумевается широчайший спектр факторов, начиная с профессиональной подготовленности и менталитета, вплоть до организации собственно уголовного процесса. Необходим и достаточно высокий уровень общественного правосознания.

В англо-саксонской системе полицейского расследования результаты действий процессуально не фиксируются, что влечет необходимость их подтверждения в судебном разбирательстве посредством свидетельских показаний участников, в том числе и проводивших их сотрудников полиции[21]. И здесь в основе лежит совершенно иное, нежели в России, отношение служителей Фемиды к Полицейскому и его показаниям. *Полицейское расследование возможного только при одном условии – презумпции добросовестности полицейского.*

Особенность расследования преступлений заключается в том, что позиция лица, начинающего производство по делу, в отсутствие корректировки задает траекторию уголовного дела, которую тем сложнее исправить, чем дальше продвинулось дело по стадиям процесса.[22]

Многие ли из нас сегодня, в данную минуту, готовы довериться полицейскому? И здесь мы наблюдаем противоречие в позиции реформаторов. Откровенно не доверяя следователю, требуя все больше и больше подвергнуть его прокурорскому надзору (читай – контролю) и судебному контролю, в тоже время они готовы осуществляющего расследование полицейского вывести из-под

19 Деришев Ю. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования // Уголовное право. 2005. № 1. С. 82; Махов В.Н. Раскрывать преступления должны органы дознания // Российский следователь. 2014. С. 17-21.

20 Смирнов А.В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс // Уголовный процесс. 2014. № 9. С. 74–86.

21 Пиюк А.В. Правовое положение следователя в современном уголовном процессе // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 33–37.

22 Никонов М. А. Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.00 / Никонов Михаил Алексеевич. М., 2014. С. 6.

плотной опеки процедурных форм.

Предлагая разрушить сложившуюся систему следственных органов России и передать в полном объеме их полномочия органам дознания, совершенно не учитывается современное состояние полиции и необходимость узкопрофессиональной подготовки лиц, занимающихся проведением и документированием следственных действий. Рано или поздно вновь встанет задача создания структуры органов, объединяющих этих лиц (как бы эти подразделения ни назывались).

Реформаторы уголовного процесса забывают, что расследование преступлений начинается с момента обнаружения признаков преступления, что в абсолютном большинстве случаев не совпадает со временем появления процессуальной фигуры подозреваемого, и тем более встречи сторон обвинения и защиты в суде. И этот временной разрыв может исчисляться годами и даже десятилетиями.

В судебном заедании могут формироваться исключительно доказательства, основанные на вербальной информации. Возможно, это работало в 18 веке, но сейчас, в период научно-технической революции, вербальные доказательства по конкретным уголовным делам составляют малую толику из общего массива доказательств. Экономическая и организованная преступность, рост террористической угрозы вынуждают следственные органы смещать акценты в доказывании с вербальных на иные, более объективные, надежные (достоверные), доказательства, в том числе сформированные на основании результатов ОРД.[23]

Предложения реформаторов предусматривают производство органом дознания действий по документированию (вещественные доказательства, протоколы опознаний, осмотров, обысков, выемок), допустимость которых может быть оспорена сторонами и проверена судом на предварительном слушании[24]. И нам совершенно не понятно, о каком «фактическом правовом равенстве»[25] может идти речь, когда полиция обязана будет документировать с соблюдением всех предусмотренных законом процессуальных требований, а к адвокатскому расследованию таких требований не предъявляется.

Предложения некоторых исследователей о реорганизации российского досудебного уголовного судопроизводства удивительно

23 Захарцев С. И., Игнащенков Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке : монография. М., 2015. 400 с.
24 Смирнов А. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета (02/12/2014).
25 Там же.

напоминают мне случайно попавшуюся на глаза «Притчу об эффективных менеджерах».[26]

Следственный судья в концепции реорганизации досудебного производства[27] с точки зрения технологии уголовно-процессуального познания является «слабым звеном», поскольку фактически не имеет возможности выполнять познавательную функцию. А следователь по определению осуществляет познание.[28]

Более того, следственный судья в отличие от следователя и рассматривающего дело по существу судьи никоим образом не отвечает за результат ни расследования, ни рассмотрения уголовного дела. Этим, например, отличается положение современного судьи, рассматривающего ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей, и прокурора советских времен, принимавшего решение об аресте. Абсолютно убежден, что прокурор с не меньшей ответственностью подходил к решению данного вопроса, поскольку отвечал за судьбу уголовного дела в целом.

26 Притча об эффективных менеджерах. Жило-было одно российско-японское совместное предприятие. И решили как-то два офиса провести между собой соревнование по гребле. В каждую команду вошло по восемь гребцов. Обе команды усиленно тренировались и ко дню соревнований были в одинаковой кондиции. Но в итоге японская команда обошла соперников на километр.
Настроение у проигравших было хуже некуда. Высшее руководство задумалось. И решило нанять группу аналитиков, чтобы те оценили ситуацию и дали рекомендации, как выиграть в следующий раз. После нескольких недель напряженного умственного труда аналитики выдали ответ на вопрос, почему российская команда проиграла. Оказалось, что в японской команде было семеро гребцов и один рулевой. В то время как в проигравшей российской – семеро рулевых и один гребец.
Высшее руководство хлопнуло себя по лбу и решило нанять консалтинговую группу для проведения репозиционирования. Консультанты решили, что в команде слишком много людей занимают одинаковую позицию рулевого, и рекомендовали перестроить команду с учетом возможного карьерного роста. Теперь в ней стало всего четверо рулевых, двое специалистов по рулению, один топ-менеджер руления и один гребец. С гребцом консультанты посоветовали активно работать, дабы мотивировать его на достижение победы. На следующих соревнованиях команда соперников ушла вперед на два километра.
Высшее руководство уволило гребца за недостаток рвения и низкие показатели работы. Все остальные члены команды за счет его зарплаты получили бонусы за достижение высоких результатов в процессе мотивации.
Аналитики снова сели за работу и нашли причину поражения. Стратегия была хорошей, мотивация – отличной, менеджеры – превосходные, а вот средства реализации идеи были плохие... К следующим соревнованиям в российском офисе проектируют новую лодку... (Экспресс газета. 2015. 11.09. № 44 (1081).
27 Смирнов А. Российский уголовный процесс: необходима новая модель (22/01/2015) [Электронный ресурс]. URL : http://www.iuaj.net/node/1700 (Дата обращения 28.01.2017).
28 Боруленков Ю. П. Следственный судья как «слабое звено» уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. 2015. № 3. С. 9–21.

И здесь наблюдаем парадоксальную ситуацию. Как мне неоднократно говорили многие судьи, отстраненность от результатов расследования в наших российских условиях, оказывается, не раскрепощает, а сковывает их усмотрение, они, со ссылкой на персональную ответственность следователя за судьбу дела в целом, в абсолютном большинстве случаев поддерживают его мнение. На основании собственного опыта могу сделать только один вывод – прокурор был значительно свободней в принятии данного решения.

Какими соображениями будет руководствоваться следственный судья, например, рассматривающий ходатайство стороны защиты о проведении очной ставки между насильником и жертвой, когда растерзанная потерпевшая категорически против этого возражает?[29] И если следственный судья будет видеть перед собой задачу уравнять стороны в правах, то ответ ясен – он проведет это следственное действие со всеми вытекающими отсюда последствиями[30]. Или же он внемлет голосу Разума, или вспомнит о следственной тактике?

По сути, возможное введение института следственного судьи будет означать не более чем нагромождение очередного, совершенно бессодержательного, условия допустимости доказательств, поскольку ни одна современная конструкция судебного заседания не позволит обойти принцип непосредственности, согласно которому судья, рассматривающий уголовное дело по существу, *обязан* исследовать каждое доказательство, даже если оно ранее было предметом рассмотрения его коллеги по судебному ведомству.

Сегодня следует констатировать, что в условиях нынешней парадигмы уголовного процесса альтернативы Следственному комитету нет. Радикальные предложения о ликвидации предварительного расследования как формы досудебного производства по уголовным делам не основаны на современных российских реалиях.

Безусловно, следствие в том виде, в котором оно сейчас

29 Боруленков Ю. П. Очная ставка. Устраняем противоречия? // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина) : сб. матер. 53-х криминалистических чтений: в 3-х ч. М. : Академия управления МВД России, 2012. Ч. 3. С. 22-27.

30 С одной стороны, нужно не забывать, что потерпевшая переживает насилие минимум четырежды: впервые в результате действия преступника, потом – с участием судмедэксперта и следователя, а в завершение мы все вместе напомним ей об этом в суде. С другой стороны – результатом очной ставки может стать самая непредсказуемая динамика показаний и в целом позиции потерпевшей.

пребывает, слишком громоздкое, негибкое. Назрела настоятельная необходимость деформализации предварительного расследования, как в плоскости организации расследования, так и с позиции теории доказательств. И эту работу следует начать в рамках сложившейся структуры следственных органов[31].

© Боруленков Ю.П., 2018

31 Боруленков Ю. П. Фиксированные сроки следствия как рудимент российского уголовного процесса // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения : сборник научно-практических трудов. Вып. 3. М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 59–65.

Милюков Сергей Федорович
профессор кафедры уголовного права
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена
доктор юридических наук, профессор

ПРИЧИНЫ НЕЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ «ТЕЛЕФОННОМУ» ТЕРРОРИЗМУ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Современная уголовно-политическая ситуация в России отличается злокачественным своеобразием: на фоне усиления внутренних и внешних угроз её национальной безопасности[32] официально регистрируется почти неуклонное снижение количества совершаемых преступлений.

Так, за 8 мес. 2017 г. общее число выявленных преступлений уменьшилось на 8,2 %. Количество посягательств на собственность и личность сокращалось еще более быстрыми темпами — соответственно на 10,6 и 16,9 %. Стремительно падала регистрация таких особо опасных деяний, как взяточничество (–19,1 %) и преступления террористического характера (–15,2 %).

О вопиющей недостоверности этих показателей свидетельствует такой факт. За указанный период по всей стране зарегистрировано всего 884 факта заведомо ложного сообщения об акте терроризма (–19,2 %). А уже через месяц Россию накрыл вал таких преступлений, серьёзно расстроивший работу разного рода учреждений (в том числе государственных), железнодорожного (включая метро) и авиатранспорта, нанесший материальный ущерб на сотни миллионов (если не на миллиарды) рублей, изнуривших силовые структуры в бесплодных поисках мнимых террористов и несуществующих взрывных устройств. Реальные (а, отнюдь, не виртуальные) преступники торжествуют в своей безнаказанности.

Знаковой является и дата начала массированной террористической атаки на Россию – 11 сентября. Это ясно указывает на преднамеренный, скоординированный и тщательно спланированный

32 Наше видение этих угроз раскрыто в публикации: Милюков С.Ф. Правовое невежество как злокачественная угроза национальной безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4. С. 29–32.

ее характер. Конечно, оживились и одиночные, в том числе психически неуравновешенные правонарушители такого толка.

Причин недостаточно оперативного и малоэффективного отпора обрисованной экспансии несколько.

Зададимся прежде всего вопросом: а в какой наш мере готов к такому наступлению наш нормативный аппарат, прежде всего уголовно-правовой?

До принятия Федерального закона от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ[33] нормативной основой для квалификации подобного озорства была широко применявшаяся в ту пору статья 206 УК РСФСР («Хулиганство»), прежде всего ее часть вторая – злостное хулиганство по признаку особой дерзости, с внушительной и безальтернативной санкцией в виде лишения свободы от одного года до пяти лет (впоследствии все более либерализировавшейся законодатель ее существенно смягчил, что ясно указывает на курс отказа от жесткого противодействия хулиганству в целом[34]). Названным законом в УК РСФСР была введена статья 213[4] «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» с уже альтернативной и значительно более мягкой санкцией. Главный же ее недостаток – отсутствие квалифицирующих (отягчающих) обстоятельств при всех их очевидности.

Отмеченные пороки были полностью воспроизведены в одноименной статье 207 ныне действующего УК РФ, за что она была подвергнута нами критике еще на исходе прошлого века.[35] Одновременно было предложено дополнить эту статью частью второй следующего содержания: «2. То же деяние, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, - наказывается лишением свободы на срок от трех до шести лет».

Увы, законодателю потребовалось долгих восемнадцать (!) лет, чтобы осознать несостоятельность своего подхода к оценке общественной опасности рассматриваемого поведения, хотя он до этого неоднократно (в 2003, 2009, 2010 и в 2011 гг. вторгался

33 Федеральный закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Собрание законодательства РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.

34 Милюков С.Ф. Денационализация борьбы с преступностью в России (на примере капитуляции перед хулиганством) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2. С. 12–22.

35 Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб. : СПбИВЭСЭП, Знание, 2000. С. 246–247..

в нормативную ткань данной статьи, внося непринципиальные изменения и дополнения в ее санкцию).

В итоге в действующей *пока* редакции часть вторая статьи 207 УК РФ установлено маловразумительное наказание в виде лишения свободы от двух месяцев (!) до пяти лет с альтернативой в виде штрафа до одного миллиона рублей.

Мы подчеркнули слово «пока» по той причине, что на момент написания этих строк профильный комитет Госдумы по госстроительству и законодательству рекомендовал принять в первом чтении законопроект о кардинальном усилении ответственности (до 10 лет лишения свободы) за рассматриваемое преступление. Учитывая, что авторами этого законопроекта являются такие влиятельные депутаты, как председатель нижней палаты Федерального собрания В. Володин, глава названного комитета П. Крашенинников и руководитель другого комитета Госдумы (по безопасности) В. Пискарев, можно ожидать скорого принятия этого закона в целом.

Но решит ли этот в целом верный, хотя и явно запоздалый шаг, данную проблему в целом?

Ведь подавляющее количество звонков ныне поступает не из России, а из-за ее рубежей, реально (и виртуально) недостаточно защищенных. В октябре 2017 г. директор ФСБ А. Бортников заявил, что звонки совершают четыре россиянина из-за границы, но определить их точное местонахождение сложно «из-за использования интернет-телефонии». Позднее выяснилось, что преступники звонят в основном из Сирии, а также Турции, Украины, США, Канады, Казахстана и Узбекистана (как сообщил замглавы МВД России И. Зубов)[36].

Судя по всему, большинство практических работников слабо верят в возможность процессуального, и тем более, внепроцессуального воздействия на распоясавшихся хулиганов и террористов, укрывшихся на территориях, контролируемых официальными и неофициальными силовыми структурами за рубежом ввиду их сугубо враждебного отношения к России.

Однако законные способы прекратить эти бесчинства все же есть. Надо настойчиво проводить оперативно-розыскные и следственные действия по изобличению звонивших, требовать выдачи российских граждан и приравненных к ним апатридов отечественному правосудию. При отказе в такой выдаче или ее невозможности

36 Vedomosti.ru. 2017. 12 дек.

ввиду наличия иностранного гражданства (подданства) должны применяться разнообразные меры внесудебной репрессии — начиная от физического уничтожения «телефонистов» (если они вещают с территорий, контролируемых террористическими организациями) до разрушения соответствующей инфраструктуры (средств связи, помещений, транспорта и т. п.).

Соответствующие предложения уже давно разработаны нами, доведены до специалистов и органов власти.[37] Дело за «малым» - решиться на их применение, как это многие уже годы делает ряд государств – прежде всего США и Израиль.

Для этого придется преодолеть изрядную косность, в том числе и научную – например, известный специалист в сфере обстоятельств, исключающих преступность деяния, В.И. Михайлов пишет: «Пространственные границы ситуаций, в пределах которых возможно причинять вред по правилам норм главы 8 УК, ограничены пределами территории Российской Федерации»[38].

Думается, что содержание статьи 12 УК РФ («Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации») дает основание для диаметрально противоположного вывода, хотя, вероятно, требуется об этом сказать более внятно.

Против России ведется ожесточенная война с использованием новейших технологий, в том числе информационных. Правоохранительные органы должны найти достойные, в том числе ассиметричные, ответы, чем, собственно, всегда отличались наши славные предки.

© Милюков С.Ф., 2018

37 Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. С. 110–111; Корецкий Д., Милюков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. № 1. С. 112–114.

38 Михайлов В.И. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: сравнительно правовой анализ // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10-и тт. Т.Х. / под ред. Н.А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 81.

РАЗДЕЛ 1: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЛЕДСТВИЯ

Белозеров Борис Петрович
профессор кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
профессор,

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОГО СУДОУСТРОЙСТВА И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА И ЕГО ТЫЛА

Известно, что война требует от людей предельного напряжения духовных и физических сил. Свое внешнее проявление она находит не только в виде беспримерных образцов великой жертвенности и самоотречения, в подвиге и мужестве. Тяжелейшие экстремальные условия военного времени придают еще и всплеск преступности, обнажают низменные проявления людей, нутро хапуг и казнокрадов, мошенников и аферистов, которые не прочь нагреть руки на чужом горе. Поэтому борьба с преступностью, в том числе и с воинской, выступала как важнейшая задача обеспечения безопасности фронта и тыла. В условиях войны, чтобы победить врага и обуздать вспышку преступности, государство вынуждено было принимать и соответствующие строгие меры.

Перед войной советская судебная система представлялась следующей структурой:

Во-первых, было четыре уровня судебных органов: народные суды – краевые, областные суды, суды автономных областей, окружные суды – Верховные суды автономных республик – Верховные суды союзных республик – Верховный суд СССР. В компетенцию народных судов были отнесены уголовные дела о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства граждан, порядка управления, об имущественных и служебных преступлениях, а также гражданские дела по искам об имуществе, уплате алиментов, наследстве, о

трудовых спорах между работником и администрацией предприятий, учреждений;

Во-вторых, в соответствии с законом о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, принятого Верховным Советом СССР в августе 1938 г., в судебную систему входили военные трибуналы, линейные суды железнодорожного транспорта и линейные суды водного транспорта. Это были специальные суды. Они относились к числу общесоюзных судов и действовали в том же порядке, что и остальные суды СССР. Члены специальных судов избирались Верховным Советом СССР сроком на 5 лет. Специальные суды рассматривали только уголовные дела;

В-третьих, несмотря на то, что закон закреплял судебную систему, это во многом носило формальный характер. Во-первых, действовало Особое совещание при НКВД СССР, которое назначало уголовное наказание во внесудебном порядке. Во-вторых, не было закрепленного законом единства правосудия, поскольку по уголовным делам о террористических актах, диверсиях и вредительстве действовал упрощенный порядок их рассмотрения. В-третьих, суды проводили линию на усиление борьбы с «врагами народа», выносили приговоры, не вникая в суть имеющихся в деле доказательств и не учитывая способа, которым эти доказательства были получены. В-четвертых, право граждан СССР быть народным судьей без специального юридического образования приводило к тому, что значительная часть судейского корпуса не имела надлежащих профессиональных знаний и не могла осуществлять правосудие в точном соответствии с действующим законодательством[39.]

В чрезвычайной обстановке военного времени со всей остротой встал вопрос о внесении изменений в существующую мирную судебную систему. Вполне понятно, что война диктовала свои значительно повышенные требования, как к законодательству, так и к тем институтам, которые обеспечивали его выполнение.

Наиболее серьезные изменения, которые внесла военная обстановка в судебную систему, заключались в расширении сферы деятельности военно-судебных органов и прежде всего военных трибуналов. Следует иметь в виду, что эти судебные органы не были новыми. Они действовали и ранее, но только в судебном обеспечении

39 Сырых В.М. История государства и права России. Советский и современный периоды. М., 1999. С. 251–253.

войсковых структур. Теперь же встал вопрос об ужесточении порядка, организованности и дисциплины в тех местностях, которые война определила как чрезвычайные, прифронтовые. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» определялось, что «в изъятие из действующих правил о рассмотрении судами уголовных дел, в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передаются на рассмотрение военных трибуналов»[40].

Военные трибуналы создавались при военных округах, фронтах и морских флотах, при армиях, корпусах и иных воинских соединениях (гарнизонах, дивизиях, отдельных бригадах) и военизированных учреждениях, а также на железных дорогах, в морских и речных бассейнах Главсевморпути и др. Военные трибуналы по условиям своей деятельности подразделялись на две группы – на трибуналы местностей, объявленных на военном положении и районов военных действий и на трибуналы тыловых районов.

Военные трибуналы, действующие в местностях, не объявленных на военном положении, или в тылу, выполняли свои обязанности на основе закона о судопроизводстве Союза ССР и союзных республик 1938 г. и Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 г. Эти трибуналы были довольно многочисленными и рассматривали значительно больше дел, чем военные трибуналы действующих армий. 4 декабря 1941 г., постановлением Военного совета Ленинградского фронта за № 00441 для усиления борьбы с преступностью по Ленинграду и установлению единого руководства судебной практикой Ленинградский городской суд был преобразован в военный трибунал, а городская прокуратура – в Военную прокуратуру. [41]

Военные трибуналы действовали также в войсках НКВД, где рассматривались все тяжкие преступления личного состава войск и органов НКВД, а также в железнодорожных войсках.

Сфера деятельности военных трибуналов в ходе войны постоянно расширялась. Это было связано с тем, что такие структуры военного времени, как транспортные, переводились в режим военного положения.

40 Хрестоматия по истории Отечественного государства и права 1917-1991 / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1997. С. 275.

41 Ленинград в осаде : сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Под ред. А.Р. Дзенискевича. СПб., 1995. С. 61.

В 1943 году оно касалось железнодорожного, речного и морского транспорта. 15 апреля был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении военного положения на всех железных дорогах», 9 мая – Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении военного положения на морском и речном транспорте». Все работники этих видов транспорта считались мобилизованными и закреплялись для работы здесь до конца войны. Для них вводилась военная дисциплина. Все дела, связанные с преступлениями на транспорте, рассматривались в военных делах и по законам военного времени.

Характерной особенностью вновь создаваемых учреждений военных трибуналов является то, что их деятельность была сразу регламентирована. Уже 22 июня 1941 года было утверждено «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий». Военным трибуналам строго предписывалось руководствоваться данным положением и соблюдать законность в своей работе.

Несмотря на то, что это были чрезвычайные судебные органы, они не передавались военным властям, а находились в ведении общей системы советской юстиции. Именно Наркомат юстиции осуществлял руководство всей системой, а точнее, осуществлял судебное управление всеми военными трибуналами. Через свои специальные управления – Главное управление военных трибуналов Вооруженных Сил СССР и военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта, а также через Управление трибуналов войск НКВД .[42]

Все председатели военных трибуналов и их заместители, а также состав или члены военных трибуналов назначались Народным комиссаром юстиции СССР. Это имело исключительно важное значение. Наркомат юстиции непосредственно участвовал в подборе и назначении руководящего состава военных трибуналов в крупных войсковых объединениях, а также имел возможность влиять на кадровую политику вышестоящих трибуналов по отношению к подчиненным. Председатели военных трибуналов округов, фронтов и флотилий имели право временно отстранять председателей, их заместителей и членов нижестоящих трибуналов с последующим утверждением Наркомюстом СССР. До 1943 года военные трибуналы действовали в составе 3 постоянных членов, а затем в них стали участвовать заседатели.

42 Советское государство и право. 1975. № 5. С. 40–41.

Заслуживает внимания и организация надзорной политики за деятельностью военных трибуналов. В качестве надзорной инстанции над трибуналом действовала военная, военно-железнодорожная и военная воднотранспортная коллегии Верховного Суда СССР. Право надзора над нижестоящими военными трибуналами было предоставлено военным трибуналам округов и фронтов. Высшими надзорными функциями обладал Пленум Верховного Суда СССР.

С началом войны была установлена подсудность дел военным трибуналам. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. на рассмотрение военных трибуналов передавались:

1) дела о государственных преступлениях;

2) дела о преступлениях, совершенных военнослужащими;

3) дела о разбое (ст. 167 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик);

4) дела об умышленных убийствах (ст. ст. 136-138 ТС РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик);

5) дела о насильственном освобождении из мест заключения и из-под стражи (ст. 81 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик);

6) дела об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности (ст. 68 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) и о сопротивлении представителям власти (ст. ст. 73, 73^1 и 73^2 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик);

7) дела о незаконной покупке, продаже и хранении оружия, а также хищении оружия (ст. ст. 164-а, 166-а и 182 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).[43] Следовательно, в соответствии со ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, были подсудны военным трибуналам.[44]

Одновременно военным трибуналам предоставлялось право рассматривать дела о спекуляции, злостном жульничестве и иных преступлениях, предусмотренных уголовными кодексами союзных

43Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных Силах СССР. М., 1988. С. 131.
44 Хрестоматия по истории Отечественного государства и права 1917–1991. /Под ред. Чистякова О.И. М., 1997. С. 275–276.

республик, если военное командование признает это необходимым по обстоятельствам военного положения.

Основным нормативным актом, которым руководствовались военные трибуналы, был Уголовный кодекс РСФСР. Именно в нем определялись составы преступлений.

В годы войны имеющиеся составы преступлений дополнялись новыми, принятие которых вызывалось особенностями военного времени. Причем законы войны предъявляли повышенные требования ко всем гражданам, независимо от их принадлежности к армии. Безусловно, в условиях военного времени недопустимы такие действия, которые наносят невосполнимый вред состоянию боеготовности частей и подразделений, не способствуют мобилизации всего населения к борьбе с врагом. К ним, в первую очередь, относятся ложные слухи, деморализующие людей, находящихся в повышенном морально-психологическом состоянии. Так, 6 июля 1941 года был принят Указ Президиума Верховною Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время лживых слухов, возбуждающих тревогу среди населения», которым виновные за совершение этого преступления карались по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет.

Другим Указом от 15 ноября 1943 г. Президиум Верховного Совета предусмотрел меру ответственности за разглашение военной тайны на срок до 10 лет лишения свободы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1942 г. предусматривалась мера уголовной ответственности фашистских захватчиков в виде смертной казни или ссылки на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет за совершенные ими зверства по отношению к военнопленным и мирному населению и др.

Подведомственными для военных трибуналов являлись дела, связанные с изданием постановлений ГКО и приказов Верховного Главнокомандующего. Исключительную опасность для боеспособности армии представляли паникерство, трусость и сдача в плен. В силу разных обстоятельств уже к 15 июля 1941 г. в плену врага оказалось 724 тыс. советских воинов. Для пресечения этого необычного явления принимались различные решительные меры. 16 июля 1941 г. ГКО принял постановление № 00381, в котором говорилось, что: «...отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство,

позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником».[45] Тогда же военному трибуналу были переданы дела на ряд крупных военачальников, таких как Д.Г. Павлов, В.И. Климовских, А.Т. Григорьев, А.А. Коробков и др.

16 января 1942 г. ГКО принял постановление № 1159 с «О порядке передвижения военнообязанных в военное время и ответственности за уклонение от воинского учета». В соответствии с ним все уклоняющиеся от призыва и мобилизации привлекались к ответственности по ст. 193 п. 10 УК РСФСР (ст. 193 УК предусматривала наказание за воинские преступления).

Борьба с дезертирством на протяжении всех лет рассматривалась как опаснейшее уголовное преступление, которое не только подрывает боевую готовность частей и подразделений, но и значительно увеличивает угрозу безопасности населения своими бандитскими проявлениями. Главный военный прокурор и начальник Главного управления военных трибуналов 29 ноября 1942 г. своим директивным письмом дали толкование постановления ГКО от 11 октября 1942 г. об ответственности дезертиров, занимающихся бандитизмом или повстанческой деятельностью. Характерной особенностью данного разъяснения являлось то, что постановление ГКО от 11 октября 1942 г. в действие вступило с этой даты и обратной силы не имело. Главный военный прокурор и начальник Главного управления военных трибуналов подчеркивали: «3. Постановление ГКО от 11 октября 1942 г. не следует распространять буквально на каждого дезертира, унесшего с собой оружие. Для предъявления обвинения пост. 58-1 «б» должно быть доказано фактическое занятие бандитской или повстанческой деятельностью, или хотя бы принадлежность к банде, поставившей себе такие цели».[46]

Одновременно ужесточались и меры в отношении членов семей изменников Родины и дезертиров, занимающихся бандитизмом. Основаниями для этого также являлись постановления ГКО № 1926 сс от 24 июня 1942 г. и 2401 сс от 11 октября 1942 г.

3 марта 1942 г. Государственный Комитет Обороны постановлением № 1379 с «Об охране военного имущества Красной

45 Шуранов Н.П. Великая Отечественная война. Кемерово, 1996. С. 35.
46 Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 42–43.

армии в военное время» указывал: «Исходя из того, что хищения и разбазаривание военного имущества подрывает военную мощь Союза Советских Социалистических республик, люди, творящие эти злодеяния должны быть рассматриваемы как враги народа...», а, следовательно, и меры к ним должны применяться суровые.

К приказам Народного Комиссара обороны, убедительно свидетельствующим о давлении на военные трибуналы, следует отнести приказ № 270 от 16 августа 1941 г., где все без разбора советские военнопленные объявлялись предателями и изменниками, и другой приказ № 227 от 28 июля 1942 г. Нарком юстиции и прокурор СССР направили всем органам военной юстиции директиву, в которой предписывалось «...действия лиц, преданных суду военного трибунала за пропаганду дальнейшего отступления частей Красной Армии, квалифицировать по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР».[47] Это был особый документ за всю историю войны. В нем содержалась оценка военно-политической обстановки, предусматривался комплекс мер по выправлению положения. В нем говорилось: «...мы потеряли более 70 млн населения, более 800 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас уже сейчас нет преобладания ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад!

Представляет интерес та часть приказа, в которой указывалось на установление в частях порядка и дисциплины, но не за счет репрессивных мер. В то же время Народный комиссар юстиции СССР Рыжков своим приказом от 26 августа 1942 г. требовал:

I. ВТ (Военным трибуналам) фронтов (флотов) усилить судебный надзор, обеспечить своевременную и квалифицированную проверку всех приговоров, выносимых поднадзорными ВТ, установив при этом, что приговоры, выносимые ВТ дивизий или им соответствующих, проверяет ВТ армии, а приговоры, выносимые ВТ армии, – ВТ фронтов.

Не вдаваясь в правовую объективность этих и других документов, следует иметь в виду, что чрезвычайная обстановка, видимо, способна влиять на принятие жестких и даже жестоких мер с целью позитивного воздействия на общую и частную ситуацию, складывающуюся на театре военных действий или в зоне боевых конфликтов.

47 Муранов А. Военные трибуналы в годы войны // Законность. 1995. № 1. С. 38.

Правом передачи трибуналам любых дел военные власти пользовались не часто, особенно, если в данной местности действовали общие суды. Особенностью военных трибуналов являлось также и то, что им предоставлялось право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения. В соответствии с примечанием 2 к ст. 28 УК РСФСР, дававшим судам право отсрочки исполнения приговора, военные трибуналы весьма часто использовали это право в отношении осужденных к лишению свободы без поражения прав. Осужденные направлялись в действующую армию, в штрафные батальоны. Отсрочка с исполнением наказания не применялась в отношении лиц, совершивших государственные или особо опасные преступления. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. судимость была снята со всех военнослужащих, осужденных к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора в связи с направлением в штрафные батальоны.

В тоже время за годы войны военными трибуналами было осуждено за различные преступления и отправлено в места заключения 436,6 тыс. человек.[48]

Одной из острейших проблем, вставших перед Наркоматом юстиции и военными судебными органами, явилась кадровая. Необходимо было укомплектовать военные трибуналы высокопрофессиональными юристами в области судопроизводства и судебной практики. Институт военных судей существенно возрос за счет мобилизованных гражданских юристов. Если к началу войны численность военных судей составляла 766 человек, то на 1 марта 1942 г. – 3735 чел.[49]

За весь период войны военными трибуналами было осуждено около 2,5 млн чел., в том числе за «контрреволюционные» преступления – 471 988 чел. (18,6 %), а за воинские и общеуголовные преступления, соответственно 792 192 (31,4 %) и 1 296 483 (50 %). Из числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за «контрреволюционные» преступления, большая часть была осуждена за измену Родине (274 599 чел.) и за контрреволюционную агитацию и пропаганду (117492 чел.). За четыре года войны высшая мера наказания была назначена 8,9% осужденных или 222,5 тыс. чел. Да, эта цифра велика.

48 Советская Россия. 2000. 29 апр.
49 Муранов А. Военные трибуналы в годы войны // Законность. 1995. № 1. С. 40.

Военным судьям приходилось работать под жестким контролем «Смерша» и при несогласии с решением военного трибунала, заводилось дело на судью. На Ленинградском фронте в систему военных трибуналов входили военные трибуналы соединений (дивизий, бригад и т.п.), объединений и гарнизонов. Военный трибунал фронта в правовом отношении являлся для них надзорной, кассационной инстанцией; председатель трибунала фронта (генерал-майор юстиции И.Ф. Исаенков) и его аппарат осуществляли также управленческую, административную и хозяйственную функции. В зону надзора Военного трибунала фронта в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 августа 1941 г. попадали также и дела, рассматриваемые трибуналами войск НКВД, железнодорожных войск, Балтийского бассейна. Ленинградского гарнизона и т.д.[50]

Основную часть – более 50 % дел занимали воинские преступления; 26,1 % были осуждены за государственные преступления; 12 % (3424 чел.) – за хищения, кражи, разбазаривание имущества. Общеуголовные преступления (бандитизм, хулиганство, грабежи, умышленные убийства, разбои и т.д.) за всю войну составили 7,2 %. Военные советы фронтов постоянно вникали в состояние общественной безопасности в городах северо-запада и требовали от органов внутренних дел и военных трибуналов принимать решительные меры в отношении тех, кто вставал на преступный путь. Своим постановлением № 001359 от 25 ноября 1942 г. Военный совет Ленинградского фронта указал: «2. Следствие по делам о бандитизме заканчивать в 3-дневный срок, а Военному трибуналу г. Ленинграда (т. Булдаков) дела о бандитизме рассматривать в 24 часа, бандитов приговаривать к расстрелу и опубликовать несколько приговоров в печати».[51]

Дела о преступлениях, совершенных военнослужащими и сотрудниками НКВД, рассматривались в Военном трибунале войск НКВД.

В 1941 г. дела 125 чел., осужденных трибуналом фронта, были направлены на новое судебное рассмотрение, 198 – на доследование, а 54 – прекращены. В 1942 г. направлены на новое рассмотрение дела 376 чел., на доследование – 257, приговоры отменены с прекращением уголовного дела на 216 человек. Всего в порядке надзора изменилось

50 Блокада рассекреченная. СПб., 1995. С. 121.
51 ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 109. Л. 316.

до 16 % приговоров. В основном это касалось отмены расстрела или замены его лишением свободы, либо – с отсрочкой исполнения и направлением осужденного на передовую.

Вышестоящим судом для всех военных трибуналов была Военная коллегия Верховного Суда СССР. Безусловно, она была поставлена в такие условия, при которых основная задача ее деятельности определялась как формирование жесткой судебной политики и карательной практики трибуналов, действующих в Вооруженных Силах. Были и такие моменты в ее истории, когда политическое руководство страны фактически принуждало Военную коллегию прямо участвовать в расправах с неугодными лицами.

Однако с самого начала войны в работе коллегии просматривалась явная тенденция к гуманизации применения уголовного закона, к своеобразному «сдерживанию» военных трибуналов на местах от огульного, порой необоснованного вынесения самых строгих мер наказания к командирам и красноармейцам, которые в сложнейших условиях поражения и отступления Красной армии проявили недостаточную твердость и мужество. Об этом свидетельствует, например, позиция Военной коллегии по вопросу неоправданно широкого применения высшей меры наказания, особенно в начале войны, да и позже.

Статистика показывает, что Военная коллегия примерно третьей части всех осужденных, чьи дела пересматривались или приговоры утверждались в коллегии, заменила эту меру лишением свободы.[52]

Несмотря на то, что в годы войны активно функционировала расширенная система военных трибуналов, не прекращали работать и общие (территориальные) суды: народные областные (краевые), Верховные суды СССР и союзных республик и соответствующие органы прокуратуры. Общие суды могли рассматривать дела, относимые к военным трибуналам, но в отдаленных районах, а также нарушения государственной и трудовой дисциплины. Так, в блокадном Ленинграде народными судами за период с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1943 г. за прогул и самовольный уход с предприятий осуждено было 40 596 человек, за дезертирство с предприятий военной промышленности – 750 чел., за мелкие кражи на производстве – 4023 чел. А вместе с военными трибуналами по делам, расследованным

52 Петухов Н., Серов М. Военная коллегия Верховного суда СССР во время войны // Законность. 1995. №2. С. 24–25.

прокуратурой, УНКГБ и органами милиции за этот период было осуждено 49 882 чел., следовательно, всего было осуждено 95 251 человек по всем составам преступлений.[53]

Наряду с общими судами имелись и суды в лице постоянных сессий областных судов. В подсудность их входили дела, связанные с уголовными, гражданскими и административными нарушениями, но, как правило, те, которые являлись закрытыми. Судопроизводство осуществлялось здесь в обычном, установленном законом порядке. Одной из особенностей в работе военных трибуналов в условиях войны являлось то, что многие работники военных судебных органов свое предназначение видели, прежде всего, в профилактике воинских преступлений. С этой целью они проводили открытые судебные процессы, разъясняли смысл и суть приговора, много внимания уделили массово-политической работе с личным составом по правовым вопросам. Начальник Главного Управления Военных трибуналов 10 июля 1943 г. в своем приказе «О массово-политической работе военных трибуналов» указывал: «3. Упорядочить и качественно улучшить массово-политическую работу военных трибуналов, проводить ее целеустремленно, увязывая с состоянием дисциплины и с судебной практикой ВТ, а также с работой, проводимой командованием и политорганами …».[54] Военным судьям рассматривать дела нередко приходилось непосредственно на передовой – в окопах и блиндажах. Трибунальцы не раз вынуждены были прерывать судебное заседание и с оружием в руках участвовать в контратаках, причем вместе с ними был и подсудимый. Известно немало фактов, когда подсудимые в этих боях проявляли смелость и отвагу и снимали с себя обвинение. Многие военные юристы в боях получили ранения, были награждены орденами за мужество.

Другим институтом, стоящим на страже законности, как в действующей армии, так и на остальной территории страны, являлись органы военной прокуратуры. Боевая обстановка обусловила расширение их полномочий. Организационно их возглавляли Главная военная прокуратура Красной армии и Главная прокуратура Военно-Морского Флота, существующие раздельно.

53 Ленинград в осаде : сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Под ред. А.Р. Дзенискевича. СПб., 1995. С. 61.

54Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных Силах СССР. М., 1988. С. 145.

В действующей армии функционировали военные прокуратуры фронтов, флотов, армий, флотилий, корпусов и дивизий. Кроме того, были созданы военная прокуратура железнодорожных войск и военная прокуратура войск НКВД, которые были подчинены Главной военной прокуратуре, но имели свою структуру применительно к организации обслуживаемых ими войск.

Низовым и основным звеном органов военной прокуратуры в действующей армии были военные прокуратуры дивизий, отдельных бригад и гарнизонов тыловых частей прифронтовой полосы.

В условиях сложной военной обстановки военные прокуроры и следователи главное внимание уделяли борьбе с агентурой противника, с правонарушениями, посягающими на боевую мощь армии, пресечение трусости и паникерства, дезертирства, членовредительства, которые получили распространение в Вооруженных Силах. Одновременно значительно расширились пределы прокурорского надзора за исполнением законов.

В этой связи на военные прокуратуры была возложены многие несвойственные им функции. Они стали осуществлять надзор не только за исполнением законов, но фактически контролировали выполнение всеми должностными лицами и красноармейцами постановлений ГКО, приказов Главнокомандующего и наркома обороны, а также военного командования на местах, включая решения военных советов фронтов. В критический период обострения продовольственного кризиса в зиму 1941–1942 гг. в блокадном Ленинграде имели место факты каннибализма (людоедства). Причин для этого было немало. Но рассматривая их, следует отметить, что данный вид деяния трудно было классифицировать по видам преступлений. Все убийства с целью поедания мяса убитых в силу их особой опасности классифицировались как бандитизм (ст. 59-3 УК РСФСР). Прокуратура города их квалифицировала также по аналогии с бандитизмом (пост. 16-59 УК РСФСР). Всего же было выявлено и привлечено к уголовной ответственности за людоедство 866 чел.[55] Например, 21 февраля 1942 г. военный прокурор Ленинграда А.И. Панфиленко докладывал секретарю горкома партии А.А. Кузнецову о случаях людоедства и привлечении к уголовной ответственности 311 человек. В поле зрения

55 Ленинград в осаде : сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Под ред. Дзенискевича А.Р. СПб., 1995. С. 421–422.

военных прокуроров находились и такие вопросы, как исполнение боевых приказов, осуществление боевых операций, своевременное снабжение войск вооружением, боеприпасами, продовольствием и обмундированием, сбережение военной техники и пр.

Заслуживает внимания в этом вопросе докладная записка военного прокурора Ленинградского фронта М. Грезова в Военный совет фронта от 16 апреля 1942 г. В ней он указывает, что Военный совет Ленфронта своим постановлением за № 00757 от 26 марта 1942 г. обязал Ленгорсовет наметить к выгрузке 1000 вагонов эвакогруза.

Однако были выгружены только грузы, принадлежавшие Октябрьской, Ленинградской дорогам и учреждениям НКПС. И далее прокурор пишет: «...что на 10 апреля на дорогах простаивает 4201 подвижных единиц, в том числе 984 крытых вагона, 2275 платформ, 901 полувагон, 25 цистерн и 16 изотермических вагонов. Причем значительная их часть загружена имуществом, намеченным в свое время к эвакуации, смысл которой на сегодня пропал. Поскольку грузы своевременно вывезены не были, то их нецелесообразно держать в подвижном составе»

С началом войны Главная военная прокуратура выступила с предложением об освобождении от отбывания наказания в дисциплинарных батальонах осужденных за различные воинские преступления, и 13 тыс. граждан стали полноправными защитниками Родины.

Существенный объем работы военных прокуроров составлял надзор за исполнением Приказа Верховного Главнокомандующего от 16 августа 1941 г., который предоставлял командованию право расстреливать на поле боя трусов, паникеров и других нарушителей правопорядка, а также за исполнением приказов Ставки ВГК от 28 июля 1942 г. и от 21 августа 1943 г., на основании которых командиры были вправе направлять военнослужащих в штрафные роты без судебного решения. В условиях действия этих приказов военные прокуроры принимали меры к точному их исполнению и недопущению фактов неправомерных расстрелов и необоснованных репрессий к невиновным.[56]

Вполне понятно, что данная статистика свидетельствует не о единичных случаях общеуголовной и воинской преступности. Они значительны. Однако крайне нелепыми выглядят в настоящее

56 Паничев В. Военная прокуратура в годы войны. //Законность. 1995. № 3. С. 29–30.

время попытки отдельных публицистов, историков, писателей, которые под видом «объективности» пытаются объяснить стойкость наших солдат действиями заградотрядов, террором НКВД и «смершевцев», одичанием личного состава штрафных батальонов, страхом перед Сталиным и т.д. Несомненно, значительная часть и боялась этих последствий, а иначе и не могло быть. Любое наказание предусматривает предупредительную меру, воспитательную функцию. И все же главное в достижении победы, в том числе и на северо-западном театре военных действий, была личная храбрость, высокий патриотический дух защитника Родины. Даже такой мастер фальсификаций, как Геббельс, признавал: «Если русские борются упорно и ожесточенно, то это не следует приписывать тому обстоятельству, что их заставляют бороться агенты ГПУ, якобы расстреливающие их в случае отступления, а наоборот, они убеждены, что защищают свою Родину».[57]

Наряду с уголовным преследованием лиц, совершивших преступления, военные прокуроры не оставляли без внимания и другие отрасли – общий надзор, надзор за исполнением законов в военных трибуналах. Органы военной прокуратуры занимались и разъяснением действующего законодательства.

В годы войны боевая обстановка требовала быстрого реагирования на любой факт правонарушения среди военнослужащих. В этих условиях были резко сокращены сроки производства по уголовным делам, которые составляли от одного до трех дней, включая и их судебное рассмотрение, а подчас и приведение приговора в исполнение.

При этом в ходе расследования нельзя было снижать требования по соблюдению норм уголовно-процессуального законодательства, в том числе касающихся пределов доказывания. Однако вполне понятно, что за такой короткий временной отрезок вряд ли можно было провести расследование совершенного преступления, хотя, как известно, приказом НКЮ СССР № 357 в 1942 г. были значительно расширены полномочия органов дознания, в подследственность которых были переданы такие преступления, как побег с поля боя, дезертирство, промотание военного имущества, преступное нарушение уставных правил казенной службы, а также и хозяйственные преступления.

Военные прокуроры участвовали в судебном рассмотрении

57 Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 20. С. 40.

уголовных дел, причем эту деятельность они осуществляли в подготовительных заседаниях, что давало возможность проверить следственное производство, с точки зрения полноты доказательств и качества расследования.[58]

Особое место в деятельности прокуратуры Ленинграда занимал надзор за следствием в органах милиции. За время войны (с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г.) прокуратурой было направлено в военный трибунал и нарсуды 34218 дел, расследованных органами милиции. Качество следственной работы органов милиции характеризовалось:

1) прекращением дел прокуратурой – 1647;

2) возвращено дел на доследование прокуратурой – 1525 и возвращено дел на доследование военными трибуналами и народными судами – 724.

Общий процент (11,4) прекращенных и возвращенных дел на доследование свидетельствовал о том, что в органах милиции имело место неосновательное возбуждение дел и привлечение к уголовной ответственности.[59]

Также прокуратура вела надзор за следствием в органах Управления НКГБ по Ленинграду и области. За этот же период здесь прокуратурой было прекращено только 0,6 % дел.

Следует указать и на то обстоятельство, которое показывает, что работа 1рокуратуры находится под судебным надзором. Это проявлялось в решении судебных органов по делам, расследованным прокуратурой. За этот же период военными трибуналами было проверено 180 человек (или 36 %) от всего числа оправданных. Народным судом было оправдано 2725 (или 6,1 %) и прекращено (или 14,2 %) 6314 дел, расследованных прокуратурой и органами милиции. На Ленинградском фронте и в городе, осуществляя надзор за законностью приговоров военных трибуналов и нарсудов, прокуратура принесла 1501 протест, из которых 80 % были удовлетворены».

Безусловно, и на военную прокуратуру, как и на другие органы правосудия, свое негативное воздействие оказывал тот стиль жесткого руководства, который сложился в чрезвычайной обстановке войны.

Исходя из того, что Военный совет выступал как единый орган, определяющий всю военно-мобилизационную и хозяйственно-

58 Белозеров Б.П. Фронт без границ. 1941-1945. СПб., 2001. С. 174.

59 Ленинград в осаде : сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Под ред. А.Р. Дзенискевича. СПб. 1995. С. 476.

экономическую жизнь города-фронта, то, естественно, его обращения к институту советской власти были вполне правомерны. И нередко они были чрезвычайно жесткими. Они касались всех сторон жизни и, прежде всего, ответственности руководителей и граждан за выполнение приказов военного времени.

Чтобы не допустить проникновение в Ленинград вражеских шпионов и диверсантов в составе эшелонов с эвакуированным населением, начальник Управления НКВД обязал всех начальников райотделов совместно с военными комендантами на железнодорожных станциях осуществлять тщательную проверку всех пребывающих, выявлять подозрительных лиц и принимать к ним меры в соответствии с законами военного времени.

На протяжении всех лет войны административные комиссии постоянно рассматривали дела о нарушениях. За период с 1 января по 16 сентября 1942 г. комиссиями было рассмотрено 59455 дел о нарушении обязательных постановлений и по указанным делам подвергнуты штрафу на сумму 6 540 983 руб. 51 394 чел., лишены свободы 1326 чел., получили предупреждение 1653 чел.

Какие же основные нарушения постановлений Военного совета были характерны в первом блокадном году?

К ним относились нарушения приказов по гарнизону: об укреплении революционного порядка, правил светомаскировки, правил поведения при воздушных тревогах и артобстрелах, противопожарных правил; нарушения паспортного режима, решения об экономии электроэнергии; уклонение от трудовой повинности и от обязательной подготовки населения к ПВО; не соблюдение правил о порядке въезда в Ленинград и выезда из Ленинграда, а также решений исполкома от. 14 и 19 февраля 1942 г. об ответственности за нарушения противопожарных и санитарных правил, за разрушение жилфонда и др.

Следует отметить, что количество фактически привлеченных к административной ответственности было значительно больше.

По незаконным решениям административных комиссии военной прокуратурой г. Ленинграда за указанный период было вынесено 1063 протеста.[60] На это и указал военный прокурор Ленфронта дивизионный военный юрист М. Грезов в своей докладной записке 23 сентября 1942 г. в Военный совет фронта и горисполком.

Серьезной ответственности подвергались те граждане,

60 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 185-186.

которые пренебрегали противопожарными правилами и являлись виновниками или соучастниками в возникновении пожаров. Только в 1942 г. по возникшим в Ленинграде пожарам было возбуждено 420 уголовных дел и по ним привлечено к ответственности 447 чел., а также составлено 3182 административных протокола. Судами и трибуналами было рассмотрено 414 уголовных дел на 433 человека. Какие же решения о мерах наказания были приняты? Семь человек были приговорены к высшей мере социальной защиты (расстрелу). В документе Управления пожарной охраны не указываются причины, побудившие военный трибунал вынести такое суровое наказание, но, видимо, эта мера была принята в отношении поджигателей, как явных пособников врага. 151 чел. были осуждены на различные сроки лишения свободы (от 1 года до 10 лет), 198 – приговорены к исправительно-трудовым работам сроком от 6 до 12 месяцев. Кроме того, 24 215 чел. были оштрафованы на сумму 806 540 рублей.[61]

Военный совет фронта своим постановлением за № 00568 от 14 января 1942 г. и решением Исполкома Ленгорсовета № 47/с от 16 января перевели пожарную охрану на фронтовой паек, чем повысили боевую готовность бойцов к выполнению своих задач. Одновременно для этой службы Военным советом были выделены фонды на горючее – 25 тонн бензина, что позволило более своевременно направлять технику на тушение пожаров.

© Белоеров Б.П., 2018

61 ОАИ ИЦ ГУ МВД России, СПб и ЛО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 42-45.

Балашова Надежда Анатольевна
доцент кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, г. Иркутск,
кандидат юридических наук, доцент

Загорьян Сергей Георгиевич
доцент кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, г. Иркутск
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ НА РУСИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Процесс доказывания – это одна из важнейших частей уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов. Исследование понятия и содержания процесса доказывания, эволюционные изменения, вкладываемые в данные понятия, несомненно, занимали и занимают ведущее место в системе уголовно-процессуального права. Понятие процесса доказывания на протяжении всего эволюционного развития продолжает оставаться дискуссионным. При этом следует учитывать, что правовое понятие должно органично вписываться в конструкцию правовой теории и должно быть наделено единым смыслом. Процесс доказывания как любой процесс меняется в зависимости от внешних факторов, к которым можно отнести развитие общества, государства и соответственно законов, принятых в нем, их применение в процессе доказывания. Изменение направлений общественного и государственного развития диктует необходимость изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, поиска приемлемых средств для данного общества. Своевременное и необходимое реагирование законодательства на изменения в обществе невозможно без проведения анализа, требующего изучения функции доказывания в исторической связи. Ярким примером может служить развитие российского общества и соответственно процессуального законодательства. Рассматривая его, необходимо исследовать не только историю развития, но и истоки зарождения.

Процессуальное доказывание и правоприменение берет свое начало с появлением законов (обычаев), закрепленных в них прав и обязанностей.

Исторически система права России относится к романо-германской системе. Основоположником которого является Римское право. В нем процесс доказывания известен с античности. В Римском праве были даны основные понятия доказательств и их классификация, описаны спорные факты предмета доказывания, бремя доказывания. Уже в те времена существовала достаточно разработанная система различных средств и способов доказывания. Такие как показания свидетелей, различные документы, осмотр места правонарушения.

Была установлена даже ответственность за дачу ложных показаний, подделку документов. В римском праве была установлена в какой-то степени презумпция невиновности. По Квинтилиану довод – есть не что иное как способ доказывать одно через другое и то что подвергается сомнению доказывать через аксиому «то и нужно, чтобы в каждом деле были такие обстоятельства, которые не требовали бы подтверждения, ибо нечем было бы доказывать или подтверждать, если бы не имелось сказать ничего верного, или таковым кажущегося, дабы сомнительное сделать вероятным».

Отдельные положения из Римского права были заимствованы Российским правом. Ярким примером является заключение в 911 году договора князя Олега с императорами Византии Львом и Александром, который принёс Руси в видоизменённой форме некоторые нормы римского процесса о судебных доказательствах. И с этого времени клятва, присяга, розыск, свидетельские показания начинают использоваться в русском праве в качестве доказательств в судебном следствии.[62]

Судопроизводство на Руси носило обвинительный характер. Основным законом являлась «Русская Правда», часть положений которой являлись обычаями. Доказательства добывались с помощью клятвы-присяги (роты), показаний свидетелей и порой жестоких испытаний железом и водой. В этом периоде были значительно ограничены права и свободы простых граждан. Судебное доказывание требовалось в случае отказа от правдивых показаний ответчика, искового отрицания или возражения. Согласно «Русской Правде», при запирательстве ответчика против него необходимо было

62 Салогубова Е.В. Римский гражданский процесс. М. : Городец. 2002. С. 18.

предоставить свидетелей[63]. Вече содержало постановление, которое определяло виды и относительность судебных доказательств.

С развитием государственности происходит смена процесса публичного (на княжьем дворе) канцелярским процессом, которое, в отличие от публичного, являлось закрытым для публичного слушания. Словесное делопроизводство заменено письменным, с приоритетом письменных документов судебного следствия, установление апелляционного суда, который состоял из выборных бояр и простолюдинов, который в последствии был преобразован в Судебниках Московского государства в центральный приказной суд бояр и дьяков.[64]

В качестве следующего этапа развития Российского права можно выделить эпоху судебников, уставных и наказных грамот XV—XVI веков, когда в целом сложился свод законов Московского государства.

Одной из первых попыток кодифицировать законы стал в 1497 году Судебник Ивана III. Главным содержанием Судебника являлись – процессуальные постановления, которые были взяты из уставных грамот. В Судебнике отсутствовали судебные инстанции, сам судебный процесс имел только обвинительный уклон, процесс доказывания носил упрощённый характер: неявка ответчика в суд являлась признанием вины; а неявка стороны обвинения являлась основанием судебного следствия.

В начале XVII века основной законодательной базой на Руси становится Уставная книга Разбойного приказа — сборник указов, инструкций по «татиным и разбойным делам». Приказы данного сборника в большинстве своём без каких-либо существенных изменений вошли в Уложение 1649 г.

Следующим этапом можно считать Судебную реформу 1719 г. Петра I, в ходе которой, форма розыска становится основной государственной формой правосудия. И уже в те времена было обращено внимание при расследовании на роль организаторов преступления. В Воинских артикулах Петра I впервые была установлена более строгая ответственность организаторов преступления. Царь Петр I взял из Западной Европы полные правила розыскного процесса. Главным, важнейшим документом сыска явились «Вопросные статьи», которые

63 Правда Русская: Комментарий / под ред. Б.Д. Грекова. М., 1947. Т. С. 47.
64Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права и Дополнения к курсу лекций по истории русского права. 3-е изд., испр. и доп. М.: Синод. тип. Моск. ун-та, 1908. С. 397.

были разосланы Тайной канцелярией на места в 1698 году. Они и определили и предмет и процесс судебного следствия. В инструкции Тайной канцелярии зачастую употреблялось понятие «выкрутки», что являлось одним из тактических доказывания — «уточнение показаний за счет детализации».

Дальнейшая эволюция процесса доказывания идёт от судебной реформы 1864 г. Данная реформа явилась первоначальной частью переходных реформ 60-х гг., ввод которых требовал переход России от одного социального строя к другому – от феодальной монархии к буржуазной. Для этой реформы в области института доказательств также характерны заимствования из Римского права и наибольшее заимствование пришлось на процесс доказывания. Так, к примеру, при доказывании вины с соучастием, в Уголовном уложении 1903 г. раздел о соучастии явно испытывал влияние немецкого законодательства. Предусматривались две разновидности соучастия» с предварительным всех или некоторых виновных на то согласием и без оного». В Уголовном уложении раздел о соучастии явно испытывал влияние немецкого законодательства. Предусматривались две разновидности соучастия: «с предварительным всех или некоторых виновных на то согласием и без оного».[65] Стало использоваться понятие свидетельского иммунитета, была принята римская классификация системы доказательств на публичные и частные. Основными принципами Римской теории уголовного судопроизводства явились состязательность сторон, гласность и устность судебного разбирательства, непосредственность, свобода оценки доказательств судом, по внутреннему убеждению, и ряд других, некоторые из которых используются в Российском уголовно-процессуальном праве и по настоящее время.

С исторической точки зрения, впервые принятые в России уголовно-процессуальные документы, кодифицировавшие впоследствии почти всё отечественное уголовное судопроизводство, в том числе и досудебные стадии, в ходе реформы судебной системы Александром II, были названы Основными положениями уголовного судопроизводства 1862 г. и Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Вследствие этого понятие «уголовное судопроизводство» стало повсеместно использоваться в юриспруденции России даже

65 Загорьян С.Г. Нормативно-правовые основания борьбы с организованной преступностью несовершеннолетних в Российской империи // История государства и права. 2007. № 1. С. 21.

несколько раньше, чем понятие «уголовный процесс», будучи в некоторой мере вытеснено последним понятием только в XX веке. С тех пор взаимозаменяемость этих терминов стала отечественной доктринальной традицией, которая сохранилась и до нашего времени и нашла своё отражение в действующем уголовно-процессуальном кодексе.

© Балашова Н.А., Загрьян С.Г., 2018

Крымов Виталий Александрович
адъюнкт Академии управления МВД России

(Научный руководитель – **Гаврилов Борис Яковлевич,**
доктор юридических наук, профессор)

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В XVIII ВЕКЕ

В период правления Петра I реформированию были подвергнуты все сферы жизни общества, в том числе и уголовное судопроизводство, в основу которого легли нормы Соборного уложения 1649 г.

Знаковым событием для современных органов предварительного следствия стало учреждение именным указом от 25 июля 1713 г. первого российского органа следствия – независимой, подчиняющейся напрямую Петру I следственной канцелярии М.И. Волконского. Необходимость образования такого органа, по мнению Д.О. Серова и А.В. Федорова[66], была связана с ростом на протяжении 1650-1690-х гг. бюрократизации государственного аппарата. Специализацией канцелярии являлось досудебное производство по делам государственной важности (в отношении коррумпированных должностных лиц).

Первая практика канцелярии была неоднозначной, однако в период с 1714 по 1717 гг. было образовано еще 9 канцелярий, 6 из которых были образованы Наказом от 9 декабря 1717 г. Деятельности каждой из них посвящены научные труды вышеупомянутых авторов и справедливым представляется их вывод о том, что требованием Наказа от 9 декабря 1717 г. «…никаких дел не кончать и эксекуцей не чинить», адресованному следственным канцеляриям, произошло разделение следствия на предварительное и судебное.

Принятием в 1715 г. Краткого изображения процессов или судебных тяжеб[67] процессуальный порядок рассмотрения дела впервые был разделен на отдельные части: «Процесс разделяется

66 Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие в Московском государстве XV-XVII вв. // Российский следователь. 2015. № 2 С. 52–56; История следствия России: монография / под общ. ред. Д.О. Серова, А.В. Федорова. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 19-27.
67 Краткое изображение процессов или судебных тяжеб (1715 г.). URL: http://www.history.ru/content/view. (дата обращения: 25.09.2017).

на три части: первая – начинается от повещания и продолжается до ответчикова ответу; вторая часть продолжается до сентенции, или приговору; третья – от приговору, даже до совершеннаго окончания процессу» (п. 3). Данный нормативный акт являлся кодифицированным, содержание его составляли две главы: 1. «О суде и судиах»; 2. «О процессе или тяжбе». Отдельными главами регламентировались первая, вторая и третья части процессов, а также оглашение приговоров в совершенных преступлениях.

Так, согласно п. 2 главы первой «…Оным тягающияся особы свои тяжебные дела порядочно доносить…», что говорит нам об определенном порядке подачи заявления, что может быть связано и с требованием именного указа Петра I от 12 октября 1699 г., согласно которого заявления писались на определенной государственной бумаге с гербом: «…держать…..бумагу подъ гербомъ Его Великаго Государя Московскаго Государства и на той бумаге писать….и челобитныя мировыя на площади, или где инде писать, на бумаге, которая подъ гербомъ величиною противъ золотаго….»[68]. При этом подделка данной бумаги строго наказывалась.

Глава вторая «*О процессе или тяжбе*» рассматриваемого нормативного акта впервые закрепила:

1) понятие процесса: «Процесс есть дело судимое, чрез который случающияся тяжебные дела основательным представлением и из обстоятельства дел, обретенных доказов явных сочиняются, и потом от судей, по изобретению оных причин, решение чинится» (п. 1);

2) его особенности: «Процесс (а особливо в розыскных делах, которых большая часть в кригсрехте[69] случается) есть сугубый: (1) Когда челобитчик, который на ответчика учиненнаго ради преступления пред судом жалобу приносит, и со оным только процесс имеют. (2) Когда судья ради своего чину по должности судебной вопрос и розыск чинит: где, каким образом, как и от кого такое учинено преступление. Токмо при обеих процессах порядок один есть, как в речах, во ответе, доказах и протчем. Но при кригсрехтах более смотрят на самое дело, нежели на краснословие и лепоту процесса» (п. 2);

68 О продаже гербовой бумаги разных сортов по установленной цене и о рассылке оной в города для употребления: Именной указ от 12 октября 1699 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Царствование государя и царя великого. Т.3. № 1703. С. 650; Полное собрание законов Российской Империи. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 26.09.2017 г.).
69 Военный суд в Петровскую эпоху.

3) *структуру процесса* (разделение на три части).

Для процессуального порядка начала производства по уголовному делу наибольший интерес в данном нормативном акте представляют нормы, касающиеся первой части процесса, разбитые на шесть глав, три из которых (III, IV, V) содержат положения о процессуальном статусе челобитчика, ответчика, адвоката и полномочного.

Предпосылку разделения гражданских и уголовных дел содержит пункт 3 главы VI второй части процесса Краткого изображения процессов или судебных тяжеб: «Пытка употребляется в делах видимых, в которых есть преступление. Но в гражданских делах прежде пытать не мочно …». Однако данная норма предусматривала пытки в отдельных случаях и по гражданским делам. Кроме того, постепенно закреплялось и письменное делопроизводство.

В этой связи следует согласиться с позицией Л.А. Хрусталева,[70] согласно которой Кратким изображением процессов и судебных тяжб впервые даются законодательные определения важнейших процессуальных институтов российского судопроизводства. Однако с выводом указанного автора о том, что данный нормативный акт явил собой окончательное отделение процессуального права от материального, согласиться не представляется возможным, поскольку нормы материального права в указанном нормативном акте все же присутствовали. С учетом требований о грамотной кодификации и содержании назвать его первым процессуальным кодексом в истории России также не представляется возможным.

Именным указом Петра I от 5 ноября 1723 г.[71] фактически был отменен розыскной процесс, отдав ведущую роль процессу состязательному, о чем речь велась в преамбуле: «… не надлежит различать (как прежде бывало), один суд, другой розыск, но токмо один суд...». С этим связано, по мнению автора, и дальнейшее упразднение 9 декабря 1723 г. следственных канцелярий, что само по себе не могло не повлиять на ход истории, связанный с эпохой дворцовых переворотов.

С точки зрения процессуального порядка начала производства по делу, указ от 5 ноября 1723 г. определил форму заявлений (челобитная и доношение), а также разделил лиц, их подававших, по гражданским

70 Хрусталев Л.А. Судебно-правовые реформы Петра I (Конец XVII - первая четверть XVIII в.) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Хусталев Лев Алексеевич. М., 2003. С. 8.

71 О форме суда: Именной указ от 5 ноября 1723 г. URL: http://constitutions.ru (дата обращения: 26.09.2017).

(истцы) и уголовным (доносители) делам (п.п. 1, 2). Что же касается права встречного заявления, предусмотренного еще Новгородской судной грамотой XV в., то законодателем данным указом данное право было упразднено, в связи с чем в их приеме ответчику отказывалось. Одновременно с этим, данное заявление можно было подать в иной суд (п. 3).

Следующим шагом законодателя, оказавшим непосредственное влияние на российское уголовное судопроизводство, стало разделение на гражданские и уголовные судебных инстанций в рамках Екатерининской судебной реформы 1775 г.,[72] что позволяет сделать вывод о более четкой тенденции к разделению процессуального права.

Следует отметить и Устав 1782 г.[73], ознаменовавший появление полиции (управы благочиния), которой предписывалось, наряду с осуществлением общественного порядка, право рассмотрения мелких уголовных дел**.** Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает пункт 61 данного Устава, согласно которого «управа благочиния имеет смотреть и чинить взыскание, дабы в воскресение и праздник запрещенное в те дни в городе не производилось; ей же самой в те дни подтверждается отправление должности и службы относительно общей тишине и безопасности, как то: открытие преступлений и проступков, предупреждение оных, имании под стражу преступников, исследовании на месте, обнаруживании и утверждении доказательства преступлений или проступков, и да воспрепятствует злому учинить злое, и да воздержится от неистовства и преступления».

Данная норма позволяет сделать вывод о том, что на полицию была возложена обязанность по незамедлительному реагированию на совершенное преступление и фактически полиции было предоставлено право начатия производства по уголовным делам и административным правонарушениям, проведения осмотра места происшествия, а также выявления, фиксации и изъятия доказательств по этим нарушениям закона.

Об этом свидетельствует п. 98 Устава Благочиния или Полицейского, которым введена норма о круглосуточной службе дома частного пристава (начальник городского отдела полиции), гласившая, что «частного пристава дом не запирается ни днем, ни

72 Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Т. 20 (1775-1780 гг.). № 14392.

73 Устав Благочиния или Полицейский от 8 апреля 1782 г. URL: http://constitutions.ru (дата обращения: 26.09.2017).

ночью подобно пристанищу в опасности находящимся или нужды имеющим во всякий час, да примет и выслушивает терпеливо жалобы, прошения, уведомления, извещения или донесения о содеянном в его части». Также деятельность частных приставов была связана с исследованием жалоб и их фиксацией в протоколе (п. 99), допросом подозреваемого и заключением его под стражу в случае причастности к совершению преступления (п.п. 102, 103), выяснением всех обстоятельств уголовного дела (п. 105), ежедневном уведомлении руководства обо всех совершенных на его территории преступлениях, правонарушениях и происшествиях (п. 109).

В этой связи следует сделать вывод о том, что данный нормативный акт является учредительным (образование Управы Благочиния), уголовно-процессуальным (в части выявления преступлений и правонарушений, приема жалоб и заявлений, и дальнейших действий по ним) и уголовным, поскольку в пунктах с 191 по 232 перечислены «запрещения», а в п.п. 233-274 Устава Благочиния взыскания. Помимо этого, появление Устава 1782 г. в значительной степени усилило публичное обвинение, предоставив полицейским органам право обнаружения, начатия и рассмотрения мелких уголовных дел, обеспечило пострадавшим доступ к правосудию через обращение в полицию в любое время суток и во многом предопределило деятельность современных правоохранительных органов.

© Крымов В.А., 2018

Кожевников Олег Альбертович
доцент кафедры судебной деятельности
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук

ТАКТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТАЙНОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

После смерти Петра III Екатерина II, дословно повторив его Манифест 22 февраля 1762 г. об уничтожении Тайной канцелярии, 19 октября 1762 г. фактически сформировала новый правоохранительный орган – Тайную экспедицию.[74] Но, если при Петре III созданная им Тайная экспедиция «юридически и фактически» подчинялась Сенату, то Екатерина II «постепенно обособила» ее от Сената и подчинила лично себе через генерал-прокурора.[75]

В Манифесте о создании Тайной экспедиции подробно не раскрывались ее функции, говорилось лишь, что если возникнут дела, «которые до сей канцелярии принадлежали», то их надлежит немедленно препровождать в Сенат. При этом согласно Законодательным запискам Екатерины II о будущем устройстве России, Тайная экспедиция имела две главные задачи: во-первых, она собирала сведения «о всех преступлениях противу управления», во-вторых, «велит преступников имать под стражу и соберет все обстоятельства», т.е. проводит расследование. Однако екатерининский сыск не только подавлял врагов режима, «примерно» наказывая их, но и стремился лучше узнать общественные настроения и разными средствами направить их в нужное власти русло.[76]

Политический сыск при Екатерине II многое унаследовал от старой системы, но в то же время появились и отличия. Все атрибуты сыска

74 ПСЗ–1, т. XVI, № 11687 Подробнее о последних исследованиях по этому вопросу см. Карпенко С.В Михаил Хрущов, Степан Шешковский и «преображение» Тайной Канцелярии в Тайную экспедицию // Новый исторический вестник. 2010 № 25 (3).
75 Самойлов В. Возникновение Тайной экспедиции при Сенате // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 79–81.
76 Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке, М., 1999, С. 126.

сохранялись, но применительно к дворянам их действие смягчалось. Дворянина отныне можно было подвергнуть наказанию, только если он «перед судом изобличен». Освобождался он и от «всякого телесного истязания», а имение преступника - дворянина не отбирали в казну, а передавали его родственникам. Однако закон всегда позволял лишить подозреваемого дворянства, титула и звания, а потом пытать и казнить.

Несмотря на то, что в Манифесте об уничтожении Канцелярии тайных розыскных дел Петр III, а затем Екатерина II, подтвердившая его Манифест, дружно клеймили доносительство, основным материалом для возбуждения дел в Тайной экспедиции были устные и письменные доносы. За правильный донос обещалось милость и вознаграждение, а для их поощрения часть имущества осужденного передавалось доносчику. Холоп, подавший донос на своего господина, в случае подтверждения получал свою свободу. Анонимные доносы – «подметные письма», сжигались в соответствии с Именным указом от 11 августа 1732 г. «не распечатывая и не прочтя, на том же месте, где оные подняты, при свидетелях».[77] За утайку и ложный донос следовало жестокое наказание, вплоть до смертной казни, когда лжедоносителем являлся крепостной или солдат. Таким образом, поощрялись доносы, а, с другой стороны, доносчики пугались возможным поворотом дел не в их пользу.

При этом доносчиков, как и подследственных, сначала «увещевали». Обычно для этого привлекали тюремного священника Петропавловской крепости. Его действия так и назывались – «увещевание священническое». Перед допросом обвиняемому предлагали исповедаться священнику, давая шанс раскаяться в содеянном. Арестанты к этому моменту были запуганы до такой степени, что соглашались подписать любое признание, лишь бы не встречаться с руководителем Тайной экспедиции С.И. Шешковским – «великим инквизитором России». После увещевания доносчика два дня держали без воды и пищи и, если после этого он подтверждал прежние показания, от него требовали еще одного подтверждения доноса «перед пыткой», а иногда и пытали, все зависело от важности извета и настроения С.И. Шешковского. Этот метод дознания был особенно популярен в Тайной экспедиции, поскольку ее глава являлся глубоко религиозным человеком и верил в силу убеждения больше, чем в пытки.[78]

77 ПСЗ–1, Т. VIII, № 6150
78 Лурье Ф. Политический сыск в истории России, 1649–1917 гг. М., 2006. С. 34.

Екатерина II не могла не понимать, что пытка как средство получения показаний все более становилась анахронизмом в глазах отечественного и европейского общественного мнения. В указе Сенату от 15 января 1763 г. по этому поводу говорилось: «Чтобы всех тех, кои в разные преступления впадают, обратить к чистому признанию больше милосердием и увещанием…, нежели строгостью и истязанием, стараться как возможно при таких обстоятельствах кровопролитие уменьшить». Тем не менее пытка сохранялась, как последний способ дознания: «Если же все способы не преуспевают, в таком уж случае дошедших к пыткам по законам пытать».[79] Стратегической целью следователей в рясах и в штатском стало получение от допрашиваемого не только чистосердечного признания, но и раскаяния. Раскаяние (особенно под угрозой пытки) превратилось в высшую форму признания под воздействием религиозного чувства.[80]

При этом, Екатерина II не раз заявляла, что в Тайной экспедиции нет пыток и телесных наказаний.[81] Так, в письме А.И. Бибикову 15 марта 1774 г. в Казань по поводу действий секретной комиссии по делу Пугачевского восстания она писала: «Также при расспросах, какая нужда сечь? Двенадцать лет Тайная экспедиция под моими глазами ни одного человека при допросах не секли ничем, а всякое дело начисто разобрано было и всегда более выходило, нежели мы желали знать».[82]

Однако в действительности пытки применялись в не менее жестких формах, чем ранее и не только к подследственным, но и свидетелям, а нередко и доносчикам. Составленные Екатериной нормативные акты допускали возможность их применения. В Указе Сенату от 15 января 1763 г. по этому поводу говорилось: «Чтобы всех тех, кои в разные преступления впадают, обратить к чистому признанию больше милосердием и увещеванием, а особливо изысканием по происшедшим в разные времена околичностям, нежели строгостью и истязанием, но стараться как возможно при таких обстоятельствах кровопролитие уменьшить» Далее в Указе подчеркивалось: «Когда при следствии какого дела неминуемо дойдет до пытки, в таком

79 ПСЗ. Т. IV. № 1957

80 Ефремова Т.Н. Становление и развитие органов политического сыска в России (1695–1801) // Вестник Пермского Университета, 2009, История, Вып. 2 (9) С.89.

81 См. Сивков К.В. Тайная экспедиция, ее деятельность и документы. // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1946. Т. 35. Вып. 2. С. 106.

82 Сивков К. В. Указ. соч.; Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии М., 2008. С. 332.

случае поступать с крайней осторожностью и рассмотрением, и паче всего при том наблюдать, дабы иногда с винными и невинные истязания напрасно претерпеть не могли». Пытка сохранялась как последний способ вырвать у подследственного истину: «Если же все способы не преуспевают, в таком уж случае дошедших к пыткам по законам пытать».[83] Четвертый пункт Указа (Сенатского постановления) от 15 мая 1767 г. «Об ускорении решения дел о колодниках и о наблюдении законного порядка в сем производстве» гласил: «Пытки же производить, если со увещания не признаются и в самом нужном и необходимом случае и с такою предосторожностью, как предписанными именными Е. И. В. высочайшими 1763 г. января 15 и февраля 10 чисел указами повелено».[84]

В последующем ранее отрицавшая применение пыток Императрица официально признала, что пыточная практика в ее царствование все же имела место. Именной Указ от 1 января 1782 г. «О нечинении подсудимым при допросах телесных наказаний» констатировал, что по делам, производимым в Тайной экспедиции, открылось, что в некоторых губернских канцеляриях и подчиненных им учреждениях «для познания по показаниям преступивших о действиях их истины, расспрашивали не только самых преступников, но и оговариваемых ими под плетьми». Указ предписывал, чтобы «ни под каким видом при допросах никаких телесных истязаний никому делано не было, но в изыскании истины и облики поступано было, как в помянутом нашем указе (от 13 ноября 1767 г.) сказано, по правилам X главы Комиссного наказа».[85]

Ряд авторов считает, что нельзя точно установить, пытали ли людей в Тайной экспедиции. Прямых документальных свидетельств о пытках нет, но слухи о том, что там пытали, точнее – били, ходили в обществе.[86] Однако это опровергается свидетельствами современников. Так, указывается, что по приказанию Екатерины 6 октября 1762 г. был подвергнут пытке – «для изыскания истины с пристрастием под батожьем распрашиван» – Петр Хрущев, а потом Семен Гурьев; – гвардейцы, пытавшиеся «повторить» дворцовый

83 Энциклопедия секретных служб России / Авт.-сост. А.И. Колпакиди, М., 2004, С. 25; Лурье Ф.М. Указ. соч., С. 35.
84 Сивков К. В. Указ. соч., С. 106–107; Энциклопедия секретных служб России, С. 25; Лурье Ф.М. Указ. соч. С. 35; Курукин И.В., Никулина Е.А. Указ. соч. С. 332.
85 ПСЗ Т. XXI № 15313.
86 Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 451.

переворот уже с целью устранения самой Екатерины II. В ряде процессов также имеются косвенные указания на применение пыток.[87]

По конкретным делам следователи получали высочайшие директивы: использовать угрозу пытки для давления на подследственных, не применяя ее. Указывалось также, что пытали при Екатерине II редко, но кнутом секли и часто экзекуцией занимался сам Шешковский, которого прозвали Кнутобойцем. Орудия пыток (на всякий случай) в России сохранялись почти до середины XIX века. Их в Петропавловской крепости застали декабристы.[88]

Как указывалось в литературе, об отмене пыток сожалело даже высшее духовенство. Так, членов Верховного суда возмутила бесстрастность Мировича – «примечена в нем окаменелость, человечество превосходящая. Обер-прокурор Синода передал мнение церковных иерархов: «Некоторые из духовенства приговаривают злодея пытать».[89] Императрица защищала свое нововведение, хотя ей самой не всегда удавалось выдержать роль просвещенной монархини. Сохранились рассказы о том, как она приказала Шешковскому увезти с маскарада заядлую сплетницу генеральшу М.Д. Кожину. Начальник Тайной экспедиции должен был «слегка телесно наказать» женщину и доставить ее на бал-маскарад «со всею благопристойностью». Шешковский хвалился, что может заставить заговорить любого – достаточно только ударить его палкой по подбородку, чтобы затрещали зубы. Передавали за достоверное, что камера для истязаний увешана иконами, а начальник Тайной экспедиции, отличавшийся набожностью, поет акафист Иисусу, чтобы заглушить стоны истязуемых. Как-то князь Г.А. Потемкин, заметив в толпе придворных Шешковского, спросил его, как он в последнее время кнутобойничает?[90]

У свидетелей брались подписки, что они никогда, никому и ни при каких обстоятельствах не будут рассказывать о том, что они слышали и о чем говорили. По окончании следствия обвиняемым объявлялся приговор, вынесенный Генерал-прокурором совместно с рядом других чиновников. Приговор утверждался императрицей. Никакие права обвиняемых не гарантировались, защитников у них не было.[91]

87 Сивков К. В. Указ. соч.; Курукин И.В., Никулина Е.А. Указ. соч.
88 Сивков К.В. Указ. соч.
89 Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т. 2. СПб, 1891. С. 353.
90 Гельбиг. Русские избранные и случайные люди // Русская старина. 1887. Т. 56. № 10. С. 24.
91 Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Око государево. Российские прокуроры, XVIII век. М., 1994, С.136–144.

И все же времена менялись. При Екатерине II из штата сыскного ведомства исчезла должность палача – теперь для наказания виновных его чиновники обращались к услугам «заплечных мастеров» из других учреждений. Изменилась также манера обращения с подследственными – во всяком случае, с некоторыми их категориями.

Помимо некоторого ограничения пыток, императрица внесла в деятельность политического сыска ряд важных новшеств. Во-первых, она распорядилась засылать лазутчиков в места массового скопления людей для подслушивания разговоров. В трактирах, на съезжих дворах, в театрах, на балах непременно присутствовали лазутчики Шешковского.[92]

С.И. Шешковский создал такую агентурную сеть в большинстве крупных городов Российской империи, что мог в любой час доложить Екатерине II о поступках, замыслах и разговорах ее подданных. Поскольку императрица желала знать не только, что говорят, но и что пишут ее подданные, вторым нововведением стала перлюстрация корреспонденции. Именно с этого времени в России стало проводиться ознакомление с письмами без ведома корреспондентов и адресатов (перлюстрация), и это служило дополнительным источником информации. В «черный кабинет» – место, где просматривалась корреспонденция, – потекла струйка писем, их вскрывали, переписывали, а оригиналы отправляли по назначению. Копии писем в зависимости от содержания попадали на столы чиновников Тайной экспедиции, а иногда и на просмотр Императрицы. Письма и депеши, получаемые иностранными дипломатами от их правительств, были предметом особого внимания.[93] Для борьбы с иностранными агентами экспедиция ввела и стала эффективно использовать институт осведомителей за рубежом. Через «конфидентов» получались данные как на шпионов, засланных в Россию, так и на завербованных ими российских подданных. Екатерина добивалась той же цели, что и Петр I – создания «хорошей и точной полиции».[94]

Если полученные такими путями сведения заслуживали внимания, то начинался процесс: задерживались обвиняемые, вызывались свидетели, проводились очные ставки и допросы.

Всего за 35 лет екатерининского правления с 1762 по 1796 гг. через Тайную экспедицию прошло 862 дела, в среднем 25 дел в год.

92 Лурье Ф. Указ соч. С. 36.
93 Брикнер А. Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II // Русская старина. СПб, 1873. Кн. 1. С. 75–84.
94 Ефремова Т.Н. Указ. соч. С. 89.

Больше всего в 1763 г. (52 дела), в 1775 г. (44), меньше в 1770 г. (10), 1792 (11), 1787 г. (12).[95]

Хотя всеми делами Тайной экспедиции со дня ее основания заправлял С.И. Шешковский,[96] фактическим руководителем Императрица Екатерина II. По особо важным делам императрица, по сути дела, являлась и руководителем следственно – оперативной группы. Лично ведая всем процессом расследования, она возбуждала розыскные дела, выдвигала следственные версии, писала, исправляла или утверждала «вопросные пункты» для проведения допросов или письменных ответов подследственных, лично допрашивала подозреваемых и свидетелей, выносила приговоры или одобряла «сентенции». Кроме этого, она постоянно получала агентурные сведения, за которые платила деньги. Такова роль Екатерины II в делах Е.И. Пугачева, Н.И. Новикова, А.Н. Радищева, Ф. Хитрово.[97] Бумаги Тайной экспедиции хранят множество вопросов и записок-указаний Екатерины II следователям и генерал-прокурору Вяземскому.[98]

Это показывает, что Екатерина II лично вникала во все тонкости деятельности Тайной экспедиции, несмотря на публичное дистанцирование от «кнутобойных» методов. В начале правления она чувствовала себя на узурпированном престоле неуверенно; позже, будучи реально правящей императрицей, Екатерина не могла оставить без личного контроля столь важное учреждение.[99]

© Кожевников О.А., 2018

95 Эйдельман Н.Я. Грань веков // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 372

96 Степан Иванович Шешковский (1727–1794) сделался на 30 лет фактическим главой Тайной экспедиции при нескольких сменявших друг друга начальниках-аристократах. Курукин И.В., Никулина Е.А. Указ. соч. С. 95.

97 Лурье Ф. М. Указ. соч.; Жандармы России. С. 133; Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 128.

98 Корсаков А. Н. Степан Иванович Шешковский (1727–1794) : Биографический очерк // Исторический вестник, 1885. № 12. С. 671-672; Радищев П.А. Заметки [Отрывок о С.И. Шешковском] / Сообщ. П.А. Ефремов // Русская старина, 1870. Т. 2. Изд. 3-е. СПб., 1875. С. 510–512. – Под загл.: Степан Иванович Шешковский.; Курукин И.В., Никулина Е.А. Указ. соч. С. 66.

99 Курукин И.В., Никулина Е.А. Указ. соч. С. 65; Карпенко С.В. Михаил Хрущев Указ соч.

Фролов Владислав Владимирович
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX в. государство в достаточном объеме выделяло финансовые средства для политической полиции. Органы политического сыска быстро «брали на вооружение» западноевропейские технические новинки, в частности фотографирование и дактилоскопирование преступников, инструменты их регистрации, использовался опыт работы с агентурой.

Наиболее дальновидные представители политической полиции понимали, что только репрессивными мерами стабилизировать революционную ситуацию в стране не удастся. Одним из представителей политической полиции, осознающих государственно-правовой кризис и неэффективность карательных мер был Сергей Васильевич Зубатов, занимавший в начале XX в. сначала пост начальника Московского охранного отделения, а затем руководивший Особым (политическим) отделом в Департаменте полиции.

Понимая, что реальная опасность от радикально настроенных противников существующего строя будет лишь в том случае, если их поддержат широкие народные массы, и в первую очередь рабочие. С.В. Зубатов предлагал правительству взять на себя посредническую функцию во взаимоотношениях рабочих и предпринимателей, улучшить положение масс, удовлетворяя их некоторые экономические требования, легализовать профессиональные рабочие организации, которые направляли бы устремления рабочих в русло исключительно экономической борьбы.[100]

С осени 1900 г. С.В. Зубатов с разрешения властей Москвы приступил к осуществлению своих замыслов. Самой многочисленной из созданных им организаций было «Общество взаимопомощи рабочим механического производства», в рядах которого к лету 1901 г. состояло более 2000 рабочих. В 1902–1903 гг. были поданы ходатайства и организованны общества ткачей, булочников,

100 Былое. 1914. № 4. С.160–173.

пуговщиков и другие. Заинтересовав своими планами немало рабочих, вместе с тем, С.В. Зубатов конечно не мог, с одной стороны, за столь короткий срок существенно изменить сознание трудящихся масс, а с другой, его замыслы не были поняты и поддержаны большинством государственных чиновников.

Все же определенные успехи были достигнуты. Так, А.И. Елизарова-Ульянова признавала: «Под влиянием зубатовщины социал-демократическая работа в Москве стала невозможной. Нелегальная пропаганда социал-демократов в те годы в Москве практически прекратилась».[101]

Однако росло противодействие со стороны буржуазии, которая не хотела перераспределения прибылей в пользу рабочих, и со стороны ряда должностных лиц российского государства, которые опасались нежелательных последствий этого социального эксперимента в виде забастовок и сплочения пролетариата.

Последние не допустили коренного изменения государственной политики в отношении рабочих. Также негативно повлияли как радикально революционный настрой интеллигенции, так и инертность, неразвитость самих рабочих, которых надо было организовывать сверху.

После того, как С.В. Зубатов 19 августа 1903 г. был уволен со службы и сослан во Владимир с запрещением заниматься какой-либо политической деятельностью, созданные им легальные рабочие организации прекратили свое существование.

Как отмечал марксист И.В. Алексеев: «Практика насаждения «полицейского социализма» могла бы продолжаться и дальше, и он мог бы пустить и более крепкие корни (объективные предпосылки для этого в виде неоднородности пролетариата были), если бы «в верхах» по достоинству был оценен план С.В. Зубатова, и, если бы этот план легализации рабочего движения проводился с достаточной твердостью и последовательностью, без паники перед первыми же крупными затруднениями и провалами».[102]

Таким образом, самодержавная власть не получила такую нужную ей поддержку хотя бы части рабочих масс, а после 9 января 1905 г. по вере народа в доброго царя был нанесен сокрушительный удар.

101 Бухбиндер Н.А. «Зубатовщина в Москве // Каторга и ссылка. Кн. 1. М. 1925. С. 107.
102 Алексеев И.В. Провокатор Анна Серебрякова. М. 1932. С. 128

С.В. Зубатов в начале XX века писал: «... я верил и верю, что правильно понятая монархическая идея в состоянии дать все нужное стране при развязанности общественных сил, притом без крови и прочих мерзостей. Какая гарантия того, что, не изжив одной политической идеи, люди не испакостят и другой, считаемой ими более совершенной?»[103]

Хотя можно и не соглашаться с изложенной точкой зрения, думается, что путь реформ и эволюционных изменений всегда предпочтительнее пути «великих потрясений».

Насильственная ломка складывающихся веками общественно-государственных институтов и пренебрежение нравственными ценностями неизбежно влечет за собой массовое насилие и жертвы.

В организации и функционировании правоохранительных органов Российской империи в начале XX века имелись серьезные недостатки.

Необходимо было скоординировать действие нормативно-правовых актов. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства путем его кодификации, устранения коллизий и пробелов, детализации регулирования форм и методов правоохранительной службы позволит в большей степени гарантировать законность.

Многие из них дублировали друг друга, и в целом прогрессивная модель судебного следствия вступала в определенный диссонанс с полицейской и сыскной частью правоохранительного аппарата.

В условиях кризиса во всех основных сферах общественной жизни: политической, экономической и духовной, массового недовольства людей своим положением, правоохранительные силы были бессильны предотвратить разрушение государственно-правовой системы.

Актуальны мысли, изложенные в начале XX в.: «Кандидатами на полицейскую службу в большинстве случаев, являются пришельцы из других ведомств, и в зависимости от тех рангов, которые они имеют, или же от степени влиятельности лица, рекомендовавшего их, получают более или менее ответственные посты на полицейской службе, хотя с последней никакого знакомства не имеют и изучают свои новые обязанности от подчиненных, попадая под их влияние и совершая нередко ошибки во вред службе».[104]

103 Кузьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.–Л., 1928. С. 64.
104 Вестник полиции. СПб. 1908. № 6. С. 19.

Необходимо совершенствовать процедуры отбора, назначения, перемещения сотрудников правоохранительных органов с тем, чтобы: во-первых, не назначать на должности, связанные со следственной и оперативно-розыскной деятельностью лиц, не имеющих должной подготовки; во-вторых, психологической устойчивости и высоких духовно-нравственных качеств, в третьих, не назначать на руководящие должности, начиная с начальника следственного отдела, лиц, не имеющих стажа службы по соответствующей специализации не менее шести лет; в-четвертых, проводить конкурсный отбор на руководящие должности, имеющий гласный и справедливые характер. Между профессиональным уровнем, моральными качествами следователей и законностью их действий существует очевидная и тесная взаимосвязь.

В процессе службы руководителями большее внимание должно уделяться психологии сотрудников органов юстиции, и в необходимых случаях, при наличии негативного медицинского заключения, должны приниматься самые серьезные профилактические меры, с целью, недопущения правонарушений.

Низкий уровень правосознания российского общества также не способствовал и не способствует обеспечению стабильного правопорядка.

Как свидетельствовали современники событий начала XX в.: «Отсутствие правосознания, основанное на эгоизме, естественно вызывает отрицательное отношение к полиции, которой вверено наблюдение за исполнением обязанностей, обусловливаемых требованиями закона. В России каждое замечание, распоряжение полиции, хотя бы ничем не стесняющее право того или иного лица, вызывает протест, часто ничем не обоснованный, объясняемый лишь тем, что часто это замечание исходит от полицейского...».[105]

Как вспоминал начальник Киевского сыскного отделения: «... население зачастую идет на помощь преступникам, или в лучшем случае остается равнодушным зрителем. Летом 1905 г. среди массы людей был тяжело ранен пулей в голову один из околоточных надзирателей, известный своей корректностью. Покушение на убийство было произведено не из чувства мести, а просто потому, что он носил полицейский мундир. Среди людей, бывших при этом, не нашлось ни одного порядочного человека,

105 Вестник полиции. СПб. 1908. № 17. С. 7.

который указал бы убийцу, благодаря чему последний ускользнул от правосудия».[106]

Вывод очевиден: необходимо, с одной стороны, улучшать взаимоотношения правоохранительных органов и общества, а с другой, неустанно повышать профессионализм сотрудников, включающий и навыки владения оружием, и знание приемов самозащиты, и умение общаться с гражданами в различных стрессовых ситуациях. При рассмотрении механизма обеспечения законности важно исследовать не только теорию, но и практику его деятельности.

© Фролов В.В., 2018

106 Отчет о деятельности сыскного отделения Киевской городской полиции за 1906 г. Киев, 1907. С. 17–18.

Доронин Андрей Михайлович
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(СЗФ РПА Минюста России),
кандидат юридических наук

ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ДОЗНАНИЕМ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Осуществлённая в Российской империи судебная реформа 1864 г. поставила во главу угла прокурорского надзора судебно-следственную деятельность с поддержанием государственного обвинения в суде.

Возлагая на прокуроров бремя обвинительной власти, отмечал известный российский учёный С.М. Казанцев, законодатель сохранил за ним и обязанности надзора за законностью. Это особенно ярко проявлялось на стадии предварительного следствия, когда прокурор, возбуждая уголовные дела, становился одновременно и стороной уголовного процесса, и надзирающей инстанцией, руководившей действиями судебного следователя.[107]

По общему правилу, установленному статьей 1034 Устава уголовного судопроизводства, уголовное преследование по делам о государственных преступлениях возлагалось на прокуроров судебных палат.

Однако, рост антиправительственных выступлений в России в конце XIX в. обусловил расширение функций органов государственной безопасности в лице политической полиции, костяк которой составлял Отдельный корпус жандармов. В 1871 г. были утверждены «Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений».

Этими Правилами на чинов Отдельного Корпуса жандармов были возложены обязанности сообщать прокурорскому надзору и полиции информацию о любом преступлении, выявленном в ходе осуществления жандармского наблюдения и предотвращать уничтожение следов

107 Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб. 1993. С. 155.

преступлений и уклонение преступников от следствия. На жандармов было возложено также ведение дознаний по делам о государственных преступлениях. В дальнейшем эти Правила были включены в Устав уголовного судопроизводства.[108] По своей правовой природе дознание представляло собой систему неотложных следственных действий, проводимых под контролем прокуратуры в сочетании с «надлежащими разведываниями» по раскрытию преступления.[109]

Остановимся на некоторых вопросах процессуального положения полиции в дореволюционной России. Следует отметить, что как учреждение полиция являлась составной частью администрации, ведавшей исполнением одной из ее задач, а именно обеспечением публичной и частной безопасности. По общему правилу по отношению к органам юстиции полиция как учреждение имела значение служебного органа, нацеленного на предупреждение и пресечение преступлений и проступков и обеспечение неотвратимости наказания с помощью сохранения следов обнаруженного преступления и задержания преступников (административная полиция).

При этом под так называемой судебной властью полиции понимались, во-первых, полномочия по производству полицией отдельных следственных действий. Для предупреждения и пресечения преступлений и проступков полиция в установленных законом случаях обладала правом проникновения в частные жилища, проведения обысков, выемок и освидетельствований, наложения ареста имущества, запрещений и секвестров, правом вскрытия и просмотра частной корреспонденции и правом предупредительного личного задержания как меры пресечения способов скрыться от следствия и суда и уничтожения следов преступления. Во-вторых, судебная власть полиции выражалась в наделении ее полномочиями по производству розыска и дознания и, в исключительных случаях, следственных действий. Основное правило заключалось в том, что при производстве дознаний и следственных действий полиция действовала в качестве подчиненного и служебного органа юстиции, судебные органы которой были вправе подвергать материалы дознания, подготовленные полицией, юридической квалификации.

Губернские жандармские управления осуществляли дознание по делам о государственных преступлениях на всем пространстве

108 ПСЗ. Собрание второе. Т. XLVI. Отделение I. № 49516.
109 Гисси С. А. Дознание, его цели и способы производства. Ч. I. Казань, 1878. С. 37.

Империи, в том числе обнаруженных в ходе оперативно-розыскных мероприятий на ее границах.[110]

В соответствии с положениями Свода военных постановлений о местном военном управлении на рубеже XIX–XX вв. Отдельный корпус жандармов состоял: 1) из главного управления Корпуса жандармов; 2) управлений варшавского и сибирского округов; 3) губернских жандармских управлений, дополнительного к ним штата, размещённого по городам и уездам (до 1870 г. он именовался наблюдательным составом корпуса) и жандармских управлений городов Одессы и Омска; 4) Шлиссельбургского жандармского управления, с состоящей при нем пешей жандармской командой; 5) уездных жандармских управлений в варшавском округе; 6) жандармских полицейских управлений железных дорог; 7) Санкт-Петербургского, Московского и Варшавского жандармских дивизионов и 8) Одесской городской конной команды. Кроме того, существовали также: а) крепостные жандармские команды и б) полевые жандармские эскадроны, нёсшие военно-полицейскую службу при войсках, как в мирное, так и в военное время.[111]

Эти корпусные звенья имели следующие функциональные особенности.

Одна часть Корпуса, сведённая в губернские жандармские управления, осуществляла наблюдения, в некоторых губерниях вели политический розыск, а также производили дознания и расследования, используя в том числе офицеров резерва, специализировавшихся на дознании.

Вторая часть Корпуса была сведена в железнодорожные полицейские управления и несла службу исключительно в полосе отчуждения железных дорог, исполняя функции общей и политической полиции.

В ведении офицеров Корпуса были также охранные отделения в Петербурге, Москве, Варшаве и других городах, входившие в состав градоначальств и обер-полицмейстерств и занимавшихся политическим розыском. Такие органы начали действовать с 1866 г. в Санкт-Петербурге при градоначальнике и с 1880 г. в г. Москве при обер-полицмейстере. Это были чисто оперативно-розыскные органы, призванные бороться с крамолой методами внутреннего освещения и наружного наблюдения. Оперативный состав охранных отделений

110 Статьи 1035-1 - 1035-29 Устава уголовного судопроизводства.
111 Свод военных постановлений 1869 г., изд. 2е (по 1е июля 1889 г.). Кн. III. Местное военное управление. СПб., 1890.

комплектовался в основном из офицеров Отдельного Корпуса жандармов. В 1883 г. было утверждено «Положение об устройстве секретной полиции в Империи», предусматривавшее создание таких отделений в наиболее крупных городах в составе жандармских управлений или в ведомстве общей полиции.[112]

Жандармские дивизионы несли наружно-полицейскую и внутреннюю службу и в условиях границы использовались для преследования прорвавшихся через неё контрабандистов.[113]

На чинов Корпуса возлагалось исполнение следующих обязанностей: 1) по обнаружению и «исследованию» преступлений; 2) по охране внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности в районе железных дорог; 3) для содействия местным гражданским властям в охранении порядка и внутренней безопасности; 4) по осмотру паспортов в некоторых портах и пограничных пунктах Империи; 5) по надзору за содержавшимися в местах заключения государственными преступниками и лицами, обвиняемыми в государственных преступлениях; 6) по несению военно-полицейской службы в пределах крепостей и их районов.[114]

Оперативные подразделения Корпуса, осуществлявшие борьбу с государственными преступлениями, использовали негласные формы работы через специальные аппараты внутреннего осведомления («агентуры», «сотрудники») и наружного наблюдения («филеры»). Ежегодные инспекторские проверки, проводившиеся штабом Корпуса и издававшиеся на основе обобщения их результатов приказы, прямо нацеливали жандармов на активное использование своей агентуры при производстве дознаний по государственным преступлениям.[115]

Необходимо заметить, что с деятельностью охранных отделений было связано такое позорное явление в истории русской государственной политической полиции как провокация.

Подчинённые местному градоначальству, охранные отделения пользовались значительной автономией в проведении розыскных мероприятий, централизованный контроль за их деятельностью был ослаблен и это не могло не привести к различным нарушениям в сфере оперативно-розыскной работы. Это касалось не только деятельности

112 ГАРФ. Ф. 102. 1ое делопроизводство. 1883 г. Д. 408. Л. 1.
113 Спиридович А. Записки жандарма. М. 1991. С. 37.
114 Свод военных постановлений 1869 г., изд. 2-е (по 1-е июля 1889 г.). Кн. 3 Местные военные управления. СПб., 1890.
115 Приказы по Отдельному Корпусу жандармов. СПб., 1904. С. 15.

агентов-провокаторов, но и самих чинов охранных отделений.

Например, в 1907 г. в Виленском военно-окружном суде рассматривалось дело таможенного чиновника Кудрявцева и 10 других подсудимых, обвинённых в участии в преступном сообществе, имевшем в своем распоряжении склад оружия и поставившего своей целью насильственное изменение образа правления. Как выяснилось в ходе судебного заседания, все это дело было плодом ловкой мистификации, подстроенной корнетом охранного отделения Пономаревым. Он, переодевшись в гражданское платье, перешёл русскую границу и в немецком городке Эйдкунен купил в магазине Миллера партию револьверов и патронов, договорившись с приказчиком магазина о доставке купленного оружия контрабандным путём в Россию. Тот уговорил пронести оружие таможенного чиновника Кудрявцева, после чего Пономарев задержал Кудрявцева на границе с поличным. Не довольствуясь этим, Пономарев вновь отправился в Эйдкунен и заказал ещё партию из 50 револьверов и дал задаток, однако Миллер, узнав, что Пономарев — это то самое лицо, которое вовлекло его приказчика в контрабанду, избил его. На суде также выяснилось, что Пономарев на территории Пруссии подложил в автомашину начальника Вержболовского жандармского управления подполковника Мясоедова револьвер и динамит для последующей его дискредитации в ходе обыска на границе.[116]

В том же 1904 г. прокурор Киевской судебной палаты направил в Департамент полиции письмо о нарушении закона при проведении оперативно-розыскных мероприятий при водворении на территорию Империи подрывной литературы. Дело обстояло так. Несмотря на то, что жандармский ротмистр Белевцов из Варшавского губернского жандармского управления получил от своего агента из г. Лемберга (Австро-Венгрия) сообщение о готовящемся водворении на территорию Империи двух «транспортов» с подрывной литературой, было принято решение об их пропуске через границу под негласным наблюдением. Последовавший через некоторое время захват этой литературы на конспиративной партийной квартире в Киеве привёл к задержанию лишь части ее.

Прокурор строго указал розыскному органу на то, что «пропуск из-за границы транспорта с нелегальной литературой, основанный на заведомом предоставлении провозителям возможности

116 Полянский Н. Н. Царские суды в борьбе с революцией 1905 - 1907 гг. М., 1958. С. 118.

водворить транспорт внутрь Империи, с целью привлечения к дознанию возможно большего числа лиц, которые окажутся к этому прикосновенными…, не приносит пользу государству без противоречия требованиям закона, т.к. вместо предупреждения и пресечения готовящегося преступления, создаёт возможность для политической деятельности».[117]

Присутствие прокуроров при осуществлении жандармскими офицерами следственных действий, высокий образовательный уровень профессиональных юристов с течением времени привели к тому, что прокуроры стали играть ведущую роль при производстве жандармских дознаний. Выдающийся русский судебный деятель А. Ф. Кони в связи с этим отмечал: «…За ничтожными исключениями, прокуроры сделались действительными и полновластными хозяевами дознаний, а жандармские чины - писцами постановлений и протоколов под диктовку прокуроров».[118] Результаты такого дознания не могли быть проверены в ходе последующего судебного рассмотрения дела, поскольку эти дела разрешались, как правило, в административном порядке.

Указанный административный порядок разрешения политических дел был отменен лишь в 1904 г. в связи с введением в действие нового Уголовного уложения. Вместе с тем, обязательное присутствие прокурора при производстве дознания существенно ограничивало произвол полицейских чиновников.[119]

В целом прокурорский надзор за расследованием государственных преступлений чинами Отдельного корпуса жандармов давал положительные результаты, поскольку обеспечивал соблюдение требований закона чинами этого Корпуса.

© Доронин А.М., 2018

117 ГАРФ. Ф. 102. 1904 г. Д. 2, ч. 6. Л. 18.
118 Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. М.: Юрид. лит., 1966. Т.2. С. 333. Воспоминания о деле Веры Засулич
119 Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб. 1993. С. 195.

Расчётов Владимир Александрович
заведующий криминалистической лабораторией
первого факультета повышения квалификации (с
дислокацией в г. Ростов-на-Дону)
Института повышения квалификации ФГКОУ
ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской
Федерации»

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ 1954 – 1955 ГГ

Смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 г. явилась для населения Советского Союза большим потрясением. Отношение к этому было разнообразным у разных групп населения, но большинство простых людей искренне горевало об утрате, не видя достойных преемников вождю.

Со стороны же партийно-государственной элиты оценка сложившейся системы работы государственного аппарата стала негативной, его деятельность признавалась вредной и бюрократической, наносящей большой ущерб народному хозяйству.[120] У неё, лишившейся жесточайшего контроля, а также перманентной угрозы подвергнуться репрессиям, появилась возможность смягчения режима государственного правления, в частности – либерализации карательной политики в сфере уголовно-правовых отношений, устранения избыточного централизованного администрирования – взаимного дублирования действий друг друга рядом управленческих структур (министерств, ведомств), так называемого «параллелизма» в работе. При этом предполагалось некоторое расширение самостоятельности государственных и партийных аппаратов союзных республик в решении социально-экономических проблем, бытовавших в национальных республиках, т.е. определённая децентрализация управления.

Явным диссонансом наметившемуся курсу прозвучало обращение 21 июня 1954 г. министра юстиции СССР К.П. Горшенина в Президиум Верховного Совета СССР с обоснованием необходимости

120 Расчётов В.А. Эволюция отечественных следственных органов (1953–2014 гг.) : монография. М. : Кредо, 2017. С. 60.

реформирования уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства. Из копии его письма[121] явствует, что действующие уголовное законодательство СССР и уголовные кодексы союзных республик, принятые в 1926–1928 гг., а также уголовно-процессуальное законодательство страны и уголовно-процессуальные кодексы союзных республик, принятые в период 1923–1935 гг., во многом устарели и требуют кардинальной переработки. Её основой должна была стать унификация уголовного и уголовно-процессуального законов для всех союзных республик. Предлагалась ликвидация его региональности – вместо республиканских уголовных кодексов и уголовно-процессуальных кодексов предлагалось введение «Уголовного Кодекса СССР» и «Уголовно-процессуального Кодекса СССР». Ограничиваясь в данном исследовании рассмотрением вопроса реформирования предварительного следствия, необходимо отметить, что проект УПК СССР, по мнению Минюста СССР, имел своей задачей определить порядок деятельности органов расследования и прокуратуры при производстве предварительного расследования уголовных дел и порядок судопроизводства по уголовным делам в судах.

В частности, ст. 93 проекта УПК устанавливала, как общее правило, обязательность производства дознания или предварительного следствия по делам о всех преступлениях, за исключением дел, относящихся к категории частного обвинения. При этом, по мнению разработчиков, необходимо было чётко разграничить обязанности между следователями и органами милиции. Основное внимание органов милиции должно было быть направлено на оперативно-розыскную работу по раскрытию и пресечению преступлений, охрану общественного порядка, в связи с чем «*органы милиции должны быть освобождены от обязанности вести расследование дел некоторой категории до конца*».[122] Поэтому проект предусматривает основную форму расследования – **предварительное следствие, производимое следователями прокуратуры, а по делам о государственных преступлениях – органами государственной безопасности**.

Таким образом, проект, предложенный в 1954 г. Министерством юстиции СССР, не предполагал ведение предварительного следствия органами милиции, но одновременно расширял, по сравнению с

121 ГА РФ. Ф. 385, оп. 26, д. 92. Л. 2-38.
122 Там же. Л. 27.

действовавшим законодательством, круг дел, по которым должно было бы производиться предварительное следствие.

Президиум Верховного Совета СССР своим постановлением № 103/1 от 27.11.1954[123] постановил разослать представленные Горшениным проекты УК СССР и УПК СССР для предварительного рассмотрения в Президиумы Верховных Советов союзных республик и в Комиссии законодательных предположений Совета Союза и Совета национальностей Верховного Совета СССР, которые обязывались в течение 2–3 месяцев представить замечания и предложения по проектам в Президиум Верховного Совета СССР. Сам же Президиум должен был рассмотреть поступившие замечания и предложения на очередном своём заседании.

Из поступивших замечаний и предложений наиболее соответствующими требованиям того момента (как представляется в настоящее время), не теряющими своей актуальности и по сию пору, явились замечания Комиссии законодательных предположений Совета национальностей Верховного Совета СССР, возглавляемой М.А. Гедвиласом. 25 декабря 1954 г. им были представлены замечания на проект УПК СССР и предложения по его совершенствованию, сводившиеся относительно вопроса организации предварительного расследования к следующему.

Предлагалось именовать дознанием только оперативные, розыскные и связанные с ними неотложные следственные действия, производимые органами дознания милиции и командирами воинских частей и соединений – то есть чётко очертить границы дознания. Фактически предлагалось вернуться в этом вопросе к истокам российского уголовного судопроизводства, когда в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства (далее УУС) элементами дознания полиции признавались деятельность по установлению факта преступления и причастных к нему лиц посредством розысков, расспросов и негласным наблюдением, а до прибытия на место преступления следователя – выполнение неотложных, особо оговоренных в УУС следственных действий (отделение 1 Главы 1 Раздела 2 УУС).[124]

Актуальность того предложения сохраняется и в настоящее время, поскольку границы дознания и предварительного следствия

123 Там же. Л. 1, 264.

124 Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825-1881). Т. 39 (1864). Ч. 2. Закон 41476. С. 233–234 // Российская Национальная библиотека. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php/

настолько стёрты (особенно по срокам предварительного расследования, где срок дознания максимально может быть продлён до 12 месяцев – ч. 5 ст. 223 УПК РФ), что существующее положение в этой области вызывает откровенное непонимание у действующих следователей.

Комиссия законодательных предположений Совета национальностей в развитие выдвинутой ею инициативы об отграничении дознания от предварительного следствия предложила «именовать предварительным следствием деятельность органов милиции, ведущих расследование отдельных категорий дел в полном объёме, и лиц, ведущих такое расследование, именовать следователями милиции».[125]

Комиссией предлагалось переименовать название «Уголовно-процессуальный Кодекс СССР» в «Закон об уголовном судопроизводстве СССР, союзных и автономных республик».

10 февраля 1955 г. в Президиум Верховного Совета СССР Комиссиями законодательных предположений Совета Союза (возглавлял М.А. Яснов) и Совета Национальностей Верховного Совета СССР совместно с Комиссией, представлявшей проект УПК СССР (возглавлял К.П. Горшенин), выработали новый согласованный проект кодекса, в котором были учтены замечания и предложения Президиумов Верховных Советов Союзных республик.

«Устанавливая чёткое разграничение компетенции между различными следственными органами, проект УПК СССР, в отличие от действующего законодательства, определяет **единый порядок производства предварительного следствия всеми уполномоченными на то органами: следователями органов прокуратуры, следователями органов государственной безопасности, следователями органов милиции**».[126]

«Исходя из этого, проект применяет единый термин «следствие» для обозначения единого по своим процессуальным формам предварительного расследования, проводимого следователями органов прокуратуры, государственной безопасности и милиции, а дознанием именует лишь первоначальные оперативно-розыскные и иные неотложные действия милиции по раскрытию преступления».[127]

125 ГА РФ. Ф. 385, оп. 26, д. 92. Л. 237.
126 Там же. Л. 267.
127 Там же. Л. 268.

Таким образом, в 1955 г. предложение ввести в следственный аппарат страны следователей милиции поступило от уполномоченных представителей Верховного Совета СССР в лице его Комиссий по законодательным предположениям Совета Союза и Совета Национальностей, к которому присоединилось и Министерство юстиции СССР в лице его министра.

Однако потребовалось 8 лет для того, чтобы руководство страны осознало разумность и справедливость того предложения и 6 апреля 1963 г. ввело в систему уголовного судопроизводства институт следователей милиции, сохранив тем самым, в прямом смысле слова, здоровье, силы, семьи следователей прокуратуры и их кадровый состав, на которых, в соответствии с УПК РСФСР[128], было возложено расследование преступлений, производство по которым в полном объёме ранее осуществляли органы милиции.

Сложилась парадоксальная ситуация – когда Советская власть в лице того же Верховного Совета СССР через его Комиссии законодательных предположений выступила за реформу уголовного и уголовно-процессуального законодательства, ведущей к консолидации правоохранительной системы союзного государства, встретила сопротивление со стороны высшего эшелона партийного руководства страны (эта гипотеза требует дополнительной проверки иными архивными материалами). Сама идея кодификации уголовного и уголовно-процессуального права в рамках СССР, очевидно, пошла вразрез с курсом партийной верхушки страны на либерализацию административного управления, поскольку вводила единый для всех союзных и автономных республик уголовно-правовой режим и режим уголовного судопроизводства, ведших к их унификации, и, соответственно, централизации управления в правоохранительной сфере.

Представляется, что непринятие этой идеи не позволило сформировать положительное к ней психологическое отношение и внутреннее убеждение сотрудников правоохранительной системы в необходимости отношения к уголовному и уголовно-процессуальному кодексам как к «нашему для всех», вместо «нашего для своих», сохранив в их умах правовую национально-территориальную обособленность, что, очевидно, в конце концов, также поспособствовало распаду СССР.

128 Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. N 40. Ст. 592.

Можно предположить (и это тоже требует дополнительной проверки), что в возникшем на этой почве конфликте между партийным и советским руководством победила идеология курса на либерализацию, а активные её противники были отстранены от руководящих постов. Следуя этой логике, становится понятным, почему на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1956 г. было упразднено Министерство юстиции СССР, и К.П. Горшенин освобождён от должности Министра юстиции СССР, которую он занимал с 29 января 1949 г.; М.А. Гедвилас 16 января 1956 г. был снят с должности Председателя Совнаркома Литовской ССР, которую занимал с 25 августа 1940 г.

© Расчётов В.А., 2018

Щенина Татьяна Евгеньевна
доцент Глазовского государственного педагогического
института им. В.Г. Короленко (г. Глазов),
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный работник народного образования
Удмуртской Республики

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ КОМПРОМИСС НА ДОСУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

По своему происхождению термин «компромисс» имеет латинские корни, и является производным от «compromissum», который буквально означает «соглашение на основе взаимных уступок».[129] Как видно из семантического толкования, термин «компромисс» употребим в тех ситуациях, где взаимодействующие стороны должны договориться путем взаимных уступок для достижения взаимовыгодных целей.

Какова необходимость использования компромисса в уголовном праве? Для чего нужен компромисс, и почему государство идет на уступки в вопросах привлечения к уголовной ответственности преступника? Необходимо понимать, что всякий случай применения компромисса - мера, прежде всего вынужденная. Уголовно - правовые уступки могут применяться только в тех случаях, когда выполнение задач Уголовного кодекса путем применения иного способа невозможно или самым существенным образом затруднено, создает реальную угрозу наступления непоправимых последствий. Другими словами, при применении компромисса должно соблюдаться требование вынужденности уступок и их соразмерности предполагаемым негативным последствиям.

Анализ законодательных норм, регулирующих порядок принятия компромиссных решений на досудебном следствии и в разные исторические периоды, позволил выделить несколько основных этапов их развития:[130]

– начальный этап развития уголовного судопроизводства – с древних времен до начала XIX в. (согласно сводов законов Российской

129 Зенович Е.С. Словарь иностранных слов и выражений. М. : Олимп; ООО Фирма Издательство АСТ, 1998. С. 365.

130 Костенко Н.С. Историко-правовые предпосылки появления компромиссного судопроизводства в России // XX век в истории России, гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного строительства. Чебоксары, 2016. С. 273–279.

Империи 1832 г., из уголовного судопроизводства на стадии досудебного следствия), компромиссные решения применялись как альтернативная форма погашения вины, в частности с целью ограничения кровной мести. Чаще всего уступки со стороны лица, совершившего преступление, заключались в добровольном возмещении убытков и выплате штрафа. Компромиссные решения, которые принимались на этом этапе, являются по сути прототипом современных форм уголовно-процессуального и уголовно-правового компромиссов в виде закрытия уголовных дел в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием;

– второй этап (30-е гг. XIX в. – середина XX в.) связан с обособлением досудебного следствия как самостоятельной стадии уголовного процесса. Этот этап характеризовался тем, что наряду с уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными компромиссами было законодательно закреплены компромиссы, связанные с проведением отдельных следственных действий (обыск, допрос и т. п.) и применением мер процессуального принуждения (избрании меры пресечения);

– третий этап начинается в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в., когда законодательное закрепление приобрел порядок заключения компромисса на досудебном следствии. В это время значительно больше внимания, по сравнению с прошлым периодом, уделялось возможности применения компромисса при решении вопроса о применении принудительных мер, а также во время производства отдельных следственных действий;

– четвертый этап связывается с принятием Уголовного кодекса РФ и внесением соответствующих изменений в УПК РФ, благодаря которым расширяется круг возможностей для принятия компромиссных решений на досудебном следствии. На этом этапе возникла потребность в разработке криминалистических приемов достижения компромисса на досудебном следствии. В результате в 1992 г. концепция компромисса стала предметом специального криминологического и уголовно-правового исследования А.Х. Миндагулова,[131] пожалуй, одним из первых давшего определение норм уголовного законодательства, допускающих компромисс.

Для определения природы уголовно-правового компромисса

131 Миндагулов А.Х. Компромисс в уголовном праве: допустимость и его пределы // Современные проблемы уголовной политики. Краснодар, 2014. С. 191–204.

удобным оказывается его системно-структурный анализ, в классическом (типичном) варианте применимый к исследованию любого правоотношения: объект, субъекты, юридические факты и содержание.

Объектом уголовно-правового компромисса следует считать тот размер уступки в характере или объеме мер уголовной ответственности, которую государство готово предоставить лицу, чье поведение угрожает или причиняет вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, принимающему условия сделки. Объектом уголовно-правового компромисса, таким образом, может стать фиксированный размер смягчения уголовной ответственности, либо ее устранения.

Определяя субъектов уголовно-правового компромисса, предлагаем исходить из общетеоретического подхода к определению субъекта правоотношения.[132] Уголовной правосубъектностью в сфере компромисса, без сомнений, обладают две стороны возникшего по поводу совершения преступления конфликта: государство в лице компетентных органов и лицо, готовящееся совершить преступление, совершившее его либо находящееся в состоянии совершения преступления.

В уголовно-правовом компромиссе государству принадлежит особая роль, заключающаяся в инициировании имеющей юридическое значение уступки. Именно государство определяет основания и условия компромисса. От решения, которое принимает лицо, будет зависеть реализация той или иной нормы УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление, либо отказа от применения ее мер. Юридическим фактом, вызывающим компромисс, является принятие лицом условий уголовно-правовой сделки. Такое принятие может выражаться в согласии выполнять конкретные действия, предусмотренные в норме уголовного закона, либо в подписании досудебного соглашения о сотрудничестве с последующим следованием его пунктам. Сами действия, выполняемые лицом в порядке компромисса, представляют собой ничто иное, как уступку со стороны лица, совершившего деяние, содержащее все признаки состава преступления. Такая уступка сама по себе имеет значение

132 Шараева Я.А. Компромисс как инструмент примирения сторон в уголовном судопроизводстве // Компромисс в праве: теория, практика, техника. М., 2014. С. 414–420.

юридического факта, поскольку лишь с ее выполнением компромисс можно считать достигнутым.

Анализ норм УК РФ позволяет установить шесть видов подобного рода уступок, имеющих значение юридических фактов, с которыми уголовный закон связывает достижение компромисса:[133]

1. Добровольный отказ от совершения преступления. Добровольная форма данного поведения прямо закрепляется УК РФ в качестве обстоятельства, препятствующего применению мер уголовной ответственности (ст. 31 УК РФ).

Анализ норм, образующих в уголовном законе институт добровольного отказа от совершения преступления, позволяет сделать важное заключение: УК РФ фактически закрепляет два вида добровольного отказа, хотя на первый взгляд ведет речь только об одном. Между тем важное юридическое значение имеет отделение добровольного отказа от совершения преступления как юридического факта, влекущего: 1) исключение уголовной ответственности и 2) освобождение от применения мер уголовной ответственности.

Первый вид отказа возможен на этапе приготовления к совершению преступления небольшой или средней тяжести, которое никак не связано с возникновением охранительного уголовно-правового отношения. Дело в том, что приготовление к преступлениям данной категории уголовный закон не считает наказуемым. Стало быть, выполнение каких-либо приготовительных действий к совершению преступлений этого вида само по себе не может составить основания для уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), поскольку в данном случае отсутствуют признаки состава преступления. Соответственно, отказ от приготовления к совершению преступления рассматриваемой степени тяжести не освобождает лицо от уголовной ответственности, но полностью ее исключает. В этой связи использованная в ч. 2 ст. 31 УК РФ формулировка «не подлежит уголовной ответственности за преступление» вполне адекватно отражает суть вопроса и не может рассматриваться как компромиссная. В свою очередь, правовая природа норм, регулирующих данный вид добровольного отказа, позволяет рассматривать его в ряду обстоятельств, исключающих преступность деяния (Глава 8 УК РФ).[134]

133 Скутельник О.А., Правкин С.А. Актуальные проблемы юридической науки : учебное пособие. М., 2016. С. 13.

134 Некига С.Н. Компромисс как составляющая механизма действия права // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2013. № 2. С. 22.

Напротив, покушение на совершение преступления небольшой или средней степени тяжести, а равно приготовление к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления являются уголовно-наказуемыми (ч. 2-3 ст. 30 УК РФ). Это значит, что с выполнением действий, составляющих такое покушение и приготовление, возникает основание для уголовной ответственности, а вместе с ним – охранительное уголовно-правовое отношение. Соответственно, лицо, осуществившее покушение на преступление небольшой или средней тяжести, а также приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению, становится субъектом правоотношения ответственности. Отказываясь от совершения преступления на этих этапах, такой субъект пользуется нормой о добровольном отказе как компромиссной, т.е. не исключающей уголовную ответственность, но предусматривающей уступку в виде неприменения ее мер. Поэтому второй вид добровольного отказа представляет собой обстоятельство, с которым уголовный закон должен связывать освобождение от уголовной ответственности, а не ее исключение.

Вот почему та же самая формулировка ч. 2 ст. 31 УК РФ сегодня входит в противоречие с ч. 2 ст. 30 УК РФ и потому неверно отражает юридическое значение данного вида добровольного отказа. Введя уголовную ответственность за покушение на преступление небольшой или средней тяжести, а также за приготовление к тяжкому преступлению, УК РФ фактически придал добровольному отказу в этих случаях значение обстоятельства, освобождающего от уголовной ответственности, а норме, его регулирующей, – компромиссный характер, в большей мере, имеющей отношение к главе 11, а не главе 6 УК РФ. Таким образом, не всякий добровольный отказ от совершения преступления охватывается содержанием уголовно-правового компромисса.

2. Прекращение длящегося преступления. Данный вид поведения не является универсальным условием компромисса для всех длящихся преступлений, а потому всякий раз специально закрепляется уголовным законом в виде примечания к той или иной статье Особенной части. Такие примечания содержат или подпадают под их действие следующие статьи УК РФ: 126, 127.1, 198, 199, 199.1, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 228.3, 282.1 и 282.2. Все эти преступления являются длящимися, и законодатель посчитал возможным пойти на

уступки освобождения от уголовной ответственности лиц, которые прекращают преступное поведение.[135]

3. Сообщение о готовящемся или совершенном преступлении, его предотвращение либо пресечение, активное способствование раскрытию и расследованию преступления. Как условие компромисса данные поведенческие акты отдельно, а также в вариантах совместного употребления также прописываются законодателем в ряде статей Особенной части УК РФ: 184, 204, 205, 205.1, 275, 276, 278, 291, 291.1 и ст. 307.

4. Выполнение действий, составляющих обстоятельства, смягчающие наказание. Нормы уголовного закона, закрепляющие смягчающие обстоятельства, по своему происхождению являются поощрительными. Вместе с тем одним из результатов уголовно-правовой реформы стала их трансформация в компромиссные. Об этом свидетельствует история ст. 62 УК РФ, предусматривающей порядок назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств. В современном варианте, данная статья четко определяет объем уступок видов и размера наказаний в ч. 1-2 и 4.

5. Выход на сотрудничество с правоохранительными органами. Данный поведенческий акт в сформулированном виде не предусмотрен среди обстоятельств, смягчающих наказание. Вместе с тем, он также может быть использован виновным в совершении преступления лицом для вступления в отношение компромисса с государством.

Очевидно, что уступок, предусмотренных ст. 62 УК РФ, может оказаться недостаточно для того, чтобы вызвать на компромисс лицо, от поведения которого зависит предупреждение, раскрытие и расследование групповых, организованных и других трудно выявляемых преступлений.

6. Признание вины в совершении преступления. Сегодня в науке и практике идет весьма оживленная дискуссия, предметом которой является обсуждение вопроса о включении в российское законодательство норм, допускающих соглашения о признании вины. Речь идет, конечно же, о закреплении УПК РФ самостоятельной главы 40 «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением». Удовлетворение

135 Зароченцева Н.В. Понятие и виды согласительных процедур в уголовном судопроизводстве // Право. Законодательство. Личность. 2016. № 1 (22). С. 88–95.

ходатайства обвиняемого о применении особого порядка принятия судебного решения влечет за собой актуализацию ч. 5. ст. 62 УК РФ, в соответствии с которой срок или размер наказания в этом случае сокращается не менее чем на одну треть максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Содержание уголовно-правового компромисса. Как и любая сделка, уголовно-правовой компромисс предусматривает права и обязанности государства и виновного, которые в полной мере соответствуют друг другу. Закрепив в нормах уголовного законодательства условия применения уступок, государство становится «заложником» собственных обязательств. Это значит, что преступник, воспользовавшись своим правом, может потребовать от государства применения соответствующих компромиссных норм в обязательном порядке.

Выступив инициатором компромисса, предложив преступнику выбор поведения, теперь уже государство несет полную ответственность за применение данных норм, что исключает какое бы то ни было усмотрение на этот счет. Должностное лицо, выступающее от имени государства, обязано выполнить закрепленные в уголовно-правовой норме условия, и в этом состоит принципиальное отличие режима компромисса от поощрения в уголовном праве. В противном случае выполнивший предложенные уголовным законом условия виновный может обжаловать решение об отказе в уступке смягчения или устранения уголовно-правового обременения, защищать свои права в судебном порядке и требовать возмещения ущерба.

Безусловно, виновное лицо располагает не только правами в рамках рассматриваемой правовой связи, а государство – не только обязанностями. В этой связи уголовный закон не предусматривает отступлений от закрепленных в норме условий компромисса, т.е. возлагает на виновного обязанность пойти на конкретные уступки и в том объеме, который окажется достаточным для того, чтобы считать сделку совершенной. В противном случае уголовно-правовой компромисс нельзя будет считать достигнутым.

Считаем, что проведенный анализ истории развития законодательства, которое регулировало вопросы уголовного судопроизводства в разные времена его становления, предоставил

возможность отметить, что существование и применение компромисса на досудебном следствии является объективной необходимостью, направленной на решение основных задач уголовного судопроизводства.

© Щенина Т.Е., 2018

Тарасов Анатолий Вячеславович
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Российского государственный университет правосудия
Северо-Кавказский филиал, г. Краснодар,
кандидат юридических наук, доцент,
Заслуженный юрист Кубани

СТОЯНОВСКИЙ Н.И. – РЕФОРМАТОР ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В настоящий момент в Российском уголовном судопроизводстве проблемным остается организация досудебной стадии. Проблемы, существующие в уголовном процессе современной России, схожи с теми проблемами, которые возникли в Российской империи во второй половине XIX в. На протяжении последнего десятилетия в России неоднократно предпринимались попытки по изменению статуса органов предварительного следствия. В 90-х годах XX в. сначала были упразднены, а затем восстановлены следственные аппараты в органах ФСБ. В тот же период времени все следственные подразделения органов внутренних дел были объединены в Следственный комитет «при» МВД России, а в целях повышении статуса следователей их звания получили приставку «юстиции». Следователи прокуратуры также прошли путь от Следственного комитета «при» Генеральной прокуратуре до полной самостоятельности в структуре Следственного комитета.

К сожалению, до настоящего момента, все указанные мероприятия не дали ожидаемых результатов по части качественного функционирования механизма уголовного судопроизводства на стадии предварительного следствия. На этом фоне следует обратиться вновь к историческому опыту России и вспомнить одного из основоположников концепции реформирования досудебной стадии Российской империи середины XIX в. – Стояновского Николая Ивановича.

Николай Иванович, родился в Могилеве 31 декабря 1820 г. В июне 1841 г. он успешно окончил 4-х летнее обучение в

императорском училище правоведения. Это был второй выпуск данного учебного заведения в Санкт-Петербурге. Свою деятельность на юридическом поприще он начал в Сенате в чине коллежского секретаря. В стенах данного учреждения он приобрел огромный опыт в организации судопроизводства, что позволило ему, уже через шесть лет, заниматься преподавательской деятельностью в стенах учебного заведения которое он закончил. В училище он преподавал курс уголовного судопроизводства, практический опыт, который он осваивал в Сенате, давал ему прекрасную возможность донести до учащихся юридические познания, основанные на судебной практике. Именно этот период совмещения работы в судебном учреждении и училище правоведения подтолкнули Н.И. Стояновского к написанию первой работы «Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству». Научно-практический труд был опубликован в 1852 г., после преодоления ряда препятствий со стороны цензуры. Преподавательская деятельность продолжалась более семи лет, и только откомандирование Николая Ивановича в Москву прервало его плодотворную работу по подготовке молодых, образованных юристов.

Вторая половина XIX в. в Российской империи ознаменовалась глубокими переменами, охватившими все стороны государственного управления и общественного строя, на что серьезное влияние оказал субъективный фактор развития истории государственности – восшествие на престол императора Александра II. В ходе подготовки крестьянской реформы возникла острая необходимость по реформированию административно-полицейских учреждений.

27 марта 1859 г. для подготовки проектов была создана специальная комиссия «для начертания проектов нового устройства губернских и уездных учреждений», возглавил комиссию Н.А. Милютин. В нее вошли представители различных ведомств, в том числе Стояновский Николай Иванович – от министерства юстиции.

Основные начала преобразования полиции были сформулированы высочайшим повелением от 25 марта 1859 г., «Государь Император, – говорилось в этом документе, – приняв во внимание, что с изменением состояния крестьян и помещиков при предстоящем преобразовании, полиции должно быть дано такое устройство и такие средства, которые могли быть надежным

ручательством точного исполнения, всех обязанностей на нее возлагаемых по обеспечению общественного порядка и спокойствия... Высочайше изволил повелеть, что в числе других мер, направленных на улучшение деятельности полиции и для производства следствия, учреждаются особые следственные пристава по два в каждом уезде, следственные пристава считаются в ведомстве министерства юстиции. Они должны приступать к производству следствия по непосредственному предписанию полицейского управления. Наблюдение за правильным производством следствий возлагается на стряпчих и прокуроров».[136]

Среди членов комиссии основная нагрузка по разработке проектов об отделении следственной части от полиции легла на Н.И. Стояновского. О его трудах Кони А.Ф. писал «Им было положено начало деятельности, созидающей в великой творческой работе русского судебного преобразования».[137]

Николай Иванович на основе обобщения опыта западных стран (в большей степени Франции и Германии) рассматривал этот вопрос с точки зрения научно-теоретических положений о формах судопроизводства, судебном характере предварительного следствия, границах и значении стадий процесса и т.д. В ноябре 1859 г. Стояновский подготовил записку «Учреждение следственных приставов»,[138] в которой были изложены его основные теоретические положения о правовом статусе следователя. Лейтмотив данного документа – власть следственная есть часть судебной власти. «Следственные пристава считаются членами уездного суда. Они определяются, перемещаются из уезда в уезд, увольняются от должности Губернским правлением по представлению губернских прокуроров» (§ 2). В примечании к этому параграфу Стояновский прямо указывает: «Власть следственная есть часть власти судебной». Полиция должна проводить первоначальное дознание по происшествиям, направленное на установление факта преступления, закрепление улик, розыск подозреваемого, а следователь осуществлять предварительное следствие, которое должно состоять в сборе и оценке доказательств и предварительном решении вопроса о виновности лиц. Из этого Стояновский сделал вывод, что следственный аппарат должен находится в судебном ведомстве. Причем этот тезис трактовался им не только как

136 РГИА Ф.1180, ОП.15, Д. 20, Л 284

137 Кони А.Ф. Отцы и дети Судебной реформы. Пг.,1914, с.101.

138 ОР РГБ, Ф.290, ОП. 171, Д. 8. С. 19. (далее параграфы проекта по тексту).

организационное переподчинение следственного аппарата суду, но и как средство обеспечения независимости следственного аппарата от административной власти и, в первую очередь, полицейской власти.[139] «Никто из находящихся при следствии лиц, никакая другая власть, кроме суда, рассмотрению коего подлежит дело, не вправе приостанавливать производство или направлять его ход» (§ 18–20). Стояновский закрепил в своем проекте важное положение о несменяемости следственных приставов. Так он мог быть «удален от должности не иначе как с преданием уголовному суду».

Каждому следственному приставу назначался судебный участок, в пределах которого он проводил следствие, а также выполнял поручения коллег с других участков. Расследование он осуществлял единолично и самостоятельно. «Следственный пристав собственной властью принимает все меры и исполняет все те действия, необходимые для приведения обстоятельств дела в полную известность» (§ 22). Все должностные лица и учреждения обязаны были исполнять законные требования следственного пристава (§ 11). Кроме того, ему предоставляется право «в случае надобности проверить и дополнить действие мест и лиц, производящих первоначальное исследование и сделанные ими распоряжения» (§ 21).

Суд имел право контроля и проверки обязанностей следственных приставов, рассматривал жалобы на действия следственного пристава, назначал повторное или дополнительное следствие, осуществлял задачу передачи дела от одного следственного пристава к другому.

Стояновский большое внимание уделял прокурорскому надзору. Так при аресте необходимо было иметь заключение стряпчего. Прокуроры и стряпчие имели право принимать доносы и жалобы на следственных приставов (§ 23). Дела, по которым обвиняемый подвергался «личному задержанию» (аресту) и содержанию под стражей более одного месяца, следственный пристав ежемесячно должен был представлять уездному стряпчему (§ 25).

Составленная Стояновским записка «Учреждение следственных приставов» стала основополагающим материалом в работе комиссии губернских и уездных учреждений. Последующими проектами «Учреждение следственных судей» в марте 1860 г. и «Учреждение судебных следователей» в мае того же года туда были внесены

139 Мамонтов А.Г. указ.соч., с.148.

лишь незначительные поправки. Таким образом, Н.И. Стояновский разработал принципиальные положения реформы предварительного следствия. С запиской был ознакомлен С.И. Зарудный ставший в последствии «отцом» и «душой» судебной реформы, он поддержал взгляды Стояновского, о чем свидетельствует его надпись на проекте: «Читал и со всем совершенно согласен».[140]

23 ноября 1859 г. записка Стояновского была тщательно изучена и принята за основу дальнейших законодательных проектов в этом направлении. Работа продолжалась, в ходе ее комиссия уделила большое внимание разделению функций полиции и вновь учрежденных следователей. Таким образом, в ее трудах закреплялась концепция разделения предварительного расследования на дознание и предварительное следствие.

Должностных лиц, осуществляющих предварительное следствие, предполагалось называть не следственными приставами, а следственными судьями. Слово «пристав» означало слишком тесную связь с полицией. Подобные рассуждения привели комиссию к убеждению, что «вновь учрежденных следователей считать членами уездного суда как высшего в уезде судебного места, в котором предполагается при настоящем преобразовании судопроизводства сосредоточить судебную власть, и для отличия от прочих именовать следственными судьями».[141]

Все указанные законодательные новеллы придавали более цивилизованный вид старому уголовному процессу.

В ходе дальнейшего реформирования суда Н.И. Стояновский принимал самое активное участие. В сентябре 1962 г. он был включен в редакционную комиссию по составлению проектов законоположений о преобразовании судебной части в России. Именно его перу принадлежали «Основные начала нового уголовного судопроизводства». После назначения товарищем министра юстиции (заместителем. – А.Т.) Н.И. Стояновский продолжил активную реформаторскую работу, в частности готовил замечания на проекты Судебных Уставов и присутствовал в Государственном Совете при их рассмотрении. После принятия Судебных Уставов, он, в феврале 1866 г., был командирован в Москву для организации работ по подготовке и

140 ОР РГБ, Ф.290, ОП. 171, Д. 8. Л. 42.
141 Особая объяснительная записка к проектам губернских и уездных учреждений // РГИА, Ф. 1149, ОП. 5, Д. 41, Л. 383.

введению в действие судебных учреждений. За выдающиеся труды по проведению судебной реформы Николай Иванович был награжден орденом Святой Анны I степени и пожизненной доплатой к жалованию в 2500 рублей (сумма на тот период значительная, эквивалентна годовому заработку среднего чиновника. – А.Т.).

Созданная по итогам проведения судебной реформы модель уголовного судопроизводства эффективно функционировала в Российской империи до начала XX в. К сожалению, после октября 1917 г. вся система судопроизводства в течении десяти лет была реконструирована под влиянием революционного правосознания, что в дальнейшем привело к массовым репрессиям и господству внесудебных механизмов привлечения к уголовной ответственности. Но следует отметить, что идея разделения досудебной стадии расследования на дознание и предварительное следствие заложенная Н.И. Стояновским, благодаря сознанию юридического сообщества, сформированному в дореволюционный период, укоренилась в новом уголовно-процессуальном законодательстве (УПК РСФСР 1922 г. и других УПК)

Что касается статуса чинов, осуществляющих предварительное следствие, то в 1929 г. они были введены в состав органов прокуратуры, а в 1960 органы следствия, как и за сто лет назад были воссоединены в единое целое с административно органами милиции (полиции – сути не меняет. – А.Т.) и их процессуальная самостоятельность также осталась призрачным отражением на бумаге.

© Тарасов А.В., 2018

Мерзляков Андрей Андреевич
студент очной формы обучения
ФГБОУ ВО «Удмуртского
государственного университета»

(Научный руководитель – **Лукомская Анастасия Сергеевна,**
кандидат юридических наук, доцент)

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Потерпевший это центральный участник уголовного процесса. Его допрос имеет важное значение в доказывании по уголовному делу. Используя исторический метод исследования можно прийти к пониманию первопричин, особенностей порядка проведения допроса потерпевшего и предпосылок для совершенствования современной процедуры этого следственного действия. Необходимость исследования истории становления порядка допроса потерпевшего обозначена выявлением и сопоставлением причин развития этого следственного действий, определением произошедших изменений и установлением тенденций развития процессуального порядка проведения допроса потерпевшего в настоящий период.

История становления допроса как следственного действия непосредственно связанна с периодом царствования Алексея Михайловича и Петра Великого. В Соборном Уложении 1649 г.[142] впервые был использован термин «донос». Донос происходил путем изложения в устной форме служивым человеком Великому князю Московскому информации о заговоре против него. Доносы касались лишь преступлений государственного характера и мало чем были похож на современный допрос. Этот период считают периодом возобладания розыскной формы процесса над обвинительной.

При Петре I розыскной процесс окончательно закрепился в законодательстве. До наших дней дошел пласт документов, разработанный в период правления Петра I, регулирующих

142 Соборное Уложение 1694 г. / Выверено по изданию: М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М. : Изд-во Московского университета, 1961.

судопроизводственную деятельность. Первым решающим шагом в сторону модернизации судопроизводства стал указ «Об отмене в судных делах очных ставок о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей, и о пошлинных деньгах» от 21 февраля 1697 г.[143], согласно которого судебный процесс, устоявшийся со времен Киевской Руси, был заменен государственным сыском. Сыск проводился тайно и быстрыми темпами, но не был стеснен в средствах. Он отвечал больше интересам Императора, нежели целям судопроизводства, основанного на принципах гласности и состязательности сторон. Этим же указом вводилась смертная казнь за лжесвидетельство. Позже,

в 1715 г., Петр в «Кратком изображение процессов или судебных тяжеб»[144] уже законодательно закрепляет за судом обязанность организовывать сыск.

Полный перечень правил проведения розыскных действий содержался именно в петровском Указе «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб». Данный Указ являлся приложением к Военному уставу[145], исходя из чего, возникает предположение о его пригодности лишь для разрешения процессуальных действий по военным преступлениям. На это указывает непосредственно и сам текст нормативно – правового акта. Однако, данный Указ регулярно применялся для разрешения споров даже в гражданском процессе.

Следует также отметить, что и гражданский процесс, и уголовный процесс в данном законе проводились по единым правилам, изложенным в нем. Система доказательств базировалась на четырех составляющих: «чрез своевольное признание, чрез свидетелей, чрез письмянные доводы и чрез присягу».[146] Так же имела место теория формальных доказательств: все доказательства

143 Именной указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/.

144 Краткое изображение процессов или судебных тяжеб от 26 апреля 1715 г. [Электронный ресурс]. URL : http://www.garant.ru/ .

145 Артикул воинский от 25 апреля 1715 г. // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М. : Юрид. лит.,1986.

146 Краткое изображение процессов или судебных тяжеб от 26 апреля 1715 г. Вторая часть процессу. Гл. I «О доказании» п. 6 [Электронный ресурс]. URL : http://www.history.ru.

делились на «совершенные» и «несовершенные».[147] Чистосердечное признание относилось к совершенным доказательствам, а сам Петр говорил, что собственного признания в содеянном является лучшим свидетельством.[148]

Существовала вне процессуальная мера для получения доказательств. Она прописывалась отдельной главой в «Краткого изображения процессов и судебных тяжб» и называлась «О расспросах с пристрастием и о пытках». Данная мера была вынужденной. Её использовали при подозрении ответчика в содеянном и отсутствии «своевольного признания». Именно чистосердечное признание являлось основным и весомым видом доказательства. Не редкостью было применение пыток к свидетелям. Таким образом судья мог выяснить все мельчайшие детали дела. Дача ложных показаний каралась обрубанием пальцев рук.

Указ Петра I, в силу явных причин не дифференцировал такие понятия как «гражданский истец», «частный обвинитель», «потерпевший». Эти участники судопроизводства попадали под одно емкое определение «челобитчик». Челобитчиком называли всех тех, кто обращался в суд с целью разрешения дела (подавал челобитную).

«Краткое изображение процессов и судебных тяжб» не регламентировало допрос потерпевшего (челобитчика). В целом, допросу подвергался лишь ответчик и свидетели. Подавляющее большинство допросов сводилось к расспросу с пристрастиями и пыткам. Данный процесс был четко прописан в

Указе. Если человек не признавался в совершении преступления, то пытать повторно его без получения дополнительных подозрений запрещалось. В случае отказа от показаний, данных на допросе, в суде, свидетеля либо подсудимого пытали повторно. Данный цикл мог производиться не более трех раз. В случае непризнание своей вины после третьей пытки задержанный освобождался. Была предусмотрена ответственность судьи за применение особо жестоких, не соответствующих тяжести содеянного, методов пытки. Не подлежали пыткам дворянство, лица старше 70 лет, подростки и беременные женщины, а также

147 Рогов В.А. История государства и права России IX - начала XX веков : учебник. 2-е изд., стер. М. : МГИУ, 2008. 249 с.

148 Краткое изображение процессов или судебных тяжеб от 26 апреля 1715 г. Вторая часть процессу. Гл. I «О признании» п. 1 [Электронный ресурс]. URL : http://www.history.ru.

духовенство высоких рангов.

Следует упомянуть «Военный Артикул», как пример одной из первых регламентаций тактики допроса потерпевшего. Например, в главе XX «О содомском грехе, насилие и блуде»[149] описана методика расследования заявлений об изнасиловании и рекомендации по допросу потерпевшей. Судьёй у потерпевшей при допроса необходимо было выяснять ряд обстоятельств: имеются ли повреждения на одежде, на теле, дату совершения преступления, имеются ли свидетели, звали на помощь или нет. При этом, следовало особое внимание обращать на поведение допрашиваемой. Факт дурной славы заявительницы еще не являлся основанием для отказа в расследовании, так как насилие есть насилие и не важно над кем оно совершенно.

Пытка, как средство получения доказательств у допрашиваемого, в том числе потерпевшего была отменена лишь при Александре II после проведения Судебной реформы. До этого момента люди считали, что такой вид получения признаний являлся правильным и целесообразным. Данный метод заставлял под воздействием невыносимой боли давать ложные показания против себя самого с целью прекращения пыток. Отрицание своей вины допрашиваемым не являлось доказательством его невиновности, а клевета лица под гнетом пыток становилась неопровержимым доказательством виновности ответчика.

Судебная реформа 1864 г. стала концом теории формальных доказательств. В Российской империи начали систематизировать следственные действия. Системны подход к институту следственных действий как упорядоченному, внутренне согласованному и взаимообусловленному комплексу процессуальных действий, направленных на собирание доказательств, был применен в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.[150] Следственные действия были лаконично размещены в разделе Устава под названием «О предварительном следствии» в главах 4, 5, 7. Процессуальная регламентация следственных действий описывалась в логичной для предварительного следствия последовательности: осмотр, далее освидетельствование, обыск, выемка и допрос обвиняемых, свидетелей. Однако, данный перечень не является пространным.

149 Артикул воинский от 25 апреля 1715 г. Глава двадцатая «О содомском грехе, насилие и блуде» // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М. : Юрид. лит.,1986.

150 Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL : http://www.garant.ru/.

Понятие «челобитчик» в Уставе уголовного судопроизводства получило свою дефиницию. Александр II законодательно закрепил обвинительную сторону, состоящую теперь из таких участников как истец, потерпевший и частный обвинитель. Суд стал происходить путем непосредственного расспроса и обмена мнениями. Происходил устный допрос обвиняемого, свидетелей. Выслушивалась речь обвиняемого и защитника. Появились такие основополагающие принципы судопроизводства как гласность и состязательность сторон.

Устав уголовного судопроизводства выделял два вида допроса: допрос свидетеля и допрос обвиняемого. Допрос потерпевшего все еще не был регламентирован. И если наиболее схожий с допросом потерпевшего допрос свидетеля перестал являться расспросом с пристрастием, предусматривались сроки явки на допрос и штрафы за неявку, распространенным являлась дача показаний под присягой с отдельными исключениями, то сообразные тенденции можно относить и к допросу потерпевшего, который продолжал иметь особенности проведения исходя из сословной принадлежности лица.

1. Исходя из проведенного анализа можно тезисно сформировать вывод о научной значимости и закономерном выделении периода становления допроса потерпевшего в уголовном судопроизводстве Российской Империи с 1694 г. по 1864 г., в котором содержится ключевой источник - Соборное Уложение 1694 г., впервые вобравший в своих нормах прообраз современного допроса потерпевшего.

2. Проведенное исследование отдельных норм периода правления Петра I показало создание ряда нормативных правовых актов, имеющих своей целью упорядочение и осмысление регламентирования процессуальных действий (1697–1715 гг.). Допрос приобретает вид пыток, целью которых является «своевольное признание». В силу несовершенства процессуального законодательства и неразвитой юридической науки полноценной тактики ведения допроса для каждого участника судебного разбирательства разработано не было.

3. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. впервые без дефиниции включил понятие «потерпевший», как участника судопроизводства, наделенного рядом прав и обязанностей. При этом, Уставом 1864 г. не дается регламентация порядка проведения

допроса потерпевшего, а лишь предусматривается порядок допроса обвиняемого и свидетеля.

4. Исследование особенностей и предпосылок развития положений о допросе потерпевшего в уголовном процессе выделенного периода является базисом формирования и совершенствования норм, регулирующих порядок допроса потерпевшего в современный исторический период.

© Мерзляков А.А., 2018

Карачкова Карина Игоревна
студент ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский
государственный университет

(Научный руководитель – **Ильин Андрей Витальевич**,
кандидат юридических наук)

УЧРЕЖДЕНИЕ НЕЗАВИСИМОГО СЛЕДСТВИЯ В РОССИИ ПО УКАЗУ АЛЕКСАНДРА II ОТ 8 ИЮНЯ 1860 ГОДА

Александр II Указом от 8 июня 1860 г. учредил должности судебных следователей, отделив таким образом производство предварительного следствия от ведения полиции, в компетенции которой оставалось расследований незначительных преступлений и проступков.[151] Издание Указа ознаменовало начало глобального преобразования института следствия в России, продолжая ранее проявлявшиеся тенденции закрепления самостоятельности следственных действий за соответствующими госорганами, что отражало потребности социально-политической ситуации в стране.

Впервые эта идея была реализована в Наказах Петра I от 9 декабря 1717 г., которыми были закреплены функции и процессуальное положение «майорских» следственных канцелярий. При этом важной их особенностью является не только закрепление ряда процессуальных норм, ставших впоследствии прообразом многих следственных институтов в России, но и относительная самостоятельность канцелярий – не было упомянуто ни одного государственного органа, перед которыми должны были отчитываться канцелярии: они подчинялись непосредственно монарху.[152]

151 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXXV. Отд. первое. 1860. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1862. 961 с. С. 709–711.
152 300 лет следственному аппарату России (1713–2013 гг.). М. Издание Следственного комитета РФ 2014. 400 с. С. 25–29; Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М. : Зерцало, 2009. 488 с. С. 352–357.

Многие ученые посвятили свои труды правовому статусу судебного следователя, например, А. Г. Мамонтов, Г. В. Хлебникова [153] и другие, поэтому в данной работе будет рассмотрена проблематика, касающаяся непосредственно предпосылок проведения реформы и правовой природы Указа от 8 июня 1860 г., что поможет выявить его место в системе российского законодательства, влияние проведенной реформы на правовую действительность как XIX века, и значение реформы для развития права и государства России.

Учреждение института судебных следователей было высоко оценено современниками. Выдающийся адвокат Владимир Данилович Спасович писал, что данной реформой Россия в области судопроизводства вступила на путь преобразований, который, закончится тем, что все положения ч. II т. XV Свода законов Империи,[154] посвященные уголовному производству, будут изменены, поскольку новые начала, составляющие сущность учреждения судебных следователей, не могут уместиться в прежних процессуальных нормах.[155]

Реформы в области юстиции, проведенные Александром II, занимают центральное место среди всех реформ второй половины XIX в., осуществленных в России. Изменив коренным образом уголовный процесс и судоустройство, реформы подвергли изменениям и организацию работы следственных органов.

Отделение следствия от полиции стало частью общего либерального курса реформа императора, и во многом предопределило демократические тенденции в производстве предварительного следствия России. Произошел отказ от инквизиционного процесса в пользу состязательного.

При целевом единстве всех реформ в области правоприменения, следственная реформа, во-первых, на несколько лет опередила судебную, а, во-вторых, готовилась обособленно.

Реализация следственной реформы стала возможной в результате работы «Комиссии для начертания устройства губернских

153 300 лет следственному аппарату России (1713–201 гг.). М.: Издание Следственного комитета РФ 2014. 400 с. С. 110–118; Хлебникова Г.В. Правовой статус судебного следователя в Российской империи по Судебным уставам 1864 года // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 327–339.

154 Свод законов Российской империи. Т. XV. Законы уголовные. Изд. 1857 г. С. 611.

155 Спасович В.Д. Соч. Т. III. Статьи, диссертации, лекции юридического содержания. СПб., 1890. 544 с. С. 164–166.

и уездных учреждений», основанной 27 марта 1859 г. в рамках подготовки крестьянской реформы. Одной из задач Комиссии являлась выработка предложений по работе полиции и сокращение ее компетенции, в связи с чем и был поднят вопрос об отделении от полномочий полиции расследования уголовных дел. В рамках этого заключения Д.О. Серов указывает на независимость разработки следственной реформы от последующей судебной.[156]

Однако анализ нормативно-правовых актов, связанных с проведением как следственной, так и судебной реформы, а также литературы, посвященной истории следствия и юстиции в России, позволяет сделать иные выводы. В частности, стоит обратить внимание на ключевые лица, связанные с проведением реформ. Так, Комиссию по разработке Устава по преступлениям и проступкам, которой была поручена разработка полицейской реформы, возглавлял граф Дмитрий Николаевич Блудов, чье имя тесно связано и с проведением судебной реформы, известны его предложения о проведении следственных действий и судебного процесса за десятилетия до проведения реформы в царствование Николая I.[157] Активное участие в разработке обеих реформ принимал и будущий «отец» судебной реформы статс-секретарь Сергей Иванович Зарудный.[158]

Известное влияние на проведение всего курса либеральных реформ оказывал и брат императора Александра II великий князь Константин Николаевич, возглавлявший Комитет по крестьянскому делу, тем более, как уже было показано, полицейская реформа имела непосредственное отношение к крестьянской. Но при этом некоторые авторы, например, Ю.Л. Коршунов, указывают, что непосредственного участия в подготовке судебной реформы

Константин Николаевич не принимал, что, на мой взгляд, является спорным утверждением, так как именно под его руководством были преобразованы отдельные институты судопроизводства, например, в Морском ведомстве. Общая характеристика личности великого князя, известного своим либеральным влиянием на императора, также не

156 История следствия в России. Монография / под общ. ред. Д. О. Серова, А. В. Федорова. М.: Юрлитинформ, 2017. 280 с. С. 69–70.
157 Глянько О. А. Судебный следователь в уголовном судопроизводстве Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С. 75.
158 Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т 3. Приложения. Т. 1: С января 1857 года по 30 ноября 1860 года. Пг.: Гос. тип., 1915. 1, XVII, 522 с. С. 2.

позволяет делать выводы о его отстраненности великого князя от проведения судебной реформы.[159]

Во введении к комментированному изданию кодифицированных Судебных уставов указано, что предпосылки к их возникновению появились еще в 1848 г. Это подтверждает именно долгосрочность подготовки судебной реформы, и говорит о широкой, всесторонней подготовке изменений законодательства 1864 г. о судебной и исполнительной власти.[160]

А.Г. Мамонтов также задавался вопросом: в чем причина опережающего проведения следственной реформы по сравнению с судебной и крестьянской реформами, означает ли это большую ее значимость? Но, исследовав исторические предпосылки проведения реформ и социально-политическую обстановку в стране в преддверии освобождения крестьян, он приходит к выводу, что это была лишь часть совокупности проводившихся реформ, лишь ввиду ряда обстоятельств, опередившая остальные хронологические. В частности, отделение следствия от полиции не только усиливает независимые начала в производстве предварительного следствия, но и усиливало полицию, что было немаловажно в канун раскрепощения крестьян.[161]

Однако остается открытым вопрос: почему проведение следственной реформы произошло раннее, чем комплексная судебная реформа? Большинство авторов называют в качестве предпосылки отделения следствия от полиции то, что последняя не справлялась с данной функцией, что в преддверие крестьянской реформы было попросту опасно. С.М. Казанцев указывает, что недостатки проведения следствия полицией были настолько существенны, что даже прокурорский надзор за ними вели едва значимый, зачастую прокурор узнавал о расследуемом деле лишь в суде второй инстанции, а также должен был вести следствие по особо значимым делам.[162] Однако в результате следственной реформы прокуроры вовсе освобождались от надзора за следствием, что в свою очередь также справедливо подвергалось критике современников. А.Г. Мамонтов также приходит

159 Коршунов Ю. Л. Генералы-адмиралы Российского императорского флота. СПб. : ИД Нева, 2003. 320 с. С. 182.

160 Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, ч. II—III. СПб., 1866. 690 с. С. 1.

161 300 лет следственному аппарату России (1713–2013 гг.). М. : Издание Следственного комитета РФ 2014. 400 с. С. 87–103.

162 Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб: Изд-во СПбГУ, 1993. 216 с. С. 129.

к выводу, что ответ кроется в социально-политической ситуации в России в канун реформы. Необходимость усиления полицейской власти заставила пересмотреть широту ее полномочий, произошел отказ от некоторых из них. Забрав у полиции такую важную функцию, как предварительное следствие, Александр II, по сути, усилил административные функции полиции.[163]

Таким образом, даже беглого анализа документов и исторической литературы достаточно, чтобы увидеть, что одни и те же государственные деятели и правоведы в 1858–1859 гг. были заняты разработкой ряда взаимосвязанных реформ в области общественной жизни и юстиции, работа над которыми вряд ли могла идти не комплексно. Это позволяет сделать вывод, что полицейская реформа, в ходе которой было произведено отделение следствия от административной власти, реализовывалась, если не одновременно, то в рамках уже начатой подготовки судебной реформы и являлась частью общего курса преобразований. Она выражала общее либеральное настроение самого монарха и влиятельной части его окружения.

Однако, несмотря на значимость следственной реформы и длительный период ее подготовки, нельзя сказать, что она сразу была проведена идеально, и это утверждение является одним из наименее дискуссионных в литературе, посвященной реформе следствия 1860 г. О неудачности отдельных положений реформы свидетельствуют как воспоминания современников, так и вскоре вышедшие обновления в законодательстве, регулирующем предварительное следствие. Александр Григорьевич Мамонтов указывает на следующие предпосылки к изменениям в процессуальных документах. Фактическая взаимозаменяемость функций полиции и следователя ставила под сомнение в обществе необходимость выделения следствия в отдельный институт. Подчиненное положение следователей по отношению к судам вкупе с имеющимся недоверием к новому институту затрудняли работу следователя, а самостоятельность следствия, о которой так много говорили после опубликования Указа от 8 июня 1860 г., и вовсе оказалась фикцией.[164] Однако это не привело, и не могло привести к упразднению института судебных

163 300 лет следственному аппарату России (1713–2013 гг.). М. : Издание Следственного комитета РФ 2014. 400 с. С. 87–88.
164 Там же. С.107-109.

следователей, так как эффективное функционирование следственного аппарата однозначно не могло идти по иному пути развития. Цель освобождения органов исполнительной власти от производства следственных действий также была достигнута.

Подводя итоги, нельзя не заметить тенденции к выделению следствия в самостоятельную структуру, существовавшую с древнейших времен. Исторический опыт позволяет предположить, что отделение органов следствия от иных государственных органов является не только инструментом повышения эффективности проведения предварительного следствия, но и объективной необходимостью, которая предопределена базовыми принципами организации правоохранительных органов, основанными на состязательности процесса.

© Карачкова К.И., 2018

РАЗДЕЛ 2 : СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛЕДСТВИЯ

Топильская Елена Валентиновна
доцент кафедры уголовного права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»
(г. Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОТЕРПЕВШИМ ПО ДЕЛАМ О СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: УЧАСТИЕ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА

В последние годы наблюдается настоящий всплеск преступлений, связанных с посягательствами на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Статистические данные свидетельствуют о том, что 20 % преступлений в отношении детей от года до пяти лет совершаются на сексуальной почве. В 2016 г. жертвами таких преступлений стали около 700 детей в возрасте от 6 до 10 лет.[165]

За 6 месяцев 2017 г. возбуждено более 7 тыс. уголовных дел по факту половых посягательств в отношении несовершеннолетних, что на тысячу с лишним больше, чем за аналогичный период 2016 г. Жертвами сексуального насилия за полгода стали около 5 тысяч детей; из них 838 детей в возрасте до 10 лет. При этом в отношении 155 детей насилие совершено родителями.[166]

Совместное исследование, проведенное компанией МТС, «Лабораторией Касперского» и общественной организацией «Лига

165 Государственная Дума Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL : http://www.duma.gov.ru/news/273/1855255/ (дата обращения 02.12.2017)

166 Фракция «Единая Россия» в Государственной Думе. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL : http://www.duma-er.ru/news/irina-yarovaya-podgotovlen-kompleksnyy-proekt-zakona-v-zashchitu-detey-ot-seksualnogo-nasiliya/ - (дата обращения 02.12.2017)

безопасного Интернета», показало, что в России каждый второй ребенок старше 7 лет уже хотя бы раз сталкивался в социальных сетях с педофилом, каждому третьему присылали порнографические фото и видео.[167]

Латентность таких преступлений оценивается криминологами с коэффициентом в диапазоне от 3,5 до 7,5[168], то есть абсолютные показатели фактической преступности более чем в три раза превышают число зарегистрированных преступлений.

При этом количество осужденных за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних за весь 2016 г. составило чуть более 4 тыс. человек,[169] что с очевидностью указывает на необходимость усиления борьбы с данным видом преступлений, и в частности, совершенствования тактики и методики предварительного расследования дел этой категории.

В октябре 2017 г. рабочая группа по противодействию сексуальному насилию над детьми, под председательством заместителя Председателя Государственной Думы Ирины Яровой, сообщила о ходе подготовки комплексного проекта федерального закона по усилению мер защиты детей от сексуального насилия. Помимо предложений о повышении верхнего предела санкций соответствующих статей УК РФ до пожизненного заключения, отмены или приостановления (до совершеннолетия потерпевших) срока давности привлечения к ответственности за такие преступления, введения новых квалифицирующих признаков (совершение преступления с помощью сети Интернет, с использованием служебного положения, а также лицом, проживающим вместе с ребенком), сделаны предложения по оптимизации расследования. В частности, обсуждается вопрос о необходимости изменения уголовно-процессуальных норм, регламентирующих порядок проведения следственных действий с участием несовершеннолетних.

167 Маркова А. Тайное свидание в один клик. Интимная переписка с ребенком в Сети станет уголовным преступлением [Электронный ресурс] // Российская газета. № 6714 (143). URL : https://rg.ru/2015/07/02/perepiska.html. (дата обращения 05.12.2017).

168 Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2011. С.177–185.

169 Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации № 10-а. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. Официальный сайт / Данные судебной статистики за 2016 г. URL : http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834. (дата обращения 05.12.2017).

В настоящее время ч.1 ст.191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закрепляет обязательное участие педагога или психолога в проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии. Члены рабочей группы предложили закрепить в законе обязательное участие психолога в следственных действиях с участием потерпевшего младше 16 лет по делам о сексуальных преступлениях.[170] Это вызывает удивление, так как в 2013 г. статья 191 УПК РФ уже дополнена частью 4, обязывающей следователя обеспечить участие психолога при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием потерпевшего или свидетеля, не достигшего 16 лет, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.[171]

В то же время вопрос об участии педагога или психолога в следственных действиях с несовершеннолетним стоит весьма остро. Многие теоретики и правоприменители весьма резко высказываются за исключение педагога из числа участников следственного действия, называя такое участие «анахронизмом», «архаизмом, отголоском того времени, когда в образовательных учреждениях и других организациях отсутствовали кадры профессиональных психологов, функции которых и возлагались на педагогов тех или иных учебных заведений как лиц, работающих с детьми и в ходе получения профессии изучавших учебный курс психологии».[172]

170 Фракция «Единая Россия» в Государственной Думе. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL : http://www.duma-er.ru/news/irina-yarovaya-podgotovlen-kompleksnyy-proekt-zakona-v-zashchitu-detey-ot-seksualnogo-nasiliya/- (дата обращения 02.12.2017)

171Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» / /Собрание законодательства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 52 (часть I) ст. 6997.

172 Любичев С.Г. Особенности расследования преступлений несовершеннолетних на современном этапе // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика : сборник научных статей в 2 ч. Ч.1 / отв. ред. Т.К. Рябинина, А.А. Козявин. Курск, 2007. С.166. Против участия педагога в следственных действиях высказываются также А.Н. Попов (Попов А.Н. Правоведение. Производство по делам о преступлениях несовершеннолетних : учеб. пособие для студентов всех специальностей и всех форм обучения. Кн. 1. Красноярск, 2004. С.44 – 45), И.В. Гецманова (Гецманова И.В. Особенности предварительного следствия по делам о преступлениях несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Гецманова Ирина Васильевна. М., 2001. С. 149) и др.

На основании собственного следственного и прокурорского опыта автор полагает, что присутствие педагога, как правило, действительно лишь вредит как следственному действию, так и самому несовершеннолетнему, особенно если речь идет о половых преступлениях, то есть о ситуациях, весьма психологически травматичных даже для взрослого, не только для ребенка. Специалисты указывают, что главным объектом интереса педофилов являются дети в возрасте до 13 лет,[173] и наибольшую долю среди потерпевших составляют девочки в возрасте от 11 до 13 лет (48 %); потерпевших в возрасте от 7 до 10 лет – 36 %, младше 7 лет – 11 %.[174] Следственные действия с данной категорией потерпевших следует проводить с чрезвычайной осторожностью, предварительно изучив (по возможности) психологические особенности ребенка и составив план следственного действия таким образом, чтобы свести к минимуму психотравмирующее воздействие обстановки расследования. Надо учитывать, что пережитый ребенком опыт может не только создать для него стрессовую ситуацию, но и иметь гораздо более далеко идущие последствия: негативно повлиять на формирование его личности, вплоть до искажения восприятия себя в окружающем мире и утраты возможности выстроить гармоничные отношения с партнером в будущей личной жизни.

Педагог, знакомый ребенку, – например, из учебного заведения, где учится ребенок, – будет сковывать несовершеннолетнего, поскольку в ходе следственного действия педагог узнает интимные подробности про него, а несовершеннолетнему предстоит встречаться с этим педагогом каждый день. К этому добавляется опасность разглашения данных о следственном действии в коллективе, где ребенок обучается, и никакие подписки о сохранении тайны следствия в данном случае не помогут. Кроме того, малолетние дети обычно воспринимают знакомого педагога как безусловный авторитет и чувствуют свою зависимость от него, а это может повлиять на объективность расследования. В практике автора статьи был случай, когда по делу о совершении развратных действий 7-летнюю девочку с отставанием в

173 Шматов В.М. К вопросу о современном состоянии сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // International innovation research : сб. ст. XI Международной научно-практической конференции. В 2-х ч. 2017. С. 159.
174 Иванов А.В., Фаткутдинов З.М. Социально-психологические особенности обвиняемых и потерпевших по делам об изнасиловании малолетних // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1 (34). С. 43.

развитии пришлось допрашивать в присутствии директора школы, где она училась. Позже выяснилось, что перед допросом директор школы провела беседу с девочкой, навязав ей свое видение происшедшего; и в ходе допроса потерпевшая так старалась угодить педагогу, что исказила обстоятельства. Приглашение незнакомого ребенку педагога также не спасет ситуацию, поскольку в большинстве случаев ребенок будет стесняться постороннего человека, и как следствие – замкнется.

Некоторые ученые, например, Н.А. Курмаева, предлагают не исключать возможности привлечения к производству следственного действия педагога наряду с психологом.[175] Да, если рассматривать педагога как специалиста, в разрезе ст. 58 УПК РФ, – казалось бы, ничто не препятствует следователю привлечь к участию в допросе педагога и без особого указания на то в уголовно-процессуальном закон, в ст. 191 УПК РФ. Но прежде следует определиться с процессуальным положением лиц (психолога или педагога), привлекаемых для участия в процессе по правилам ст. 191 УПК РФ. Эти лица в процессуальном аспекте могут соответствовать только статусу специалиста. Однако, если строго следовать положениям ст. 58 УПК РФ, исчерпывающим образом определяющими компетенцию специалиста, то следует признать, что участие в следственных действиях с несовершеннолетним – педагога, равно как и психолога, не укладывается в рамки этой нормы. Ведь и педагог, и психолог, хотя и являются лицами, обладающими специальными знаниями, привлекаются к участию в процессуальных действиях не для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, не для применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела, не для постановки вопросов эксперту; а разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста, как подсказывает логическое толкование нормы, осуществляется лишь на стадии судебного производства. Поэтому, для закрепления в уголовно-процессуальном законе обязанности следователя пригласить к участию в следственном действии педагога или психолога, следует сначала определить их процессуальное положение, то есть дополнить ст. 58 УПК РФ указанием на такую функцию специалиста как помощь следствию в получении и закреплении доказательств с использованием специальных знаний.

175 Курмаева Н.А. Проблемы участия специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С.148.

Сами психологи определяют задачи профессиональной деятельности специалиста-психолога во время следственных действий следующим образом: обеспечение психологической защищенности потерпевшего или свидетеля как лица, оказавшегося в чрезвычайно сложной жизненной ситуации, с одной стороны, а с другой – помощь следователю в устранении эмоциональных и когнитивных барьеров в ходе его взаимодействия с несовершеннолетним и законным представителем несовершеннолетнего.[176]

Психологи службы межведомственного взаимодействия по вопросам реабилитации и сопровождения несовершеннолетних «Транзит», действующей в Санкт-Петербурге, Е.В. Копосова и О.Л. Шеремета раскрывают функции психолога при участии в допросе несовершеннолетнего. Это, во-первых, о**беспечение связи между участниками допроса, что** предполагает, в частности, переформулирование вопросов следователя в более понятную для несовершеннолетнего форму, в случае, если он не понял вопроса. **Это также эмоциональная поддержка несовершеннолетнего, его родителей и, в случае, если это необходимо, следователя в процессе следственных действий,** эмоциональная включенность, проявление эмпатии. Психолог н**аблюдает за психоэмоциональным состоянием несовершеннолетнего в процессе допроса, чтобы** своевременно сообщить следователю об ухудшении состояния несовершеннолетнего. Функции психолога включают также и **психологическую работу со следователем, для того,** чтобы следственные действия прошли эффективно и с наименьшей «нагрузкой» на ребенка.[177]

Наряду с этим, оптимальным было бы обучить следователей-криминалистов, в рамках повышения квалификации, специфике допросов и иных следственных действий с участием несовершеннолетних, и поручить им либо оказывать следователям помощь в планировании и подготовке таких следственных действий, либо самим проводить следственные действия с участием несовершеннолетних.

© Топильская Е.В., 2018

176 Копосова Е.В., Шеремета О.Л. Работа психолога на следственных действиях с несовершеннолетними [Электронный ресурс] // Психологическая газета. URL : https://psy.su/feed/5518/ (дата обращения 04.12.2017).
177 Там же.

Розовский Борис Григорьевич
заведующий кафедрой правоведения
Восточно-украинского национального
университета им. В. Даля,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины

БЫТЬ, ИЛИ НЕ БЫТЬ ДОСУДЕБНОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ?

Противники досудебного расследования договорились до крайностей. Наиболее активный апологет – российский процессуалист А.С. Александров заявляет: «Предварительное следствие не составляет необходимого элемента процесса и не вытекает из его логики… Права личности следственные процессуальные гарантии обеспечить не могут. Справедливой такая правовая организация процесса никогда не станет, судебный процесс не будет независимым и объективным, а значит, не выполнит своего назначения – быть главной гарантией качества национальной юрисдикции…Философы думают, что вера в «Следователя» рождает рабский архетип психики личности и общества;[178] судопроизводство инквизиторского типа, где господствует письменное доказательство, где техника доказательства, базируется на деятельности, осуществляемой следователем, где истина выковывается с помощью, тайно проводимого следствия[179] воспроизводят тоталитаризм – фашизм,[180] у нас, соответственно – сталинизм… И мне жаль тех, кто искренне заблуждается насчет природы следственной власти».

Удивительно, что досудебное расследование в оценке его ниспровергателей ко всем бедам не явилось еще причиной всемирного потопа, катастрофических землетрясений и ожидаемого столкновения Земли с гибельной планетой Набиру. Можно, конечно,

178 Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Ин-тут экспериментальной социологии. СПб. : Алетейя, 1998. С. 106.
179 Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. В. Наумова. – М. : AdMarginem, 1999. С. 60.
180 Фуко М. Предисловие / Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения; пер. с франц. и послеслов. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. С. 6–9.

прибегнуть к столь обширной философской интерпретации имеющихся в действительности негативных примеров волевого искажения основополагающих принципов расследования, но нельзя отрицать наличие на протяжении истории столь же многочисленных не менее показательных фактов вынесения в угоду власти заведомо неправосудных приговоров и решений судами всех уровней практически во всех государствах. Последние после смены власти в Украине судебные процессы над судьями – показательный тому пример. В не правовом государстве не может быть правовым уголовный процесс в любых его формах. Решение генеральной задачи должно осуществляться с учетом этого условия.

Более предметный контрдовод. А.С. Александров искаженно представляет сущность предварительного расследования в США, относя его только к компетенции детективов. Принять считать, что совершение преступления автоматически влечет необходимость расследования. Реально расследование, как таковое, осуществляется, когда преступник не установлен или отрицает свою вину. В немалой части действия правоохранителей ограничиваются констатацией факта совершения преступления конкретным лицом, не отрицающим своей вины. Типичный пример – зафиксированная охраной попытка умышленно вынести из магазина товар без оплаты. В США виновный без лишней волокиты предстанет перед судом. Такую практику безоговорочно следует заимствовать. Но в тех же США существует Федеральное бюро расследований, агенты которого, наряду с прокурорами, проводят по многим делам полноценное процессуальное расследование, в большинстве аналогичное существующему в РФ и Украине. За малым негоже не видеть большое.

Однако критика существующей теории и практики досудебного расследования небезосновательна. Исторически суть досудебного расследования сводилась к активному противоборству следователя с обвиняемым. Ныне произошедшая гиперболизация прав и свобод граждан, трансформировавшись в систему правосудия, снизила потенциал применяемых негласных следственно-розыскных действий, практически исключила подозреваемого и обвиняемого из числа источников информации о совершенном преступлении. Законом они наделены правом отказа от дачи показаний, что реально исключило применение наработанной веками криминалистической тактики эффективного их

допроса. Безнаказанность дачи обвиняемым ложных показаний и не осуждаемая в этом поддержка адвокатов негативно сказалась на морали правосудия в оценке рядовых граждан и их активности в содействии. Как результат, правосудие лишилось возможности получать более достоверную картину имевшего место преступления и делать объективную оценку степени вины лица, его совершившего.

Наши процессуалисты настолько зациклены на правах обвиняемого, что даже не реагируют на попытки найти разумные решения. А они появляются. Р. Кузьмин приводит пример из американской практики: «Агенты ФБР в ходе следственных действий конфисковали у гражданина Америки 2 компьютера и 5 внешних дисков, но не смогли получить доступ к содержащимся на них данным, поскольку те были зашифрованы с помощью соответствующей программы. Во время рассмотрения дела присяжные постановили, что подсудимый должен предоставить данные в расшифрованном виде. Подсудимый ответил отказом, сославшись на 5-ю поправку к Конституции США, которая отмечает, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, нельзя принуждать свидетельствовать против себя. В ответ суд вынес решение об аресте подсудимого с формулировкой «за неуважение к суду».[181] Есть и другие примеры.[182]

Все действующее правовое регулирование полно логических противоречий, в уголовном процессе они наиболее сконцентрированы. Уголовными кодексами предусмотрена ответственность за недонесение о готовящихся и совершенных преступлениях. Их перечень необоснованно ограничен только тяжкими преступлениями, но и в этом сделано исключение для обвиняемых: в отечественной практике нет примеров привлечения к ответственности обвиняемого, который не сообщил о соучастнике совершенного или готовящегося им преступления, личность которого пока неизвестна правоохранительным органам. По всем канонам мы имеем совокупность преступлений, однако из-за необоснованного процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого сделано исключение. В США получил максимальный срок наказания террорист, который не признался в вине оставшихся на свободе подельников, в результате чего они совершили очередной теракт.

181 Кузьмин Р. Технология оговоров. Диффамация как средство незаконного влияния на суд и следствие в уголовном процессе Украины // Закон и бизнес. 2013. № 11.
182 И министру закон писан // Закон и бизнес. 2013. № 12 (1102). С. 15.

Для нас ныне Запад – это идол. Так может эти ласточки сделают, наконец, столь долгожданную разумную весну в отечественном уголовном процессе? А то у нас появляется свет в конце туннеля, но только туннель никак не кончается.

Чтобы определить отправные позиции, сформулирую ещё одно предложение. Необходимо в корне менять существующее представление о защите. В ряде западных государств предусмотрена жесточайшая ответственность за противодействие правосудию. В УК Украины не совсем внятным аналогом является ст.343. Но что сегодня в рамках действующего закона дозволено защитнику? – Не только содействовать не осуждению невиновного, но и максимально противодействовать изобличению и осуждению виновного. Приводить примеры – пустая трата времени. У нас не решен даже вопрос об ответственности адвоката, скрывшего полученную от подзащитного информацию о готовящемся теракте, убийстве, другом тяжком и ином преступлении, о месте, где хранятся приготовленные боеприпасы, прочие орудия преступления, похищенные ценности. И опять-таки это «Почему?»

Понимаю, на что иду, но надо, наконец, вдуматься, почему в уголовном процессе существует двойная мораль? Можно ли считать нормальным цивилизованным общество, в котором, с одной стороны, установлена жесткая уголовная ответственность за укрывательство преступника, а с другой законом разрешено содействовать сокрытию преступления и преступника? Почему у нас это уголовно наказуемо для всех, но сделано исключение для адвокатов? Почему считается допустимым, оправданным, когда сторона защиты на черное говорит белое, пытается извращать вполне понятные ей и всем факты, сбить с толку свидетелей и других участников процесса, создает искусственные препятствия для установления истины? Аморально и асоциально создавать преступнику условия для ухода от ответственности, вдвойне не оправдано от лица государства поручать защитнику оказание содействия в этом.

Надо защищать преступника не от заслуженного обвинения, как это фактически ныне происходит, а от несправедливого обвинения.

Доживут ли наши дети (автор – точно не доживет) до того времени, когда защитник будет прилагать все усилия, способствуя оправданию невиновного, но, если перед ним, по его убеждению, *в*

оценке имеющихся доказательств сидит действительно виновный, то свою роль сведет к содействию вынесения справедливого приговора, правильной квалификации, учету смягчающих обстоятельств?

Я безоговорочно за наделение защиты всеми мыслимыми и немыслимыми правомочиями для выяснения истинной картины происшедшего события, предотвращения осуждения невиновного, выяснения смягчающих обстоятельств вины виновного, если таковые есть. Здесь поле деятельности неограниченно. Но сознательное, умышленное противодействие защитника следствию и суду в привлечении преступника к уголовной ответственности должно расцениваться как преступление.

Пора перейти к цивилизованному правосудию, бросить между следователем и защитником спасительный клич Маугли: «Мы одной крови – ты и я!». Защитник – не противник следователя, а его союзник в установлении обстоятельств происшедшего события, личности совершившего преступления и степени его вины. Обвинение и защита не должны играть в прятки. Защитник не вправе превращаться в укрывателя преступника. В равной мере следователь не должен создавать затруднения в своевременной проверке виновности заподозренного. Рискну предложить замену исчерпавшего себя термина «защитник» на более отвечающее морали и потребности правосудия «правозащитник» – ***защитник регламентированных законом прав подозреваемого и обвиняемого,*** защитник справедливости. Тандем следователя и защитника в данной интерпретации позволяет обеспечить всесторонность расследования и приблизиться к его объективности.

Понимаю всю сложность реализации предложения, требующего отказа от вековых представлений и сложившейся специфики морали в этой части. В одной из своих речей известный русский адвокат М.Г. Казаринов утверждал: «...потребности в сочувствии соответствует обязанность свято хранить услышанные истины. И горе духовнику, выдающему тайну духовных детей своих... горе врачу, который, леча недуги телесные, раскрытием их перед всеми, нанесет пациенту раны душевные, горе адвокату, выдающему тайны своих клиентов. И закон, и совесть запрещают ему это».[183] Придется отменять закон. Совесть защитника не будет страдать, если подопечного предупреждать о не конфиденциальности сообщаемой им информации.

183 Речи известных русских юристов / Сост. П.М. Захаров, Е.И. Челкашина. М., 1985. С.184.

Цитированный выше российский процессуалист А.С. Александров в данном вопросе консервативно последователен: «Полагаю, в утверждениях о том, что адвокат является союзником следователя, что помогает расследованию, есть, мягко говоря, преувеличение. Искажение суровой правды жизни. Полагаю, что если не любой, то подавляющее большинство практикующих адвокатов, возразит Вам. Адвокат поддерживает следователя в его всестороннем, полном и объективном расследовании как веревка поддерживает повешенного. И я являюсь сторонником Л.Е. Владимирова по вопросам судебной этики. Тот писал: «Будьте постоянно и неуклонно несправедливы к противнику… Противник должен быть уничтожен без остатка. Нужна ирония, подавайте ее. Нужно осмеять сообщения обвинителя, осмеивайте их. Будьте беспощадны. Придирайтесь к слову, к описке, к ошибке в слове…».[184]

Обязанность защитника – разделять позицию подзащитного. Если подзащитный преступник и отрицает вину, адвокат обязан любыми, незапрещенными средствами, защищать эту заведомо неправовую, лживую позицию, укрывать тем самым преступника. Давно существует система правил ведения «неправых дел».[185] Вранье – это нормальное для состязательности правовое явление. Впрочем, как и для следственного – научного уголовного процесса. Как писал классик, как это ни странно может показаться кому-то, в уголовном деле есть две правды, «фактической достоверности» же не существует объективно – она есть только известное состояние нашего убеждения.[186] Назначение института адвокатуры поддерживать в рабочем состоянии состязательный механизм процесса, а не устанавливать «объективную истину.

Права обвиняемого и права защиты остаются пустыми декларациями, пока нет реальной состязательности. Только состязательность, только изменение структуры процесса, когда будут уравнены права сторон по отношению к суду и в том, что касается получения «доказательств» в свою пользу позволит наполнить реальным смыслом право на защиту. Пока это не сделано, адвокат зависим от следователя, нет состязания как гарантии справедливости и судебной истины. А что касается положения обвиняемого в

184 Владимиров Л.Е. Advocatus miles. С.-Пб., 1911. С. 138–139.
185 Джаншиев Гр. Ведение неправых дел (этюд по адвокатской этике). М., 1886.
186 Владимиров Л.Е. Суд присяжных. Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. М., 1873. С. 21.

уголовном процессе, то он король: ему все можно, за исключением нарушения прав иных лиц».

В заявлении: «Вранье – это нормальное для состязательности правовое явление» сконцентрирована суть мышления противников досудебной стадии расследования, благодарю за откровенность. Трезвомыслящим людям больше ничего говорить не надо. Если постмодернисты утверждают, что суд – игра, то это игра краплеными картами. В старые времена таких игроков били канделябрами. Страшно только, что данная констатация зеркально отражает реальное состояние нашего правосудия.

Показательно, что А.С. Александров, столь активно используя в поддержку своей позиции труды дореволюционных процессуалистов, «забывает» тех, которые не разделяют его взгляды. Вынужден напомнить, что И.Я. Фойницкий, например, писал: «Чтобы точно установить, в какой мере для защитника обязательна воля подсудимого, необходимо провести границы между интересами дела, представляемыми защитой, и личными желаниями подсудимого… Такая граница лежит в закономерности, обязательной для деятельности защитника, так как он служит и может служить правосудию только законными способами, установленными для ограждения его клиента. Деятельность его поэтому никогда не должна переходить в поощрение лжи и заведомой неправды».[187]

Полагаю, наиболее четко определил статус защитника А.Ф. Кони, заявив, что защитник «…не слуга своего клиента... он в своем общественном служении слуга государства…».[188]

И коль для А.С. Александрова образец США, укажу, что в некоторых американских учебниках по уголовному процессу регламентируется: при наличии конфликта между интересами обвиняемого, пытающегося дать ложные показания, и долгом адвоката, последний предупреждает о возможном отказе представлять его интересы на суде и разоблачении попытки ввести суд в заблуждение.[189] Позицию американских ученых поддерживает авторитетный украинский процессуалист А.Р. Михайленко.[190]

187 Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб, 1910. Т. 2. С. 66.
188 Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1968. Т. 5. С. 133.
189 Whitebread Charles H., Slobogin Christopher. Criminal Procedure. An Analysis of Cases and Conocepts. Second Edition. New York. The Foundation Pres, Inc. 1986. P. 782.
190 Михайленко А.Р. Расследование преступлений: законность и права граждан : научно-практическое издание. К. : Юринком Интер, 1999. С. 313.

Об отсутствии возможности для состязательности на досудебной стадии толковать просто смешно. Сегодня защитник разве что только не пребывает в одной камере с обвиняемым, содержащимся под стражей. Неужели не понятно где больше реальная действенности состязательности в выяснении судебной (или как бы ее не называли) истины – когда защита осуществляет контроль на стадии сбора доказательств или, при отсутствии такового, упражняясь в остроумии, путем недобросовестного манипулирования собранными доказательствами занимается судоговорением по результатам проведенного расследования в целях оправдания подзащитного любой ценой?

В зависимости от того, удастся ли разработчикам проекта уголовного процесса ближайшего будущего убедить общество в недопустимости существующей патологии во многом зависит ответ на поставленный вопрос: быть, или не быть досудебному расследованию как полноценной стадии уголовного процесса?

© Розовский Б.Г., 2018

Корсаков Константин Александрович,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала «Российский государственный
университет правосудия» (г. Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук, доцент
Суханкина Людмила Ивановна,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала «Российский государственный
университет правосудия» (г. Санкт-Петербург),
судья высшего квалификационного класса в отставке,
заслуженный юрист Российской Федерации

ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ ВИНОВНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Действующее законодательство и иные нормативные акты, регулирующие уголовное судопроизводство постоянно изменяются. При этом эти изменения касаются все большей регламентации деятельности участников и требуют все больших трудозатрат. Как правило, изменения затрагивают выполнение принципов и обеспечение прав лиц, участвующих в процессе. Действительно ли они способствуют декларируемым целям является спорным. Тем не менее, вводимые регламентации требуют адекватного изменения практики, что особо касается работников следствия, требует от них выработки новых не только приемов, но и подходов в расследовании и, в частности, определения новых принципов.[191]

Например, принцип презумпции невиновности, согласно которому обвиняемый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке, является общепризнанным принципом, закреплённым во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах, суть которого заключается в том, что каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты. Данный принцип

191 Лат. praesumptio – предположение.

закреплен и в Конституции РФ (ст. 49).

В УПК РФ презумпции невиновности закреплена не только как принцип уголовного процесса, но и в его отдельных нормах детально раскрыто ее содержание (ст. ст. 14, 77 УПК и др.).

Как в международном, так и национальном праве, помимо указанного принципа, существует и принцип презумпции виновности, хотя он и не декларируется.

Так, в соответствии со ст. 20 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года[192] «Незаконное обогащение», указывается: «При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать».

В качестве «презумпция виновности полиции» можно рассматривать и решение Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 1995 г. «Рибич (Ribitsch) против Австрии»[193], в котором указано: «Не вызывает сомнений, что г-н Рибич получил телесные повреждения, находясь под стражей в полиции, что в любом случае являлось противозаконным, поскольку он полностью находился под контролем полиции… Оправдание полицейского Маркля судом, связанным принципом презумпции невиновности, не освобождает Австрию от ответственности по Конвенции. Поэтому Правительство было обязано представить правдоподобное объяснение того, каким образом заявитель получил телесные повреждения». Кроме слов задержанного Рибич и полицейских об обстоятельствах получения первым телесных повреждений, был избит или случайно ударился, других доказательств не имелось.

192 Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : [Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года] [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций : официальный сайт. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml.

193 Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. М. : НОРМА, 2000. URL : http://www.echr.ru/documents/doc/2461491/2461491.htm.

В национальном праве рассматриваются вопросы вины и виновности.[194]

Вина рассматривается как факт особого психического отношения лица к совершенному деянию и наступившим общественно опасным последствиям, т.е. психическое отношение лица к совершаемому.

Виновность же, как внешняя субъективная оценка, обусловленная совокупностью объективных и субъективных обстоятельств, обосновывающих осуждение лица с применением к нему конкретного наказания за совершенное преступление. Она отражает доказанность участия лица в совершении правонарушения и символизирует высокую степень достоверности субъективного мнения, внутреннего убеждения, определяющая объективность следственно-судебных органов в том, что именно данное лицо причастно к преступлению, что не всегда должно отождествляться с признанием лица виновным в совершении преступления. Последнее является результатом оценки совокупности исследованных доказательств надлежащего процессуального лица, до этого момента уровень достигнутого знания относительно виновности в совершении правонарушения вероятен, что с гносеологической точки зрения допускает равную возможность вывода как о виновности, так и о невиновности. При этом должна быть обеспечена исчерпывающая полнота данных для вывода о наличии перспективы продолжения процесса доказывания и наличии средств снятия гносеологической неопределенности вывода о виновности либо невиновности.

С точки зрения указанного принципа понятие виновности несколько иное и презумпцию можно определить, как гипотетическая возможность лица, имеющего определенные властные полномочия, юридически установленные права, злоупотребления ими или их превышения, требующая доказывания обратного.

В уголовном судопроизводстве данную презумпцию можно сформулировать как обязанность доказывания законности и обоснованности получения доказательств, принимаемых решений, соблюдения законности при осуществлении процессуальной, внепроцессуальной и непроцессуальной деятельности.

194 Гавриленков С.А.. Юридическое содержание вины и виновности в уголовном законе РФ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 40–46.

При этом, под процессуальной деятельностью следует понимать деятельность, разрешённую и в достаточной степени урегулированную в законе (УПК РФ). Под внепроцессуальной деятельностью – разрешенную законом, но урегулированная иными нормативными актами либо не урегулированную, например, потерпевшему, обвинителю, целому ряду других участников процесса предоставлено право представлять доказательства, но не урегулирован процесс их поиска, закрепления, изъятия и фиксации (собственно, как и весь процесс представления доказательств); производство оперативно-розыскной деятельности и т.п. Непроцессуальная деятельность – разрешенная, но не упомянутая в процессуальном законе, например, планирование, подготовка к производству отдельных следственных действий, предварительное исследование отдельных материалов дела, например, вещественных доказательств, лицом, производящим расследование и т.п. Следует выделять и незаконную деятельность – запрещенную законом.

Уголовно-процессуальный закон содержит нормы, требующие доказывания законности и обоснованности принимаемых решений и совершаемой деятельности.

Доказывание законности и обоснованности деятельности: ч. 3. ст. 166 (Протокол следственного действия): «В протоколе указываются: 1) место и дата производства следственного действия…», чем доказывается соответствие осуществляемой деятельности действию закона в пространстве и времени, «…время его начала и окончания с точностью до минуты», чем доказывается соблюдение иных требований закона, например, о «ночном времени», «2) должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол», чем доказывается производство деятельности надлежащим лицом, ч. 4. «В протоколе описываются процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, а также излагаются заявления лиц, участвовавших в следственном действии», где фактом фиксации произведенной деятельности доказывается ее законность и обоснованность и т.д.

Это же касается и необходимости доказывания законности, обоснованности и мотивированной принимаемых решений.

Это закреплено, например, в ч. 4 ст. 7 УПК РФ (Законность при производстве по уголовному делу): «Определения суда,

постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными»; ч. 3. ст. 108. (Заключение под стражу) «…в постановлении о возбуждении ходатайства излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства»; ч. 1 ст. 297. (Законность, обоснованность и справедливость приговора) «Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым»; ст. 307. (Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора): «Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать: 1) описание преступного деяния, признанного судом доказанным…; 2) доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства; 3) … в случае признания обвинения в какой-либо части необоснованным или установления неправильной квалификации преступления - основания и мотивы изменения обвинения; 4) мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбывания, применению иных мер воздействия; 4.1) доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что имущество, подлежащее конфискации…; 5) обоснование принятых решений по другим вопросам, указанным в статье 299 настоящего Кодекса.» и др.

Следует отметить, что презумпция виновности выражает собой не мнение того или иного лица, а объективное правовое положение. Это означает, что надлежащие лица, исходят из изначального предположения о виновности уполномоченного лица в совершении правонарушения, которое последний опровергает надлежащим исполнение своих полномочий, заранее предоставляя соответствующие доказательства, в частности, в содержании протоколов, постановлений, приговоров, других материалов уголовного дела.

Надо заметить, что положения этого принципа касаются и различного рода указаний, даваемые следователю соответствующими должностными лицами. Ведь обоснованность и мотивированность

– непременные свойства любого процессуального решения должностного лица.

Данный принцип можно толковать и более узко: лицо, представившее доказательство, обязано доказать законность получения данного доказательства.

Исходя из сказанного, требуется, в первую очередь следователю, поскольку он осуществляет свою деятельность не в состязательной форме, помимо недопущения нарушений закона, обеспечения прав участников, тщательно фиксировать свою деятельность, убедительно аргументировать свои решения с тем, чтобы не возникало сомнений в их правомерности и отпадала гипотетическое предположение о возможность злоупотребления властными полномочиями или их превышения, тем более нарушения.

© Корсаков К.А., Суханкина Л.И., 2018

Сажаев Алексей Михайлович
ст. преподаватель кафедры криминалистики
третьего факультета (с дислокацией в г. Новосибирск)
ИПК Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
Николаев Андрей Павлович
заместитель директора – декан третьего факультета
(с дислокацией в г. Новосибирск)
ИПК Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации,
почетный сотрудник Следственного комитета Российской
Федерации

ЕЩЕ РАЗ О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СК РОССИИ

Процессуальная самостоятельность является важнейшим элементом правового статуса следователя и его значение велико для успешного решения стоящих перед ним задач.[195] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет, что следователь вправе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа (ст. 38). Также уголовно-процессуальный закон наделяет следователя свободой оценки доказательств, определив данную правовую норму как один из принципов уголовного судопроизводства. Статья 17 УПК РФ указывает, что следователь, наряду с иными субъектами уголовного процесса, оценивает имеющиеся в уголовном деле доказательства по своему внутреннему убеждению, на основе их совокупности, руководствуясь при этом законом и совестью. Других упоминаний и разъяснений понятия процессуальной самостоятельности уголовно-процессуальное законодательство, не содержит, что и предопределяет неоднозначное решение этого вопроса.

195 Громов Н.А. О принципе процессуальной самостоятельности следователя // Следователь. М.; Юрист, 1997. № 6. С. 19–21.

Термин «процессуальная самостоятельность»[196] появился в научной литературе в период, когда административные органы и должностные лиц стали активно вмешиваться в ход расследования по уголовным делам, таким образом, оказывая влияние на осуществление правосудия. Этот период связан с переходом следствия во власть административных органов, когда следователь оказался в ведомственном и процессуальном подчинении прокурору, а затем, когда и начальник следственного отдела был наделен процессуальными полномочиями.

Такое положение обезличивало следователя как процессуальное лицо, поэтому были предприняты попытки оградить его от чрезмерного постороннего влияния и обеспечить самостоятельное принятие решений по уголовным делам. Из научных источников понятие процессуальной самостоятельности было воспринято законодателем и в 1958 г. оно было задекламировано в ст. 30 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Это же положение было закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. Но одновременно с этим, УПК РСФСР определил полномочия прокурора на стадии предварительного следствия, которые позволили ему осуществлять не только надзор, но и непосредственно руководство следствием.[197] Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1965 г были внесено дополнение в УПК РСФСР, по которой начальник следственного отдела получил право дачи указаний по уголовным делам и ряд иных процессуальных полномочий.[198]

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. почти без изменения оставил прежнюю норму (ст. 127 УПК РСФСР), определяющую самостоятельность решений следователя. Но в то же время объём полномочий, по которым он может самостоятельно принимать решения, значительно сужен (ст. 38 УПК РФ).

Если проанализировать и сравнить правовой статус различных участников уголовного процесса, то мы увидим явные ограничения правомочий следователя. Практически от декларированной

196 Юридический словарь / Под общ. ред. Безлепкина. М., 2002. С. 438.
197 Органы предварительного расследования России: прошлое, настоящее, будущее… : учебное пособие / Ю.В. Деришев. Омск : Изд-во Юрид. ин-та МВД России, 1998. С. 49.
198 Хрестоматия по истории государства и права России / Под ред. И.С. Исаева. М., 1999. С. 453.

процессуальной самостоятельности и независимости следователя ничего не осталось. Судебная реформа, проводившаяся в последнее десятилетие, в ходе которой активно высказывались об усилении роли следователя, поднятия его престижа, вселив надежду, ничего от нее не оставила после принятия УПК РФ.[199] Если еще Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и принятый в их развитие УПК РСФСР еще и содержали, хотя и порой формальные признаки независимости и самостоятельности, то по новому закону следователь представлен только исполнителем чужих решений.

Несомненно, что ограничения самостоятельности следователя приводят и к недостаткам в расследовании уголовных дел, обеспечении прав участников процесса. В.С. Шадрин в недостаточной процессуальной самостоятельности видит одну из причин незаконного и необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности, «обеспечение же процессуальной самостоятельности в свою очередь является важным условием надлежащего обеспечения прав и интересов личности при производстве расследования».[200] Страдают не только незаконно привлечённые к уголовной ответственности, но и ущемляются интересы потерпевшей стороны, других субъектов, вовлечённых в процесс, Ограничение самостоятельности значительно снижает творчество, инициативу и активность в работе следователя, отсюда и отношение к результатам расследования.

В.П. Божьев и А.И. Трусов отмечают, что следователем можно считать такое лицо, которому «... достаточно надежно гарантированы процессуальная самостоятельность, независимость и подчинение только закону...».[201]

Вышеизложенные взгляды, анализ научной литературы и изучение мнения практических работников показали, что большинство считают определённую действующим законом процессуальную самостоятельность следователя недостаточной, и даже ничтожной.

Несмотря на стремления укрепить правовое положение следователя, придать данной процессуальной фигуре истинную самостоятельность, она оказалась значительна урезана. Действительная,

199 Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.
200 Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С. 100
201 Божьев В.П., Трусов А.И. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства : труды Академии. М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1991. С. 118–124.

а не мнимая процессуальная самостоятельность и независимость следователя заключается в том, что он, несмотря на внешнее влияние кого-либо и чего-либо, вправе и фактически может произвести действия и принять решение по уголовному делу, согласуюсь только со своим внутренним убеждением. При этом внутреннее убеждение должно формироваться на собранных в ходе предварительного расследования доказательствах и требованиях закона.

Изменения и дополнения, внесенные в УПК РФ Федеральными законами от 5 июня 2007 г.[202] и от 2 декабря 2008 г.[203] , то ли по чьему-то прямому умыслу, то ли вследствие небрежности сыграли с процессуальной самостоятельностью следователя злую шутку. Надежно заслонив его от влияния прокурора, что было явным перебором, инициаторы названных законов мало что оставили из того, что могло бы гарантировать процессуальную самостоятельность следователя от указаний и решений руководителя следственного органа. Так, если сопоставить требования ст. ст. 37, 38, 39 УПК РФ в их прежней редакции (до внесения указанных изменений и дополнений) с предусмотренными в них на настоящий момент, то несложно обнаружить, что полномочия по процессуальному руководству предварительным следствием, даче указаний следователю, в том числе по вопросам, от решения которых кардинально зависит исход расследования уголовного дела, законодатель полностью передал руководителю следственного органа. Теперь только это должностное лицо на стадии предварительного следствия вправе давать следователю обязательные для исполнения указания.[204]

Что в итоге таких законодательных метаморфоз получилось? Вывод, представляется, очевиден. Следователь утратил те основанные на здравом смысле и требованиях законодательной техники правовые гарантии, которые обеспечивали ему процессуальную самостоятельность и разумную независимость в процессуальных отношениях как с прокурором, так и с руководителем следственного отдела. В настоящее время следователь в случае согласия руководителя

202 Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017).

203 Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 02.12.2008 № 226-ФЗ (последняя редакция).

204 Гаврилов Б.Я. О процессуальной самостоятельности следователя: история, реальное состояние, перспективы развития // Право и политика. М. : Nota Bene, 2001. № 2. С. 92–99.

вышестоящего следственного органа с указаниями, которые дал ему (следователю), нижестоящий руководитель следственного органа, обязан будет, вопреки своему внутреннему убеждению, велению совести и норм нравственности, выполнять эти указания.

Помимо этого, за последнее время можно наблюдать и другое направление, связанное с ущемлением самостоятельности следователя. Речь идет о ведомственном контроле за деятельностью следователя. Стремление максимальным образом усилить контроль за расследованием привело к тому, что как на общероссийском уровне, так и на региональном издана масса нормативных ведомственных актов, детально регламентирующих деятельность следователя. При этом немалая часть из этих требований сводится к необходимости согласования большинства процессуальных решений с различными структурами, например, отделом процессуального контроля, отделом криминалистики и т.п., что иногда вообще противоречит требованиям УПК РФ. Все это в итоге приводит к тому, что следователь фактически стал наиболее процессуально зависимым субъектом процесса расследования.

Подобное положение следователя в системе расследования приводит к тому, что молодые следователи в самом начале своей деятельности сталкиваются с таким форматом своей работы, при котором от следователя ничего не зависит: ни направление расследования, ни принимаемые решения. Более того, у них вырабатывается постоянная боязнь совершить самостоятельное действие, полное отсутствие инициативы, творческого подхода, страх совершить ошибку и получить за это взыскание.

Таким образом, деятельность следователя оказывается под двойным, тройным и более контролем, что осложняет не только его работу, но и влечёт ограничение некоторых прав граждан и юридических лиц, увеличение сроков расследования. Снижается быстрота, оперативность в исследовании обстоятельств преступлений, которые обретают всё более сложные квалифицированные виды. Стоит вспомнить слова гуманиста и юриста Ч. Беккариа, который писал: «Чем скорее следует наказание за преступлением, чем ближе к нему, тем оно справедливее, тем оно полезнее».[205]

Обеспечение процессуальной самостоятельности следователя

205 Берков П.Н. Книга Чезаре Беккарии «О преступлениях и наказаниях» в России, в сборнике: Россия и Италия. М., 1968.

имеет огромное значение при выполнении задач предварительного следствия. Представление самостоятельности важно и тем, что таким образом на следователя возлагается ответственность за ход и результаты расследования. Ответственность может возникнуть только на основе свободы в принятии решений, а не при выполнении указаний, в правильности которых он не всегда убеждён. Кроме повышения персональной ответственности, самостоятельность способствует строгому и точному соблюдению правовых предписаний.

Следователь должен принимать решения и действовать по своему внутреннему убеждению и нести полную ответственность за расследование уголовного дела. Из этого следует, что решения должны изначально приниматься следователем самостоятельно даже тогда, когда требуется санкция или согласие судьи и прокурора. Постоянное обращение к чужому мнению, согласования и утверждения не позволяют следователю принимать решения по собственному убеждению. Все это неминуемо скажется на отношении к результатам расследования, его инициативе в решении задач следствия. Без закрепления в законодательстве процессуальной самостоятельности следователя как принципа судопроизводства её реализация представляется довольно призрачной.

© Сажев А.М., Николаев А.П., 2018

Кузовенкова Юлия Алексеевна
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Самарского национального исследовательского университета
им. ак. С.П. Королева,
кандидат юридических наук
Кузовенков Михаил Игоревич
аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Самарского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний РФ

(Научный руководитель – **Белоносов В.О.,** доктор
юридических наук, профессор)

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ процессуальное решение – решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, дознавателем в порядке, установленном УПК РФ. Однако, мы полагаем, что данное определение является не в полной мере удачным, т.к. оно не раскрывает сущность и правовую специфику исследуемого правового явления. Поэтому исследованию процессуальных решений, в т.ч. обвинительного заключения, в уголовно-процессуальной науке посвящен целый ряд исследований. Так, П.А. Лупинская на основе общетеоретических определений, с учетом специфических свойств выводит следующее определение процессуального решения. Процессуальное решение – это облеченный в установленную законом форму правовой акт, в котором следователь, прокурор в пределах своих полномочий, в предусмотренном законом порядке, делают вывод об установленных фактических данных по уголовному делу и на основе закона дают ответы на возникшие правовые вопросы, тем самым выражая властное волеизъявление о действиях, вытекающих из предписаний закона. А.Я. Дубинский, конкретизируя и немного расширяя данное понятие, сводит его к процессуальной деятельности следователя по выполнению (или

невыполнению) процессуальных действий для достижения задач уголовного судопроизводства.[206]

Исследуя содержание двух этих понятий, мы приходим к выводу о том, что оба автора по-разному трактуют содержание процессуальных решений. П.А. Лупинская видит содержание этих решений в ответах на возникающие по делу правовые вопросы, в то время, как А.Я. Дубинский, трактует содержание процессуальных решений как выводы о выполнении или невыполнении процессуальных действий.

Мы полагаем, что оба вышеприведенные определения не противоречат друг другу и поэтому имеют право на самостоятельное существование. На различных стадиях уголовного процесса содержанием процессуальных решений, облеченных в письменную форму, будут ответы на возникающие по делу правовые вопросы в форме выводов о выполнении (или не выполнении) конкретных процессуальных действий, что наблюдается на примере обвинительного заключения. Эту же точку зрения разделяет и С.А. Шейфер, который указывает, что процессуальное значение решению следователя придает только внешняя форма его выражения,[207] т.е. его письменная форма.

Аккумулируя все вышесказанное, получаем, что процессуальное решение следователя – это форма его процессуальной деятельности, выраженная в правовом акте, в котором он в виде властного волеизъявления в пределах своей компетенции и в точном соответствии с нормами УПК РФ на основе установленных по делу фактическим данным дает ответы на возникающие в ходе предварительного следствия вопросы, представляющие собой выводы о выполнении или не выполнении процессуальных действий, направленных на установление предмета доказывания с целью достижения задач уголовного судопроизводства.

Рассмотрев понятие процессуального решения, выясним теперь, является ли обвинительное заключение таковым.

Исходя из положений УПК РФ, о содержании обвинительного заключения и учитывая все ранее изложенное о начальном моменте его составления получаем, что обвинительное заключение – это

206 Лупинская П.А. Решение в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е издание, переработанное и дополненное. М. : Норма-Инфра, 2010; Дубинский А.Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные вопросы : учебное пособие. Киев: Наукова думка, 1984. С. 34.
207 Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex Russika. 2015. № 10. С. 116–117.

правовой акт, вынесенный следователем, окончательно разрешающий на стадии предварительного следствия вопрос о виновности лица и выражающий государственно-властное веление о наличии оснований для передачи дела в суд.

Для более полного понимания обвинительного заключения как процессуального решения следователя необходимо рассмотреть его место в системе процессуальных актов данного должностного лица.

С точки зрения деления процессуальных решений на основные и вспомогательные обвинительное заключение относится к числу основных, т.к. в нем следователь дает окончательную процессуально-правовую оценку всей совокупности собранных по делу доказательств; устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, а также устанавливает фактическое содержание деяния, правильность его квалификации, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание и т.д.

На основе классификационного основания деления процессуальных решений следователя на единоличные и коллегиальные, обвинительное заключение следует отнести к категории единоличных решений, несмотря на явное противоречие положениям ст. ст. 220 и 221 УПК РФ.

Исходя, из классификационного основания деления процессуальных решений на начальные, промежуточные и окончательные (итоговые) обвинительное заключение относится к последней группе решений, поскольку подводит итог процессуальной деятельности следователя. Именно при составлении обвинительного заключения у последнего формируется твердая убежденность в подтверждении события преступления и вины лица, привлекаемого к уголовной ответственности, собранными по делу доказательствами, а также убежденность в том, что в ходе предварительного следствия выполнены все следственные и процессуальные действия необходимые для подтверждения или опровержения обстоятельств, образующих предмет доказывания по уголовному делу.[208]

Перед тем, как перейти к формулированию итогового понятия обвинительного заключения как процессуального решения следователя и определению его значения, стоит установить перечень процессуальных требований, предъявляемых ко всем процессуальным

208 Алимамедов Э.Н. Задачи и сущность этапа окончания предварительного следствия с обвинительным заключением // Российский судья. 2011. № 10. С. 21.

решениям следователя, в целом, и к обвинительному заключению, в частности. Среди таких требований уголовно-процессуальная наука и практика выделяет: законность, обоснованность, полноту и справедливость.

Законность обвинительного заключения, как и любого другого процессуального решения, проявляется в том, что оно, во-первых – выносится своевременно, в точном соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, специально уполномоченным на это субъектом предварительного следствия в установленной законом форме. Во-вторых, его вынесению предшествует огромная работа субъектов доказывания, направленная на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. В-третьих, имеет место оценка правильности применения норм материального права. Итог изучения положений УПК РФ, а именно п. 25 ст. 5 и ст. 220 УПК РФ, позволяет утверждать, что понятие «обвинительное заключение» соединяет в своем содержании иные акты следователя (например, постановления, определения), но все же существенно отличается от них по форме, существу и правовым последствиям. Поэтому, было бы научно обоснованным и процессуально необходимым включение в диспозицию ст. 5 УПК РФ пункта 22^1 следующего содержания: «обвинительное заключение – это вынесенное следователем, согласованное с руководителем следственного органа, утвержденное прокурором решение об итогах предварительного следствия, включающее сформулированное обвинение по делу, доказательства, их анализ и предназначенное для направления уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу в пределах установленных данным заключением».

Также, всецело разделяя мнения определенной группы ученых,[209] предлагаем дополнить ч. 4 ст. 7 УПК РФ после слова «дознавателя» словами «а также обвинительное заключение», ввиду огромной процессуальной значимости данного акта.

Мнение о необходимости легального закрепления данных нововведений в УПК РФ неоднократно высказывали многие ученые.

Вторым, но не по значимости, требованием обвинительного заключения является его обоснованность, под которым следует

209 Буров Ю.В. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Буров Юрий Владимирович. Воронеж, 2011. С. 89–91.

понимать мотивированность выводов следователя относительно вины обвиняемого и других фактических обстоятельств уголовного дела, имеющимися в деле доказательствами. Только по результатам полного, всестороннего и объективного проведения предварительного следствия по уголовному делу следователь, а в последствии руководитель следственного органа и прокурор на основе собранных доказательств и руководствуясь собственными убеждениями приходят к выводу о подтверждении или опровержении правильности выдвинутой ранее версии о виновности лица в совершенном им преступлении и его квалификации. Не менее важным при составлении обвинительного заключения является учет его полноты с точки зрения отражения установленных по делу обстоятельств, определения круга лиц, подлежащих вызову в судебное заседание и определения юридической судьбы вещественных доказательств.

Суммируя все вышесказанное, под обвинительным заключением следует понимать – утвержденный следователем итоговый (основной) процессуальный акт стадии предварительного следствия, отвечающий требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости о том, что в результате полного, объективного и всестороннего производства по уголовному делу выявлены, изучены и проанализированные все обстоятельства, подлежащие доказыванию по данному уголовному делу, установлены, проверены и опровергнуты доводы, приводимые обвиняемым и (или) его защитником, доказано наличие оснований для передачи дела в суд.

© Кузовенкова Ю.А., Кузовенков М.И., 2018

Афанасьев Алексей Юрьевич
преподаватель кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ЭКСПЕРТНЫЕ СИСТЕМЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Правоприменительная деятельность в своей сущности является крайне сложной и многогранной сферой реализации человеческих способностей и возможностей. В частности, уголовное судопроизводство требует от должностных лиц уголовного процесса не только знаний закона и особого профессионализма, но и значительного интеллектуального потенциала. Однако не всегда правоприменителю следует рассчитывать лишь на свои способности, на свой интеллект. В решении юридических задач, в том числе уголовно-процессуальных, допускается прибегать к использованию не только человеческих ресурсов, но и искусственных интеллектуальных систем, созданных самим же человеком. Их использование в юридической деятельности собственно предопределяется высоким уровнем интеллектуальности, специализации и профессионализма, присущие умственной деятельности юриста, судьи, следователя, криминалиста, судебного эксперта.

Одной разновидностей таких систем выступает экспертная система, которая из себя представляет интеллектуальную систему, предназначенную для решения задач в определенной предметной области на основе знаний, предоставленных экспертами, которая содержит базу знаний и поддерживает функции обоснования, объяснения и оправдания.[210] В области юриспруденции данные системы также получили соответствующее применение[211]. Если говорить об

210 Денисова А.А. Информационные системы и технологии в юридической деятельности : учеб. пособие. К. : КНЭУ, 2003. URL: http://lybs.ru/index-841.htm (дата обращения: 07.01.2018).

211 Утермен Д. Руководство по экспертным системам. М., 1989. С. 301–304; Бессонова А.П. Экспертные системы в области права // Право и информатика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 100–107; Гаврилова Т.А. Извлечение и структурирование знаний для экспертных систем / Т.А. Гаврилова, К.Р. Червинская. М. : Радио и связь, 1992. 199 с.; Джарратано Д. Экспертные системы: принципы разработки и программирование / пер. с англ. и ред. К.А. Птицына. 4-е изд. М., 2007. 1147 с. и др.

интеллектуальной системе поддержки принятия решений в уголовном процессе, то свое развитие она обрела еще в конце прошлого века.[212] Но несмотря на это устойчивого закрепления не получила до сих пор. Пожалуй, это есть следствие преобладания у правоприменителей консервативных взглядов на форму и содержание процессуальной деятельности – непринятие электронного документооборота, отсутствие доверия к достижениям науки и техники и т.д.

На наш взгляд, такая практика неблагоприятным образом сказывается на уголовно-процессуальной деятельности, на ее качестве, мобильности, стоимости и, главным образом, на назначении. Аргументом такого предположения может выступить то, что любая интеллектуальная система есть результат аккумулирования всех имеющихся знаний в определенной сфере. На это же обстоятельство указывают ряд иных авторов, отмечая, что в экспертных системах человеческий интеллект используется в концентрированном виде для решения стандартных ситуаций в различных областях знаний и что при этом выдаваемые машиной рекомендации носят консультативный характер, принятие решения остается за человеком, хотя эти решения представляют собой качественно новый, более высокий уровень.[213]

Как известно, нет такого знания, которое не базировалось бы на уже имеющихся результатах мыследеятельности. Сюда же относится и уголовно-процессуальное и криминалистическое познание преступления. Тем самым отдельной сферой применения экспертных систем является принятие решения о направлении расследования и выполнения следственных действий. При этом сущность криминалистических исследований сводится к установлению закономерности в связях, которые существуют между преступной деятельностью, субъектом преступления, местом и способом совершения преступления, ее следовой картиной. Как отмечает Г.А. Зорин, подобная экспертная система применительно к деятельности по расследованию уголовных дел включает в себя базу данных, содержащую модели конкретных ситуаций, в которых приходится принимать решения; базу знаний эксперта в виде особых

212 Баранов А.К., Бобрынин Н.Б., Степанов М.Г. Основы применения вычислительной техники в деятельности органов внутренних дел. Горький : ГВШ МВД СССР, 1987. 93 с.; Баранов А.К., Цветков С.И. Компьютерные системы поддержки принятия следователем тактических решений. М. : Академия МВД России, 1992. 112 с. и др.

213 Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2002. С. 29–30.

правил – продукций, имеющих форму «если..., то...»; «решателя проблем» («машину логического вывода»), управляющего порядком применения продукции к анализируемой ситуации и выбором рекомендуемого решения.[214]

База данных и база знаний, которые в основном содержат теоретические знания и опыт специалистов (на базе их экспертных оценок), образуют «ядро» экспертной системы и при их правильном подборе могут привести к ряду положительных исходов. Например, к ускорению процесса принятия решения конкретной проблемы и нахождения оптимального решения, исходя из имеющихся возможностей (в частности, традиционная экспертная система может позволить молодому следственному либо оперативному работнику приступать к работе на уровне специалистов высокого класса); к снижению тактического риска следственного действия, так как перед следователем «проходят» все возможные варианты его деятельности и вероятностные модели взаимодействий; к активизации усвоения ранее полученных знаний и раскрытия новых возможностей решения нестандартных задач; к предоставлению возможности проявлять инициативу и «опережать» партнера, располагая многовариантными моделями решения поставленной задачи (при наличии интеллектуальной мобильности партнера позволяет иметь массу «запасных» откорректированных вариантов, к примеру, программ допроса).[215] Использование системы также способствует обогащению опыта и знаний сотрудников следственных и оперативных подразделений; установлению так называемых пограничных типов преступников, распознать которых другими методами чрезвычайно трудно или совсем невозможно; устранению некоторой доли субъективизма при формировании версий в условиях неопределенности; выравниванию знаний неодинаково подготовленных сотрудников и т.д.

Знания, содержащиеся в экспертных системах и выраженные в форме правил типа «Если, существует такой факт, то, вероятно, произошло такое действие или существовал такой мотив этого действия», пригодные для автоматизированной обработки и позволяют имитировать процесс оценки следователем ситуации расследования и

214 Зорин Г.А. Криминалистическая эвристика. Т. II. Гродно, 1994. С. 117.

215 Зорин Г.А. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Зорин Георгий Алексеевич. М., 1991. С. 24.

обеспечивать в режиме диалога консультационную поддержку принятия им решений. Ключевыми задачами, выполняемыми с помощью таких систем, могут выступить: определение возможных направлений расследования (формирование версий о событиях с учетом, по возможности, различных источников получения информации), выбор наиболее вероятных направлений; предоставление пользователю рекомендаций относительно дальнейших действий (назначение экспертиз, проведение оперативно-поисковых мероприятий, проверочные и следственные действия и т.д.).

Необходимо также иметь в виду, что решение этих задач невозможно без наличия таких дополнительных элементов, как: система типовых моделей следственных действий; система тактических приемов, обеспечивающих оптимальность проведения следственного действия; система логических методов, оптимизирующих в традиционных формах решение стандартных следственных задач; система эвристических методов решения следственных задач. Кроме этого следует учесть, что эффективность конкретной экспертной системы зависит от числа и качества типовых программ, введенных в память компьютерной техники, логических и эвристических методов их преобразования, а также числа продукций, содержащихся в ее базе знаний.[216]

На сегодняшний день создание экспертных систем в сфере правоприменительной деятельности явление не новое. «Ближе всего к достижению конкретных устойчивых результатов находятся экспертные системы на основе ЭВМ в области судебной экспертизы, где имеется возможность проводить научные исследования на базе формализации устойчивых, часто встречающихся признаков объектов изучения».[217] В качестве примеров таких систем можно привести экспертные системы «Наркоэкс» (экспертиза наркотических веществ), «Балэкс» (баллистическая экспертиза), «Кортик» (экспертиза холодного оружия) и т.д. Однако сферой судебных экспертиз применение экспертных систем не заканчивается. Так, существуют экспертные системы, не связанные с производством экспертиз, но направленные на раскрытие и расследование преступлений. Это такие системы, как «Маньяк» – поддержка принятия решений при раскрытии серийных убийств, совершенных на сексуальной почве на

216 Зорин Г.А. Криминалистическая эвристика. Т. II. Гродно, 1994. С. 117–118.
217 Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2002. С. 29.

основе наиболее вероятной версии о типе возможного преступника с ограничением круга лиц, подлежащих проверке на причастность к определенному преступлению, «Спрут» – устанавливает связи субъектов преступного формирования на основании знаний о преступных формированиях, связей между лицами, экономических составляющих и фактов, представляющих оперативный интерес и др.

Разумеется, это не весь перечень разработанных наукой и практикой экспертных систем, применимых при расследовании преступлений. Также нельзя утвердительно говорить о совершенстве этих систем. На наш взгляд, на сегодняшний день назрела острая необходимость не элементарного реформирования уголовно процесса, а пересмотра формы и содержания этих реформирований. Полагаем, что в этой связи разработка рабочих научно-обоснованных экспертных систем принятия уголовно-процессуальных решений и доказывания является хорошим подспорьем, поскольку, экспертная система формируется как «концентрат знаний справочного характера», она предоставляет следователю возможность вести с ЭВМ диалог, «советоваться» с ней, искать, перебирать различные варианты, среди которых можно найти наиболее приемлемый или синтезировать несколько вариантов тактических решений, чтобы на их основе построить принципиально новое тактическое решение проблемной следственной ситуации.[218] Но для начала требуется разработать не сами конкретные экспертные системы, а методологию их формирования и применения в практической деятельности.

© Афанасьев А.Ю., 2018

218 Зорин Г.А. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Зорин Георгий Алексеевич. М., 1991. С. 23.

Гончаров Роман Игоревич
студент Санкт-Петербургской академии Следственного комитета
Российской Федерации, г. Санкт-Петербург
Почтенная Марина Викторовна
студент Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

(Научный руководитель – **Ларкина Елена Викторовна**,
кандидат юридических наук)

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ-КРИМИНАЛИСТА СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вопрос о процессуальном статусе и полномочиях следователя-криминалиста неоднократно поднимался в юридической литературе, однако не нашел своего нормативного разрешения, в связи с чем не потерял своей актуальности и в настоящее время.

Пункт 40.1 ст. 5 УПК РФ[219] определяет следователя-криминалиста как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству. Однако далее в тексте УПК РФ следователь-криминалист нигде не указан, в том числе и в разделе II, в котором закреплены участники уголовного судопроизводства. В связи с чем возникает вопрос: какой статус имеет следователь-криминалист, каковы его обязанности и полномочия?

Еще в 2008 г., в процессе рассмотрения в Государственной Думе ФС РФ законопроекта «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», предусматривавшего,

219 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017).

в числе других изменений, дополнение ст. 5 УПК РФ новым пунктом 40.1, раскрывающим понятие «следователь-криминалист», Правовое управление Аппарата Государственной Думы ФС РФ и Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству обращали внимание на то, что более нигде в УПК РФ процессуальный статус следователя-криминалиста не конкретизируется.

В соответствии с п. 1.1 Приказа СК России от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации»[220] основными направлениями деятельности следователей-криминалистов являются:

– криминалистическое сопровождение производства предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к подследственности Следственного комитета;

– производство предварительного расследования;

– выполнение отдельных функций процессуального контроля;

– дополнительная профессиональная подготовка сотрудников Следственного комитета по вопросам организации, тактики и методики расследования преступлений.

Далее в приказе эти направления регламентируются указанием на конкретные полномочия. В частности, п. 1.3 к полномочиям следователей-криминалистов в сфере производства предварительного расследования отнесена только возможность на основании письменного поручения руководителя следственного органа:

1) участвовать в производстве или проводить все виды осмотра; обыск и выемки с применением необходимой криминалистической техники; проверку показаний на месте, следственный эксперимент; изъятие образцов для сравнительного исследования;

2) участвовать по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в производстве иных следственных и процессуальных действий (производить иные следственные и процессуальные действия) без принятия уголовного дела к своему производству, в том числе в составе следственных групп, создаваемых для предварительного следствия по сложным или большим по объему уголовным делам.

Вместе с тем, из содержания п. 40.1 ст. 5 УПК РФ следует, что следователь-криминалист уполномочен на 3 вида деятельности:

220 Приказ СК России от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации».

1) предварительное следствие по уголовному делу;

2) участие по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий;

3) производство по поручению руководителя следственного органа отдельных следственных и иных процессуальных действий без принятия уголовного дела к своему производству.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что вышеуказанным приказом СК РФ следователь-криминалист не уполномочен осуществлять предварительное следствие по уголовному делу («полноценное» предварительное расследование лицом, обладающим процессуальной самостоятельностью, с принятием уголовного дела к своему производству), он уполномочен лишь участвовать в производстве ряда следственных и процессуальных действий, а также проводить их на основании поручения руководителя следственного органа без принятия уголовного дела к своему производству.

Здесь возникает вопрос: не отражает ли подобная регламентация в приказе СК РФ действий следователя-криминалиста позицию СК РФ о том, что это лицо не правомочно осуществлять предварительное расследование ввиду отсутствия конкретизации его процессуального статуса в соответствующей главе УПК РФ? Следователь-криминалист – кто он: «полноценный» следователь; криминалист с отдельными процессуальными полномочиями; специалист?

Отметим и то, что предварительное следствие в Российской Федерации, согласно ст. 151 УПК РФ,[221] осуществляют уполномоченные на то лица: следователи СК, ФСБ, ОВД; а дознание – дознаватели ОВД, пограничных органов ФСБ, органов ФССП, органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, таможенных органов и следователи СК. Ни среди субъектов, осуществляющих дознание, ни среди уполномоченных на осуществление предварительного следствия лиц, следователь-криминалист не указан.

Разделение же следователя и следователя-криминалиста, закрепленное в ст. 5 УПКРФ, по нашему мнению, свидетельствует о невозможности отождествления следователя-криминалиста со следователем.

221 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017)

Как известно, ранее в прокуратуре существовала должность прокурора-криминалиста, послужившая прообразом следователя-криминалиста.

В целях сравнения полномочий указанных лиц считаем целесообразным привести основные задачи прокуроров-криминалистов, содержавшиеся в п. 5 Положения о прокурорах-криминалистах в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденного Приказом Генерального прокурора России от 27.01.1997 № 4 «Об улучшении организации работы прокуроров-криминалистов»:

– изучение материалов следственной практики;

– учет и анализ нераскрытых умышленных убийств и других тяжких преступлений, подследственных прокуратуре, а также преступлений, расследование которых представляет особую сложность;

– разработка на этой основе совместно с заинтересованными подразделениями мероприятий по обеспечению надлежащей следственной и оперативно - розыскной работы по их раскрытию;

– непосредственное оказание практической, организационно-методической и иной помощи в расследовании и раскрытии этих преступлений;

– участие в проверках организации работы по расследованию, раскрытию и предупреждению тяжких преступлений, дела о которых подследственны прокуратуре;

– внедрение в следственную практику научно обоснованных и апробированных рекомендаций по организации, методике и тактике предварительного следствия, новых технико-криминалистических средств и средств правовой информатики, современных возможностей судебных экспертиз, взаимодействие в этой работе с криминалистическими и судебно-экспертными подразделениями, научно-исследовательскими и другими учреждениями, высшими юридическими учебными заведениями;

– участие в учебно-методической работе по повышению профессионального уровня прокурорско-следственных работников; обобщение и распространение положительного опыта расследования и раскрытия преступлений, а также ряд иных задач.

Таким образом, прокуроры-криминалисты осуществляли учебно-методическое обеспечение деятельности следственных подразделений прокуратуры России, во время производства следственных действий выступая в качестве наставников по отношению к следователям прокуратуры с целью достижения высокой эффективности работы, оперативного и качественного расследования преступлений.

Ни УПК РСФСР, ни УПК РФ, ни тем более приказ Генерального прокурора РФ не наделял их полномочиями по производству предварительного расследования.

Поскольку в настоящее время в практике имеют место случаи поручения следователям-криминалистам производства предварительного следствия, полагаем необходимым присоединиться к высказываемым в научной литературе мнениям о необходимости введения в УПК РФ отдельной статьи, в которой были бы конкретизированы полномочия следователя-криминалиста.

Так, Г.М. Меретуков[222] предлагает включить в УПК РФ новую статью 38.1, в части первой которой приводит понятие «следователя-криминалиста», указывая на то, что данное должностное лицо должно обладать криминалистическими знаниями. Однако стоит отметить, что не только следователь-криминалист должен быть компетентен в вопросах тактики следственных действий и методики расследования, но и любой следователь должен обладать широкими познаниями в данной области.

В части второй статьи 38.1 УПК РФ, определяя полномочия следователя-криминалиста, Г.М. Меретуков[223] указывает на то, что данное должностное лицо, участвуя в досудебном производстве, наряду с осуществлением предварительного следствия, уполномочено производить или участвовать в производстве криминалистических и иных видов экспертиз.

Однако мы обращаем внимание на то, что эксперт в соответствии со ст.57 УПК РФ, в отличие от следователя – участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения, является отдельным, принципиально «иным участником» процесса (глава 8 УПК РФ), который обладает специальными знаниями и назначается в порядке,

222 Меретуков Г. М. Следователь-криминалист: процессуальный статус и его функции // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109(05). С 1–10.
223 Там же.

установленным УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Таким образом, указанный автор смешивает два процессуальных статуса в одном лице, что не является допустимым.

В связи с чем, в целях нормативно-правового закрепления правового статуса следователей-криминалистов Следственного комитета РФ считаем целесообразным дополнить главу 6 раздела II Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации статьей 381 в следующей редакции:

«Статья 381. Следователь-криминалист

1. Следователь-криминалист является должностным лицом Следственного комитета Российской Федерации, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу.

2. Следователь-криминалист уполномочен:

1) возбуждать уголовное дело в порядке, установленном настоящим Кодексом;

2) принимать уголовное дело к своему производству или передавать его руководителю следственного органа для направления по подследственности;

3) самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа;

5) давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении;

6) обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном частью четвертой ст. 221 настоящего Кодекса, решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых

или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков;

7) участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству;

8) осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом».

Также предлагаем внести изменения в ст. 151 УПК РФ и изложить ч. 1 и п. 1 ч. 2 данной статьи в следующей редакции:

«1. Предварительное расследование производится следователями, следователями-криминалистами и дознавателями.

2. Предварительное следствие производится:

1) следователями, следователями-криминалистами Следственного комитета Российской Федерации – по уголовным делам…».

Наличие разных точек зрения по вопросу определения процессуального статуса следователя-криминалиста Следственного комитета РФ, регулярное появление научных работ, в которых исследуются сущность и различные аспекты его процессуального статуса подтверждают необходимость продолжения дискуссии на данную тему. Полагаем, что предложенная нами регламентация процессуального статуса позволит ввести следователя-криминалиста в уголовный процесс в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства, полномочного субъекта осуществления предварительного расследования.

© Гончаров Р.И., Почтенная М.В., 2018

Проненко Алена Владимировна
студентка Российского государственного
университета правосудия
(филиал в г. Санкт-Петербурге)

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПРИ ИЗОБЛИЧЕНИИ ДОПРАШИВАЕМОГО ВО ЛЖИ

Ключевым процессом раскрытия и расследования преступлений является процесс доказывания, сущность которого состоит в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств, а целью выступает установление истины по делу.

Теория криминалистики утверждает, что каждый преступник на месте происшествия оставляет следы, обнаружение которых и должно способствовать раскрытию преступления. Однако в большей мере приходится сталкиваться с фактами, когда из-за недобросовестного отношения к исполнению своих обязанностей, недостаточности опыта и временного фактора утрачиваются вещественные доказательства и важнейшие следы преступления.

В этой связи остается надеяться только на «субъективные следы», а именно на показания лиц, которые могут быть осведомлены о произошедших событиях. При этом позиция этих участников процесса порой подвержена внешнему влиянию, интересам собственной выгоды, иным факторам, искажающим в их восприятии объективную истину. В этих случаях следователю приходится прилагать немало усилий, чтобы изобличить лжесвидетеля, либо выявить то или иное искреннее заблуждение очевидца преступления.

Среди проводимых в ходе расследования следственных действий, допрос, как правило является самым распространенным и значимым. Именно он выступает в качестве основного средства собирания и проверки доказательств, в силу чего от его успешного проведения во многом зависит результат расследования, судьба уголовного дела.

По своему характеру допрос – сложное, многоплановое следственное действие, часто протекающее в условиях «конфликтной ситуации». Достижение целей допроса обусловлено умением следователя изменить данную ситуацию.

Основная цель допроса заключается в получении от участников процесса необходимой информации, по которой можно в дальнейшем выработать версии по делу, установить важные для расследования детали и обстоятельства совершенного преступления. Изучение уголовных дел свидетельствует о том, что следователи зачастую не готовятся к допросу. Поэтому проводимые ими допросы отчасти формальны и содержат мало информации. При их проведении не учитывается информация, полученная при осмотре места происшествия. На стадии подготовки согласно ст. 73 УПК РФ должен быть определен предмет предстоящего допроса, в который должны входить сведения, оставляющие предмет его доказывания; сведения, которые необходимы для определения круга свидетелей, установлению преступника, места, где он скрывается и т.д.; сведения, с помощью которых можно выявить доказательства по делу и сведения, которые необходимо знать для проверки и оценки других доказательств.

Зачастую изучение личности допрашиваемого следователями не проводится, и допрос начинается сразу, без установления контакта между следователем и допрашиваемым. При этом не берется во внимание, что с учетом особенностей личности допрашиваемого, подбираются тактические приемы, применение которых может привести к успеху.

Порой следователь сам не знает, чего он хочет от свидетеля и фиксирует лишь то, что считает нужным ему сообщить свидетель. В последующем, при рассмотрении дела судом, возникают разногласия в показаниях свидетеля, данных им на следствии, с показаниями, данными им в суде. Данные разногласия свидетель объясняет тем обстоятельством, что «его об этом следователь во время допроса не спрашивал». Некачественное проведение допроса может поставить под угрозу основную задачу следствия – раскрытия преступления.

Перед началом производства допроса необходимо установить между следователем и допрашиваемым лицом социально-значимые отношения, главной задачей которой выступает – создание зоны доверия и безопасности. После чего необходимо провести опросную беседу с допрашиваемым, применяя специальные знания, обеспечивающие осуществление анализа (оценки) специфических свойств высказываний, которые дифференцируют правдивые сообщения допрашиваемого лица от вымышленных.

При производстве допроса перед следователем зачастую появляется такая задача как изобличение во лжи как свидетеля и потерпевшего, так и подозреваемого и обвиняемого. Мотивами ложных показаний могут выступать различные факторы, такие как: боязнь испортить отношения с другими участниками уголовного судопроизводства, боязнь мести со стороны вышеуказанных лиц, желание скрыть свои собственные плохие поступки и аморальное поведение, желание усугубить или смягчить вину подозреваемого/обвиняемого, мнимое восприятие произошедшего события, желание избежать какой-либо ответственности за совершенное преступление.[224]

Способность допрашиваемого лица давать необходимые следователю показания зависит, как правило, от факторов воспроизведения информации в речевой форме, различных возрастных групп, способность правильно воспринимать важные для дела обстоятельства и давать о них показания.[225]

Как правило, достоверность либо отсутствие ее в полученных показаниях вышеуказанных лиц, возникает у следователя после проведенных допросов. Данные указывающие на ложь в показаниях обычно выступают в качестве допросов иных лиц, новых вещественных доказательств, заключений экспертов, очных ставок, проверок показаний на месте и иных следственных действий.

В литературе и на практике следователь обычно использует приемы эмоционального и логического воздействия, а также различные тактические комбинации. Эмоциональное воздействие заключается в убеждении допрашиваемого в правовых последствиях дачи таких показаний, побуждение к раскаянию путем разъяснения различного рода последствий, воздействие на личностные стороны допрашиваемого, использование постановки внезапных вопросов. Приемы логического воздействия заключаются в демонстрации несоответствия данных показаний действительности с предъявлением доказательств уже собранных по делу. Кроме этого, существуют тактические комбинации, которые подразумевают создание следователем ситуации, которая производит в сознании допрашиваемого неправильную оценку, что объективно приводит к

224 Лившиц Е. М., Белкин Р. С. Тактика следственных действий. М., 1997 176 с.
225 Лукин А.В., Мартьянова Л.М., Челпанов В.Б., Молчанов А.Ю. Модели получения признания. [б.м.]: [б.и.], 2017. 110 с

изобличению последнего. Для получения более правдивых показаний перед началом допроса, следователь должен выстроить логическую структуру рассказанного при опросе, проанализировать количество сообщенных подробностей. Особыми содержательными элементами анализа допроса должны выступать: контекстуальные вставки; описание взаимодействия; воспроизведение разговоров; необычные подробности; избыточные подробности; внешние обстоятельства; точно воспроизведенные, но неверно истолкованные подробности; внешние обстоятельства, имеющие отношение к делу, сообщения о психическом состоянии свидетеля; объяснение психического состояния нападавшего; внесение коррективов по собственной инициативе; самоосуждение; оправдание виновного.

Тактические комбинации не следует сравнивать с обманом допрашиваемого лица. Обман представляет собой сообщение ложных сведений или изменение истинных фактов, а тактические комбинации – это создание ситуации на основе истинных фактов, которые могут быть правильно или неправильно восприняты допрашиваемым.

Исходя из многолетней практики сотрудников правоохранительных органов, можно отметить, что изобличение допрашиваемого во лжи может привести к последствиям двоякого рода: к даче им правдивых показаний, либо к замене показаний новыми ложными показаниями. Во втором случае процесс изобличения во лжи должен быть продлен, но уже с помощью других тактических приемов.

© Проненко А.В., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Клаус Александр Владимирович
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПЕТРОГРАДА – ЛЕНИНГРАДА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ПЕРИОД С 1917 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ 7

Боруленков Юрий Петрович
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ АЛЬТЕРНАТИВЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СЛЕДСТВИЮ НЕТ 16

Милюков Сергей Федорович
ПРИЧИНЫ НЕЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ «ТЕЛЕФОННОМУ» ТЕРРОРИЗМУ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ 28
РАЗДЕЛ 1: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЛЕДСТВИЯ 32

Белозеров Борис Петрович
ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОГО СУДОУСТРОЙСТВА И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА И ЕГО ТЫЛА 32

Балашова Надежда Анатольевна, Загорьян Сергей Георгиевич
ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ НА РУСИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД 50

Крымов Виталий Александрович
ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В XVIII ВЕКЕ 55

Кожевников Олег Альбертович
ТАКТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТАЙНОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II 60

Фролов Владислав Владимирович
ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА 67

Доронин Андрей Михайлович
ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ДОЗНАНИЕМ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 72

Расчётов Владимир Александрович
НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ 1954 – 1955 гг 78

Щенина Татьяна Евгеньевна
ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ КОМПРОМИСС НА ДОСУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ..84

Тарасов Анатолий Вячеславович
СТОЯНОВСКИЙ Н.И. – РЕФОРМАТОР ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА 92

Мерзляков Андрей Андреевич
К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 98

Карачкова Карина Игоревна
УЧРЕЖДЕНИЕ НЕЗАВИСИМОГО СЛЕДСТВИЯ В РОССИИ ПО УКАЗУ АЛЕКСАНДРА II ОТ 8 ИЮНЯ 1860 ГОДА 104

РАЗДЕЛ 2 : СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛЕДСТВИЯ 110

Топильская Елена Валентиновна
СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОТЕРПЕВШИМ ПО ДЕЛАМ О СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: УЧАСТИЕ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА 110

Розовский Борис Григорьевич
БЫТЬ, ИЛИ НЕ БЫТЬ ДОСУДЕБНОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ? 116

Корсаков Константин Александрович, Суханкина Людмила Ивановна
ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ ВИНОВНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ 124

Сажаев Алексей Михайлович, Николаев Андрей Павлович
ЕЩЕ РАЗ О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СК РОССИИ.130
Кузовенкова Юлия Алексеевна, Кузовенков Михаил Игоревич
ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ 136

Афанасьев Алексей Юрьевич
ЭКСПЕРТНЫЕ СИСТЕМЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ . . .141

Гончаров Роман Игоревич, Почтенная Марина Викторовна
К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ-КРИМИНАЛИСТА СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 146

Проненко Алена Владимировна
ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПРИ ИЗОБЛИЧЕНИИ ДОПРАШИВАЕМОГО ВО ЛЖИ 153

СОДЕРЖАНИЕ 157

Научное издание

ЭВОЛЮЦИЯ СЛЕДСТВИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник тезисов Международной научно-практической конференции

г. Санкт-Петербург, 14 декабря 2017 года

Редактор: Никольская А.С.
Компьютерная верстка: Тверская Ю.В.

Подписано в печать 16.04.2018
Формат 60x90 1/16
Усл.печ.л 10
Печать цифровая.
Тираж 100 экз. Заказ № ____

Отпечатано в Цифровой типографии «Art-Xpress»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская улица, 17 к 4
Тел. +7 812 331-33-22